

Минский международный образовательный центр имени Йоханесса Рау
Дортмундский международный образовательный центр

Архив Хаси Пруслиной:

**Минское гетто, антифашистское подполье,
репатриация детей из Германии**

Минск
Издатель Логвинов И. П.
2010

УДК 329.18:179.8(476-25)(063)
ББК 607.409(иБел)
К62

Рецензент:

доктор исторических наук, профессор Э.Г. Иоффе

*Посвящается
Пруслиной Хасе Менделевне
(20.01.1901 — 25.11.1972) —*

*маме,
узнице гетто,
подпольщице,
партизанке*

Минск, 20 января 2010 года

К62 **Архив** Хаси Пруслиной: Минское гетто, антифашистское подполье, репатриация детей из Германии / Сост. З. А. Никодимова; под ред. К. И. Козака. — Минск: И. П. Логвинов, 2010. — 136 с.

ISBN 978-985-6901-48-5

На основе дневниковых записей Хаси Пруслиной углублена история Минского гетто, минского антифашистского подполья и участия в нем евреев. Впервые в белорусской историографии представлены материалы поиска и возвращения детей, перемещенных в Германию в годы оккупации, в том числе дочери Пруслиной — Зины Никодимовой.

Книга вызовет несомненный интерес не только у специалистов-историков, но также всех тех, кому не безразличны события, связанные с оккупацией г. Минска в годы Второй мировой войны.

УДК 329.18:179.8(476-25)(063)
ББК 607.409(иБел)

© Историческая мастерская Минского международного
образовательного центра имени Йоханесса Рау, 2010

© Никодимова З. А., составление, 2010

ISBN 978-985-6901-48-5

© Оформление. Издатель ИП Логвинов И. П., 2010

Вместо введения

Содержание

Вместо введения

Возвращение памяти, или Когда слова могут говорить 5

Раздел 1. Минское гетто и борьба за выживание 17

Стенограмма беседы с лектором Минского
горкома партии т. Пруслиной Х. М. 17

Раздел 2. Поиски и возвращение дочери Зинаиды 49

Поездка за границу 49
Где моя дочь? 53

Раздел 3. К истории реабилитации

Минского коммунистического подполья 1941—1942 гг. 56

Борьба за реабилитацию минского подполья 65
О деятельности подпольной группы,
возглавляемой партийной организацией
города Минска во время оккупации немцами в 1942 году 76

Раздел 4. Гутен Таг фройнде! 102

Добрый день, друзья! 102

Раздел 5. Документы и материалы 107

Государственные награды

Хаси Пруслиной за 1944-1970 гг. 123

Список литературы 124

Возвращение памяти, или Когда слова могут говорить

Это необыкновенный архив. Он уже более 60 лет бережно хранится в семье и передаётся от матери к дочери, а сейчас — к внукам. Возможно, он не случайно попадёт в Историческую мастерскую — место, связанное с историей Минского гетто, историей антифашистского подполья. В Исторической мастерской, созданной как белорусско-немецкий проект, на протяжении семилетнего периода накапливаются жизненные истории бывших узников гетто и концентрационных лагерей, «Праведников народов мира», принудительных рабочих. Отрадно, что память о некоторых из них восстановлена после долгого забвения уже через воспоминания детей, родных и близких.

Но можно ли назвать это забвением, когда слова сказаны и записаны, когда они так бережно хранятся в семейном архиве. Сама Зинаида Алексеевна — человек по своему характеру необыкновенный. Ей не надо говорить о себе. Ей надо рассказать о том, что уже было сказано, что не раз повторено. Но, как бывает в жизни, нередко настоящая правда пробивается через преграды, непонимание, забвение, несогласие. Ей непросто. Да и трудно найти согласие в общих оценках, избирательности описания того, что было, но чему мы не были свидетелями.

К тому же, как оказалось, по таким жизненным и значимым вопросам, как история Минского гетто, антифашистского подполья, уже давно нет единого мнения. Возможно ли изменить положение? В этом нет сомнения. Но когда? Уже сейчас нет тех свидетелей, нет их записанных голосов и рассказанных ими историй. Пока живы дети, пока у них хранятся дневники, записки, документы, многое ещё можно изменить. Государство нуждается в правде об истории Второй мировой и Великой Отечественной войн, особенно о ее лучших представителях — трагических и героических персонажах этой истории. В документальном прочтении можно обнаружить некоторые ключевые моменты того времени и истории тех людей без того, чтобы вос-

создавать ложные представления, умножать иллюзии, преуменьшать или, наоборот, возвеличивать те или иные события и, особенно, личностей. Возможно не становится на заведомо ограниченную точку зрения о том времени одного человека...

Так в чём же сила дневниковых записей мамы Зинаиды Никодимовой — Хаси Пруслиной? Вполне вероятно и в том, что обе женщины неразрывно связаны с той большой памятью о прошедшей войне. А долгие послевоенные годы позволили проявить некоторые штрихи, скрытые зоны, напряжения в своего рода гуманитаризации культуры памяти прошлого.

Попробуем остановиться лишь на четырёх главных вопросах.

Первое: история памяти Минского гетто. Это Минское гетто, увиденное глазами не жертвы, а человека самодостаточного, боровшегося за себя, близких и просто окружающих людей¹. Тогда — ежеминутная смертельная опасность, но леденящий страх массовых убийств, кажется, не привел к безволию и покорности. Хася Пруслина рядом с теми, кто сопротивляется, и теми, кто активно сотрудничает с нацистами. Кто смирился с безысходностью и превратился в свидетеля трагедии и кто встал на путь борьбы. И всё это происходит одновременно, в ограниченном времени и месте пространства — Минском гетто. Всё это, даже сейчас, непросто, сложно и болезненно воспринимать.

Нередко доводилось слышать, что подобные темы даже не обсуждались в кругу семьи, не произносились слова, способные напомнить о пережитом. Так ли это? Отважные и смелые в прошлом, они вдруг стали слабыми и управляемыми? Да, всё это было, и об этом ничего не было сказано открыто. Но также можно встретить мнение, что объективно невозможно было это пережить.

Перед нами — собирательный образ памяти. Но, пожалуй, этому мы верим. С этим надо согласиться. Это могло быть. И вот, по окончании войны, такая *Трагедия* и такая *Победа*. Одновременно мы народ победителей и народ побеждённых. Но если это могло быть, то насколько хрупкой является память, насколько правильным — понимание образа прошлого, созданного хотя бы одним из немалого числа участников событий. И как же отделить воображаемое от настоящего, когда мы, читатели, больше верим устоявшимся представлени-

ям, запечатлённым образам? Удачным или неудачным — это уже зависит от мастерства...

Что же представлено в дневниках и записках минчанки Хаси Пруслиной? Слова, написанные ею после войны о понимании произошедшего, по многим причинам так и не были услышаны. Они не могли изменить отношение послевоенного поколения к истории Минского гетто и рождавшегося там антифашистского сопротивления. Ведь, проживая в условиях трудного времени, выжившие разделились на тех, кто победил, и тех, кто по разным причинам не смог или не сумел вступить в их ряды. К сожалению, правда о Минском гетто долгое время оставалась в цепкой памяти тех, кто старался в те годы не напоминать о таких страницах прошлого. Вероятно, и сейчас в авторских повествованиях о событиях того далёкого 1944 года содержится больше вопросов для нас, чем ответов на них. Тем более что такое жанровое исследовательское направление только начало развиваться. Со стороны историков ещё даже не обозначено критическое отношение к подобного рода материалам.

В нашем повествовании главная тема начинается с Минского гетто. Это сложный путь по территории гетто, города с его блокпостами, явочными квартирами, многочисленными таинственными адресантами минского подполья. Встречи с некоторыми бывшими партизанами и подпольщиками, хорошо известными нам через прессу и печать, телевидение и радио, может стать ключом для воссоздания полноты событийного образа войны в Беларуси. В некоторых случаях — для понимания гражданской позиции участников.

С учётом того, что в последнее время появилось немало публикаций, особенно мемуарного характера, данное личностное свидетельство привлечёт внимание читателей не только представленной возможностью восполнить историю Минского гетто, но и персонифицировать формы выживания в условиях тирании и сопротивления нацистскому режиму.

Второе: уже после войны началась борьба за память о Минском антифашистском подполье. Одни из самых малоизвестных страниц в истории Второй мировой войны, имеющие отношение к Минскому антифашистскому подполью, оказались в свете нового прочтения. Подполье создавалось стихийно, индивидуально, нестандартными поступками тех, кто по разным причинам встал на этот путь. Многие не выжили, были схвачены, допрошены, использованы, другие остались безвестными по той причине, что оборвалась история деятельности тех, кто их знал, возможно, направлял в их непростой борьбе. Для многих память угасла уже после войны, когда на многое пришлось смотреть иначе, отвечая на вопросы почему, да как, и кто он,

¹ В списках участников Минского подполья значатся: Пруслина Хася Менделевна, 1901 г. р., сентябрь — сентябрь 1942 гг.; Пруслин Матвей Менделевич, 1904 г. р., сентябрь 1941 — март 1942 гг.; ушёл в партизанский отряд, погиб в 1942 г.; Пруслина Белла Менделевна, 1912 г. р., сентябрь 1941 — август 1942 гг., связанная партизанского отряда. См.: Мінскае антыфашысцкае падполле. Мн., 1995. С.101.

они? Слишком много потерь, слишком много героев появилось. К этому времени одни и те же люди стали и героями, и разработчиками темы истории войны.

Немаловажно, что сами свидетели начали предъявлять свои истории негероического сопротивления в страданиях и тяжёлых условиях выживания в гетто, концлагерей, принудительного труда на территории Беларуси и Германии.¹ Выход из печати книг Лаврентия Цанавы в 1949 и 1951 гг.² с запечатлённой торжествующей героизацией партизанского движения в отсутствие национальных сегментов сопротивления, страданий населения, особенно еврейского, в условиях глубокой оккупации заглушил робкие голоса, представлявшие иное видение этих событий.

Но они были. Свидетельства можно найти в семейных раритетах, реже — в архивах. Разуверенные до сих пор не подают голосов из своих домов. Многие из них уже не будут услышаны. Слова потеряны, уничтожены при переездах, оставлены без внимания прессой, великим числом специалистов по истории героического прошлого, которое действительно запечатлено в документах архивов, музеев, выставок, презентаций, массовых книжных изданий. Однако есть исключения — проявление интереса к руководителям и членам патриотического Минского подполья Исаю Козинцу, Михаилу Гебелеву, Маше Брускиной, реабилитация в 1990-х годах одного из организаторов подполья Ивана Ковалёва.³ Но нет общей истории.

Всё же кое-кто не оставлял надежды, что страницы истории Минского подполья будут написаны, прочитаны и дописаны. Таких непрочитанных страниц историй ещё не мало. И, пожалуй, они субъективны. И мало кто с ними согласится. Но человек, который был у истоков трагедии Минского гетто, формирования сил сопротивления, всё время настаивал на том, что увидел собственными глазами. Тот человек, который не боялся ещё в те годы и тех руководителей со своими представлениями, которые были на вершине власти.

Не много ли совпадений, чтобы не выслушать и не дать свою собственную оценку прочитанному? В плане расширения исторического военного прошлого последние события в Беларуси нельзя не признать позитивными. Это касается истории партизанского движения, Холокоста как национальной трагедии, Праведничества, трагедии

белорусских узников лагеря смерти Освенцима, форм массового принудительного труда.¹

Не исключено, что и документы из семейного архива Хаси Пруслиной станут таким началом. Ведь многие говорят о необходимости такого направления. Но не хватает ресурсов, документов из архивов, воспоминаний, уверенности в сказанном и услышанном. Выводы не могут успокоить и тех и других. Пока всё остаётся прежним. Но это пока. Введение новых тем, как и истории о добрых немцах, наряду с расширением вопросов о трудностях в организации одного из самых массовых в истории Второй мировой войны партизанского движения в Беларуси, провоцируют на углубление проблемности в истории Минского патриотического подполья. Несколько таких наблюдений мы найдём и в записях Хаси Пруслиной.

Третье: у детей не осталось родителей, но и при живых родителях нередко они оказывались вдали от дома — в Германии. Кто боролся за их возвращение? Вот совершенно новая тема. Но она вполне актуальна: в Беларуси многие дети стали жертвами германского оккупационного режима. Они умирали от болезней, холода и голода, их сжигали вместе с любимыми мамами. Вывозили на принудительные работы в Германию. И когда, в силу своего малолетства, они не так жестоко переносили тяжёлый принудительный труд, а порой оказывались и под опекой добрых немцев, нередко и в специальных учреждениях типа «Лебенсборна», то постепенно в их память возвращалось желаемое детство.

Прошли годы, и сейчас дети войны выступают главными свидетелями той истории. Их память трансформирует опыт войны, для большинства из послевоенного поколения, возможно, достаточного для определения степени трагичности прошлого. В итоге, уже сама война становится более романтической историей, её картинка — более благообразной и предсказуемой.

В необычном восприятии ребёнка представлены материалы украинского исследователя Владимира Литвинова «Исчезновение архивов *Лебенсборна*»² о плане колонизации и германизации оккупированных народов на Востоке через создание системы специальных приютов. Для этого с территории Советского Союза необходимо было вывезти не менее 50 тыс. «расовоценных» детей в возрасте от 10 до 14 лет с целью ассимиляции. Даже в период наступления Красной Армии

¹ Смоляр Г. Мстители гетто. М., 1947; Цветкова Н. 900 дней в фашистских застенках. Мн., 1958.

² Цанав Л. Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков. Ч. I. Мн., 1949; Ч. II. Мн., 1951.

³ Доморад К.И. Партийное подполье и партизанское движение в Минской области, 1941—1944. Мн., 1992. С.155—168.

¹ Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. Мн., 2005; Война и украденные годы: живые свидетельства оstarбайтеров Беларуси. Мн., 2009; Лагерь смерти Освенцим: живые свидетельства Беларуси. Мн., 2009; Праведники народов мира: живые свидетельства Беларуси. Мн., 2009.

² Литвинов В. Коричневое «ожерелье». Кн. 2. Ч. II. Киев, 2001. С. 166—222.

нацисты не только захватывали, но и активно «работали» с детьми. Именно в лагерях они всегда находили тех, кто был нужен.

Что нам известно о судьбах вывезенных в Германию детей? Что с ними происходило?¹ Получить ответ очень сложно. По сути, представленные здесь материалы могут открыть путь для более внимательного прочтения детской военной истории. Один из тех, кого вывезли в Германию из Гродно, А.М. Собалев отмечал:

«Я не просто говорил по-немецки — я по-немецки думал. А ведь времени прошло всего ничего. Да и настоящее имя моё (по документам) — Альберт — не требовало „редакторского“ вмешательства эсэсовских ассимиляторов. В детдоме жили ребята разных национальностей. Из славян — русские, украинцы, поляки, чехи... Все — сироты. Все онемеченные. На родном языке никогда не говорили. Отца с матерью не вспоминали, как будто их и не существовало на свете. Носили мы короткие тяжёлые шорты, сшитые из толстой кожи. Держались они на ремнях с красочной перемычкой на груди... Нетрудно было предвидеть, чем завершится, чем закончится этот процесс...»²

Другое воспоминание принадлежит Л.П. Ходыревой:

«Весна сорок шестого. Меня выводят на лестничную площадку. Внизу стоит незнакомый советский офицер. Улыбается, руки широко распростерты. Видимо, приготовился к тому, что я брошусь ему навстречу и он заключит меня, похищенную и германизированную русскую девочку, в свои крепкие объятия. Но ничего этого не происходит. Я стою на месте. Тогда офицер, обращаясь ко мне, что-то говорит. А я его не понимаю. Ведь он горит по-русски. Я же знаю только немецкий. В конце концов офицер поднимается ко мне по лестнице, берет на руки и уносит в машину. Машина ждет нас на улице».³

Вот учётная карточка девочки: Лидия Петровна Завьялова, 1936 года рождения, сирота, уроженка г. Могилёва, русская. Родителей

нет. Отправлена 4.06.1946 г. в Симферополь. Основание: списки от 16.06.1946 г. на лиц, репатриированных из Германии.¹

Вчитайтесь в историю Зинаиды Никодимовой. Её путь домой не менее драматичен, но имеет счастливое завершение. Как во многом схожи жизни этих беззащитных детей военной поры. Известны имена почти 92 тыс. детей, находившихся в воспитательных учреждениях «Лебенсборна» (полный список этих воспитательных учреждений не найден, однако названия и адреса наиболее крупных известны: «Таунус» в Висбадене, «Альпенланд» в Обервейсе, «Поммерн» в Бан Полцине, «Зонненвизе» близ Лейпцига, «Вестервальд» близ Познани, «Марквальд» близ Кракова, «Остлан-Хайм» близ Варшавы). На родину возвратилась лишь малая толика детей, исследователи затрудняются назвать хотя бы примерную цифру. Так что истории А.М. Собалева и Л.П. Ходыревой можно считать редкими исключениями.

Остаются неизвестными судьбы детей, которых отнимали у вывезенных на принудительные работы, брошенных в бараки концлагерей женщин. И даже открытие архивов в Коблинце, где хранится значительная часть документов по программе «Лебенсборн», принципиально не решает проблему. Ведь за год-полтора нахождения в иноплемennой среде из памяти ребёнка почти полностью «испарялось», улетучивалось знание языка, на котором он слушал материнские колыбельные песни. К тому же обстановка секретности и профессиональные уловки в искажении данных о похищенных, в том числе и придумывание новых имен и фамилий, сводили на нет возможности доказать истину происхождения.

Здесь же существовали специальные лагеря для беременных женщин-невольниц с Востока. Многие из них потеряли новорождённых, у некоторых — их просто отбирали. И после этого они теряли своих детей навсегда.² Вот только некоторые истории, услышанные при подготовке издания о лагере смерти «Освенцим».

Зимой 1944 года Александру Тарасевич, которой пришлось рожать уже в лагере, перевели в какое-то медицинское учреждение на этой же территории. Возвратилась в барак в слезах и без ребёнка, которого

¹ Литвинов, указ. соч., с. 188.

² Воспоминание А.М. Собалева // Литвинов, указ. соч., с. 190, 194—195.

³ Из воспоминаний Л.П. Ходыревой (Завьяловой) // Литвинов, указ. соч., с. 203. В войну потеряла отца, мать, младшего брата. Из тюрьмы в Герлице переведена в католический приют. После освобождения воспитывалась в детских домах Крыма. Проживает там же. См. с. 220.

¹ Из ответа Управления по розыску советских и иностранных граждан Исполнительного комитета Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР (№ 68014/4 от 6 июля 1990 // Литвинов, указ. соч., с. 206.

² Там же, с. 419—423. По некоторым данным, в специальных лагерях рейха погибли примерно 100 тыс. детей советских женщин. По возвращении в СССР эти женщины подверглись моральному террору. Иначе как «немецкими овчарками» их не называли. Некоторым удалось скрыть факт рождения ребёнка в Германии. См.: Литвинов, указ. соч., с. 431—432.

у неё сразу же забрали. Больше она его не видела и каких-либо разъяснений тоже не получила.¹

Екатерина Пинчук родила в мае 1944, но когда в ноябре ребёнок заболел, его забрали для лечения. С тех пор она не видела своего малыша.² Андриевская Ванда родила своего ребёнка в Освенциме в том же 1944. Ребёнка забрали, а женщине дали для выхаживания другого — рождённого кем-то от немецкого бауэра.³ У Тамары Карелиной также несколько раз хотели отнять ребёнка, родившегося в лагере в декабре 1943 года. Она просила, умоляла, и ей удалось его оставить.⁴

Что же происходило в Беларуси после окончания войны? Все ли дети были возвращены? В книге «Белорусские остарбайтеры», которой за разработку данной темы присуждена Государственная премия 2002 года, этот процесс описан.⁵

Особого внимания требовали дети без родителей. 7 февраля 1945 года на пункты скопления репатриантов была послана инструкция санитарного отдела Управления Уполномоченного СНК СССР о порядке возвращения на Родину детей, потерявших родителей, и сирот.⁶ Инструкция предусматривала их размещение отдельно от взрослого населения группами по 20—25 человек в отвечающих санитарно-гигиеническим нормам помещениях, тщательный медицинский осмотр, выявление инфекционных и нуждающихся в лечении, госпитализацию или временную изоляцию в боксах, санитарную обработку всех детей.

22 сентября 1945 года помощник начальника отдела СНК БССР по делам репатриации С.П. Драпеко подготовил начальнику отдела СНК БССР по делам репатриации И.П. Баркову докладную записку «Об устройстве прибывших из Германии детей-сирот в детские дома Молодечненской области». В ней отмечалось, что большинство детских домов были расположены в сельской местности, за исключением двух (Ошмяны, Постава), которые находились в городе. Здания в большинстве случаев требовали капитального ремонта (Вязьинский, Куренецкий, Михайловский, Воложинский). В текущем ремонте

нуждались Костеневичский, Юратишковский, Молодечненский и другие детдома. Везде ощущался острый недостаток твёрдой и мягкой мебели (кровати, столы, стулья и табуретки). Например, в Антопольском, Будславском детдомах дети спали на нарах, а в Молодечненском детдоме 17 детей спали на полу. Пищевые блоки не соответствовали своему назначению. Не было отдельных комнат для разделки мяса, мытья посуды и чистки овощей: все работы производились в одной комнате.

В Будславском детдоме из 100 прибывших детей 84 были отправлены к родителям, и на 20 сентября 1945 года в детдоме осталось 16 человек, в Ивьевском детдоме — 42, 15 и 27; в Юратишковском детдоме — 27, 19 и 8; в Сморгонском детдоме — 69, 30 и 39; Островецком детдоме — 87, 53 и 34; Воложинском детдоме — 49, 25 и 24; Кривичском детдоме — 56, 51 и 5; Куренецком детдоме — 37, 20 и 17; Поставам детдоме — 40, 20 и 20; Раковском детдоме — 61, 43 и 18; Вязьинском детдоме — из 52 все (52) были отправлены к родителям, в Ошмянском детдоме из 76 человек 39 были отправлены к родителям, и на 20 сентября 1945 года здесь оставалось 37 детей. Всего же из 696 прибывших из Германии детей 451 ребёнка отправили к родителям, и на 20 сентября 1945 года оставалось 245 человек.

Оставшиеся дети были размещены в детдомах на общих основаниях, где их распределили по группам дошкольного и школьного возраста. При каждом детдоме была организована столовая, где сироты получали 4-разовое питание по существовавшим нормам, предусмотренным постановлением СНК БССР от 21 августа 1943 года № 90. Кроме того, каждый детдом имел подсобное хозяйство, некоторые дома имели свой молочный скот.

Во всех детских домах имела только одна смена постельного и носильного белья, а в верхней зимней одежде и обуви наблюдался острый недостаток. Для решения проблемы были организованы пошивочные мастерские, где производился текущий ремонт белья и одежды.

Все дети учились в школах. При каждом детдоме был организован красный уголок и библиотека. К группам школьного и дошкольного возраста были прикреплены воспитательницы, которые проводили с детьми беседы, политинформации, читки газет.

Медицинское обслуживание сирот находилось в крайне неудовлетворительном состоянии. В большинстве детских домов не было медработников, не везде имелись аптечки.

На документе есть резолюция И.П. Баркова: «Драпеко. Напишите докладную на имя т. Киселева». И пометка: «Исполнено. 5.10.45 г. Драпеко».¹

¹ Тарасевич Захар Захарович // Борисова А.В., Козак К.И., Стучинская Г.Л. Лагерь смерти Освенцим: живые свидетельства Беларуси. Мн.: Логвинов, 2009. С. 291.

² Пинчук (Сайковская) Екатерина Ефимовна // Борисова, Козак, Стучинская, указ. соч., с. 246.

³ Андриевская Ванда Васильевна // Борисова, Козак, Стучинская, указ. соч., с. 104.

⁴ Сухарава (Карэліна) Тамара Радзівонаўна // Борисова, Козак, Стучинская, указ. соч., с. 284—285.

⁵ Белорусские остарбайтеры: ист.-аналит. исслед. Мн., 2001. С. 256—260.

⁶ НАРБ. Ф. 46. Оп. 6. Д. 4. Л. 209, 210; Белорусские остарбайтеры. Кн. 3. Ч. II. С. 63—67.

¹ НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1907. Л. 174—176; Белорусские остарбайтеры. Кн. 3. Ч. II. С. 397—399.

Органы репатриации занимались поисками белорусских детей, вывезенных немцами из республики в годы оккупации, их родственников, людей, потерявших друг друга, способствовали соединению семей. 23 сентября 1947 года начальник отдела репатриации и розыска граждан Объединенных Наций Советской военной администрации в Германии М.Г. Юркин направил из Берлина в Совет министров БССР И.П. Баркову телеграмму о белорусских детях-сиротах. В ней говорилось: «В детдоме 226 — лагере имеется двое белорусских детей-сирот в возрасте тринадцати лет. Срочно сообщите, куда их можно направить. № 3087. Юркин»¹.

Дети-сироты — Нестерович Алексей 1933 года рождения и Кришанович Владимир 1934 года рождения, уроженцы Беларуси — 10 октября 1947 года были направлены из 226 лагеря в Калининградский отдел народного образования.²

10 февраля 1949 года заместитель председателя Совета министров БССР К.В. Киселёв направил министру здравоохранения БССР И.А. Инсарову и министру просвещения БССР П.В. Саевичу письмо с просьбой выслать оккупационным властям западных зон Германии все данные о детях из детских домов и детских санаториев, которые были вывезены из республики. В письме К.В. Киселёва отмечалось, что, по сообщению уполномоченного Совета министров Союза ССР по делам репатриации граждан СССР, в западных зонах Германии имелось несколько тысяч детей, вывезенных немцами из СССР и других стран.

Для предъявления требований оккупационным властям западных зон Германии о передаче детей необходимо было предоставить полные документальные доказательства. Совет министров БССР просил И.А. Инсарова и П.В. Саевича выслать все данные о детях, которыми министерства здравоохранения и просвещения БССР располагали. В них, по возможности, необходимо было отразить: 1) откуда и какие детские дома и детские санатории были вывезены немцами; 2) именные списки: фамилия, имя и отчество, год, месяц и место рождения ребёнка; 3) наличие родственников: фамилия, имя и отчество, их адрес и где в данный момент они проживают (всё это документально надо было подтвердить); 4) списки обслуживающего персонала, вывезенного с детскими домами и санаториями. О принятых мерах К.В. Киселёв предлагал сообщить к 25 февраля 1949 года. На документе есть резолюция: «Тов. Саевич Н.А. Если в министерстве нет данных, прошу срочно запросить облздравотделы, к 25.02. подготовить ответ зам. пред. Совмина тов. Киселёву. 10.02. Зам. пред. Инсаров»³.

4 ноября 1950 года исполняющий обязанности начальника Управления переселения и репатриации при Совете министров БССР И.П. Барков направил начальнику отдела переселения и репатриации при Гродненском облисполкоме В.А. Фундатору записку с просьбой оказать помощь прибывшему из Польши в лагерь № 312 Игорю Олеговичу Гирши, 1934 года рождения, который не имел никаких родственников. В.А. Фундатору предлагалось оказать мальчику содействие в устройстве на учёбу. В то время (ноябрь 1950 года) проходил призыв молодежи 1934 года рождения в школы ФЗО. Гродненский облисполком осуществлял набор молодёжи в школы ФЗО Калининградской и Ленинградской областей. В связи с этим предлагалось через Гродненский облисполком послать репатрианта И.О. Гирши на учёбу в школу ФЗО Ленинградской или Калининградской области.¹

10 ноября 1950 года начальник отдела переселения и репатриации при Гродненском облисполкоме В.А. Фундатор направил начальнику Управления переселения и репатриации при Совете министров БССР И.П. Баркову письмо о направлении И.О. Гирши в школу ФЗО г. Ленинграда.²

К октябрю 1946 года в СССР было устроено свыше 50 тыс. детей-сирот, возвратившихся из Германии.

Но после этого хочется знать: кто-нибудь пробовал искать, находить и возвращать детей? Почему до сих пор длится молчание? Сначала трудности общего характера — не до этого было. Но потом... Потом новые проблемы и задачи. Желание найти дочь, поиск и обращение к представителям государственных органов показало Хасе Пруслиной — этой важной работой в Беларуси, да и не только, не занимаются. Как было тяжело тем родителям, которые верили, но ничего не могли сделать после возвращения с фронта или из мест принуждения. Хася Пруслина — человек решительный, смелый, умеющий отстаивать своё мнение и настоять на своём. Можно сказать, она победила в той борьбе. Но остальные?..³

Четвёртое: какая память живёт в семьях, для которых война ещё не закончилась? На белорусской земле много памятных мест, связанных с прошедшей войной. В том числе мемориальные комплексы, известные всему миру: Хатынь и Брестская крепость. Среди многочисленных памятников есть те, которые установлены в память жертв гетто — «Яма», «Камни», «Тучинка», «Минское гетто». Недалеко от Жлобина, на месте детского лагеря в Красном берегу, раскинулся

¹ НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1932. Л. 204; Белорусские остарбайтеры... С. 526.

² Белорусские остарбайтеры... С. 625.

³ НАРБ. Ф. 46. Оп. 6. Д. 23с. Л. 30; Белорусские остарбайтеры... С. 562.

¹ НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1955. Л. 184; Белорусские остарбайтеры. Кн. 3. Ч. II. С. 567—568.

² Белорусские остарбайтеры... С. 630.

³ По некоторым данным, из общего количества советских детей, вывезенных с целью германизации, на родину вернулось не более 40%. См.: Литвинов, указ. соч., с. 212.

солнечный детский класс с мозаичными полотнами детей. Детей, которые были угнаны в Германию, детей, которых убили. Такие же незабываемые места для жителей республики есть в Минске, Городе, Бобруйске, Пинске, Слуцке, Глуске и многих других городах и посёлках Беларуси. Действительно, совместными усилиями очень многое сделано.

Но монументальность остаётся лишь символическим напоминанием. Она ничего не разъясняет, не говорит от имени тех, кого нет. Заметно, что в книге Великой Отечественной войны есть короткие названия без комментариев, объяснений, исторических повествований. Их не сохранили, не воссоздали, не подготовили. Попробуй объяснить тому, кто это будет видеть впервые. Когда военное поколение уйдёт окончательно, так и будет. А пока, жива ли ещё память войны?

Она жива, пока живы её свидетели. Пока их голоса слышны в кругу родных и близких. Немногие хранят её в виде писем, записок, дневников, архивов. Культура памяти семейных коллекций — архивов о трагедии войны — это, пожалуй, новое явление для Беларуси. Вот почему бережно хранимые и опубликованные документальные материалы Хаси Пруслиной и Зины Никодимовой имеют такое значение, *во-первых*, для воссоздания трагедии одного из самых крупных в Европе Минского гетто; *во-вторых*, начавшегося процесса реабилитации Минского антифашистского подполья; *в-третьих*, воссоздания процесса отправки в Германию, онемечивания и репатриации белорусских детей; *в-четвёртых*, формирования личных архивов бывших узников гетто, концентрационных лагерей, принудительных рабочих, участников антифашистского сопротивления.

О том, что это возможно и вполне осуществимо, свидетельствует опыт *Исторической мастерской*. Речь идёт о формировании документального комплекса, посвящённого бывшим узникам Освенцима, в ходе подготовки книги «Лагерь смерти Освенцим: Живые свидетельства Беларуси». Сейчас для подготовки оригинальных изданий начат сбор материалов и формирование архивов бывших узников концентрационных лагерей Майданека, Треблинки, Бухенвальда, Дахау, Заксенхаузена, Равенсбрюка и других мест, а также тех, кто был угнан на принудительные работы в Германию, а сейчас живёт в г. Минске.

Кузьма Козак,
директор Исторической мастерской

Раздел 1.

Минское гетто и борьба за выживание

Стенограмма беседы с лектором Минского горкома партии т. Пруслиной Х. М.¹

25 августа 1944 г.

Пруслина Хася Менделевна.

Родилась в 1901 г. в дер. Горбачево Полоцкого уезда. Отец мой, дед и прадед были портными. Я до 1920 г. была портнихой.

В 1912 г. я окончила 3-классную народную школу, 8 лет я жила с родителями. В семье было 6 чел. детей, я была старшей.

В 1920 г. я стала настаивать, чтобы отец отпустил меня учиться. Он согласился. Я выдержала экстерном экзамен. Потом я поехала в Витебск, потому что в Полоцке было дорого прожить. Я училась и зарабатывала уроками. Таким образом, я кончила первый курс техникума, но техникум не давал перспективы для девушки. Мне хотелось получить кусок хлеба. Я бросила техникум, поступила в педагогический институт. Я экстерном выдержала экзамены по 14 предметам. Поскольку я не имела среднего образования, мне пришлось сдавать и биологию, и среднюю историю, и проч. У меня была замечательная память.

Тогда было укрупнение Белоруссии, и Витебскую область присоединили к Белоруссии, а институт соединили с Минским государственным университетом. Таким образом, я механически поступила в университет и окончила его.

Потом поступила работать преподавателем в Минский педагогический техникум, где 5 лет преподавала историю.

После 5 лет преподавательской работы поступила в аспирантуру по истории народов СССР. Закончила аспирантуру в 1935 г. Ещё

¹ Хранимые с послевоенного времени и впервые вводимые в научный оборот дневниковые записи бывшей узницы Минского гетто, подпольщицы Хаси Пруслиной ? оказавшейся равнодушной к памяти Минского подполья, представлены без изменений и комментариев. Указанные фамилии и имена сохранены. Согласованных пояснений к тексту не дано, так материалы рассчитаны на военных историков. За ними составители оставляют право собственных комментариев и суждений, а высказанные замечания и предложения будут учтены при подготовке нового расширенного издания. Набор текста выполнен К.И. Козаком, уточнение правописания и структуры текста — З.А. Никодимовой. *Здесь и далее в этом разделе — прим. ред. (прим. — ред. К.К.).*

будучи в аспирантуре, в 1935 г. стала преподавать в высших учебных заведениях, в частности в комвузе я преподавала с 1932 по 1940 г. (8 лет), потом это стала высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа. Потом эту школу вывезли в Горки. У меня было двое детей, я не могла ехать. Я закончила чтение лекций только для уезжающих студентов и приняла от них экзамены.

В то же время Минский областной комитет партии направил меня в Минский медицинский институт преподавать основы марксизма-ленинизма на третий курс. Преподавать пришлось по источникам. Так что мне дали более сложную работу.

Перед войной в 1941 г. я попросила отпуск, чтобы закончить диссертацию на тему «3 июньский переворот». Весь материал был подобран, я успела написать главы 3, и всё это сгорело во время войны. Вообще у меня всё сгорело, ничего не осталось.

Немцы начали бомбить город 23 июня. Я была в бомбоубежище с детьми. 24 июня город уже горел со всех сторон. Я решила выйти за город в деревню в Борисовском направлении. Я думала, что это продлится недолго, что Красная Армия скоро вернётся. Если бы меня убили, я бы не поверила, что Красная Армия так далеко будет отступать. Я с товарищами пошла в Смоленичском направлении. Нас нагнали немецкие танки, видимо, был немецкий десант. Но тогда казалось, что это регулярные части. Обстреливали правую сторону дороги, а мы были на левой. Мы остались живы, а остальные погибли. Там были тысячи людей — и бойцы, и частные лица.

Когда немцы отходили, мы повернули по направлению к Смоленичскому району. Немцы всё время выбрасывали десанты с самолётов. Прилетят, постреляют и спускаются с самолётов прямо без парашютов. Они прямо — скок, скок, как жабы.

Я там закопала партийные документы, потому что думала, что если они меня убьют, да ещё партийные документы возьмут, это для них будет большой козырь. Я закопала свои и брата документы, хорошенько постаралась запомнить место в уверенности, что через неделю их прогонят, я вернусь и снова выкопаю документы.

Оттуда мы пошли в какую-то деревню Ш... Там снова немцы оказались. Мы не могли идти дальше и вернулись по направлению к Минску, потом обошли Минск, пошли в Узду с расчётом, что там много военных и можно будет начать работу против немцев — партизанить. В Узденских лесах было очень много военных, но все они стремились работать не на месте, а перейти через линию фронта в армию. Там был генерал-майор КОНСТАНТИНОВ, по кличке «Старик». Я жила с ними в школе, там были мои ученицы. Я с ними была связана. Они очень интересовались последними известиями. Я ходила к одному учителю, там было радио.

Потом военные товарищи, которые были связаны с этим генералом «Стариком», послали меня в Минск за сведениями. Я сама не знала про их генерала, не знала ни чинов, ни орденов, но чувствовалось, при взгляде на него, что это не рядовой боец.

Там была Таня СОКОЛОВА, которая была заместителем председателя Верховного суда. Она удрала из Минска: поскольку раньше она была судебным работником, она очень многих сажала в тюрьму, её многие знали, и поэтому ей никак нельзя было оставаться в Минске. Мы были в деревне Теляково Узденского района. Оттуда по её заданию я два раза ходила в Минск, где нашла коммунистов, которые говорили, что в Логойском районе есть партизаны. Среди этих коммунистов была Ольга БОРСУК, которая жила по улице Некрасова, 4. Я с нею уже была связана и ещё с одной коммунисткой — Надей КОЧАН, которая работала ответственным секретарём союза медсантруд. Это было в июле-августе.

Потом в Узденских лесах стало холодно. Хлопцы выползают и оседают в деревне. Я им говорила: «Вас запишут, потом вы попадёте в лагерь» — и рассказывала обо всех ужасах лагеря. Я ходила и видела, какие там измученные люди. Я говорю: «Куда хотите идите, только не в примаки, потому что от примак до лагеря один шаг». Но потом я порвала с ними связь.

Сентябрь приходил к концу. Школы начали работать. Меня, как еврейку, попросили уйти, немецкая власть попросила это сделать, комендант — какой-то АНАНИЧ. Просили меня уйти в Узду, в гетто. Я, брат и мои дети ушли в Минск, потому что из Узды уйти в лес уже нельзя было. Я имела прямой расчёт, что я, брат и мои дети — все уйдём. Брат уйдёт, поскольку он мужчина и военный, а я с детьми тоже уйду.

Я взяла детей и поехала к ОСИПОВОЙ Марусе, а оттуда к БОРСУК с расчётом уйти в Логойский лес, оставив детей у чужих людей. Но мне сказали, что в Логойском лесу ещё нет партизан. Жить нам было негде, нас никто не пускал. В октябре мы вынуждены были уйти в гетто.

Будучи в Минске, я второй раз нашла свою сестру. Она жила в русском районе без паспорта. Если бы не одна знакомая, она бы осталась, потому что она не похожа на еврейку.

Мы ушли в гетто в октябре месяце, а гетто было образовано с первых дней оккупации. Жили в домах. Те, которые погорели, погорельцы буквально пухли от голода. Гетто — это целый район, в него входило 49 улиц и переулков, всех русских выселили, а евреев поселили в районе улиц Немига, Раковской, до Татарской. Весь этот район был опутан проволокой. Там жило 80 тысяч евреев. Их реги-

стрировали, заставляли работать. Я ни на какие регистрации не являлась. Я и сестра вселились в какой-то магазин, а брата спрятали отдельно в «малине». Он жил в гетто, но скрывался. «Малина» была там, где жили студенты мединститута, она была глубоко под землей, а выход — через кухонный шкаф, крышка открывалась и закрывалась. В этом шкафу стояла посуда. А в общем было сделано так: стояла посуда, разные мешочки и проч., одна дощечка отрывается и открывается выход. Там была довольно большая площадка, на которой можно было поместить человек пятьдесят. Там прятались мужчины, главным образом коммунисты. Но там же были и не особенно симпатичные люди.

Брат сидел в этой «малине» до погрома 7 ноября. Кушать ему я носила. Сама я в это время ужасно голодала. Мы кушали картофельную шелуху — отварить её и кушаешь. Я голая, дети голые, средств к существованию никаких. Семья брата — жена и двое детей — остались в Узде. Из этой картофельной лушпилки делали котлеты, но она имеет много салолы, а потому встаёшь утром, смотришь — опухшая такая. Я и брат стали пухнуть, а девочка стала просить меня: «Мамочка, отдай меня в детдом». Я говорю: «Деточка, туда не берут детей, у которых есть мамочка». Она: «Я скажу, что мамку вчера бомбёжкой забили». Поскольку дети были не похожи на евреев, мы их отдавали в детдом, чтобы спасти.

Я ходила в Минск к Ольге БОРСУК и Игнатию БОРСУКУ. Мать Ольги — старая коммунистка, меня знала как члена партии. Потом была коммунистка Ася — жена одного лётчика, и её брат Миша ШЕЙБАК. Сначала можно было ходить из гетто в русские районы, не свободно, но можно, высмотревши, где нет полиции. Первое время я не носила латы, хустку (платок) надену и пошла. Там же была Кочан Надя, проживавшая по Беломорской, 44, вся её семья погибла. У неё был буквально штаб пленных и всяких подпольщиков. Она им делала документы. Она была секретарём союза медсантруд, у неё было очень много курортных книжек, которые она выдавала вместо паспорта. Первое время немцы не разбирали. На основании этих книжек товарищи получали паспорта. Немцы только требовали, чтобы была печать.

Затем был ДРОЗД Федя — начальник пожарной охраны. Он тоже знал меня и моего брата до войны. СТОЛЯРОВА, бывшая студентка комвуза, затем КЛОКОЛОВ с Пушкинской, 33, сосед мой до войны, в одном доме жил со мною, он тоже знал, что я коммунистка. Маруся ДОЛГОЛАНТЬЕВА, бывшая студентка, жила на Подлесной, 5, на конце города. Маруся ОСИПОВА, Кузнечный переулок, 5, квартира семь.

Что мы делали? Очень интересовались сводками. Они меня держали в курсе дел, а я их. Если они не имели листовок, я им давала; если у меня не было, они мне давали. Через брата, который был организатором подполья в гетто, я имела радио в «малинах». Они систематически доставляли передовые «Правды», переписанные от руки. Эти листовки они давали мне, а я носила в русские районы, читала. Люди спрашивали, а я говорила: «Всё равно наши победят». В общем, внушала бодрость.

Я часто ночевала в русском районе. Меня пускали, потому что я такой человек, которого не пустить неловко. Иногда я по неделям не бывала дома. Но это было до погромов. Потом гетто начали огораживать проволокой, причём делали это сами евреи, за что им давали по 300 грамм хлеба. Я уже потом поняла, что район, который огораживали, был обречён. В самом гетто они разделили один район от другого, например Немига, Раковская, Мясницкая, Ново-Мясницкая, а в центре они посадили специалистов, которые на них работали, и дали им пропуска (аусвайсы). Это были уже такие индульгенции. А кругом был такой четырехугольник, в котором жили обречённые. Этот район простирался от Республиканской до Сухой улицы, с одной стороны, и Коллекторной — с другой. Я жила в обречённом районе.

Вечером 6 ноября вывезли этих специалистов. Куда? На предприятия, где они работают. Я сразу догадалась, что будет погром. Брата предупредила в «малине». Я с сестрой и девочкой вышла на рынок. Нас не пустила облава. Я отдала девочку одной коммунистке — Егоренковой — и удрала в гетто, потому что её хозяйка меня не пустила. Я обошла несколько домов, никто мне не открыл двери. А сестра раньше вернулась. Мы посидели с нею, потом легли спать. Я обняла сына, думаю: что они, сволочи, готовят завтра?

Ночью слышу — шум, пулемётная стрельба. Я просыпаюсь, смотрю — идут колоннами женщины с детьми. Одеты обычно. Я поглядела: что за чёрт? Соседей моих никого нет, тихо. Смотрю — мою дверь соседи забили. Яхватила лом, как шарахнула в эту дверь. Они услышали, что я ломаю дверь. Оказывается, они спрятались в «малине», услышали и пустили меня в эту «малину». Эта «малина» была так интересно устроена. Она имела две кирпичные стены, и там была дверь. Они эту дверь закрыли. Таким образом подвал кончился — и всё, а тут оставалось пространство, и в этом маленьком промежутке (там, может, метра два было) нас поместилось 30 человек. Они впустили меня с сестрой и одну женщину, в эту «малину». Дети, которые тут были, плакали от духоты и ужаса. Потом выбились из сил и заснули.

В это время пришла карательная экспедиция. Они вели себя бурно. Я сижу ни жива, ни мертва. Они поломали мебель, кровати и ушли. Так они ходили трое суток, искали «малину» — не нашли. Сын мой лежал в кровати больной, он перенёс энцефалит. Ему было 11 лет. Если бы я взяла его с собой в «малину», он бы всё время кричал. Я себе не представляла, что они могут дойти до такой подлости, чтобы взять больного ребёнка. Мне все целуют руки, просят, чтобы не кричала. Я его жалела даже больше, чем здоровую дочку. Потом, когда они ушли, я увидела, что его нет, что они всё пограбили. Мы снова в эту яму спустились. Наутро слышу, кто-то бежит лёгкими шагами. Я говорю: «Это нас грабят». Мы вышли и увидели, что оставшиеся в живых всё тащат. Откуда люди взялись? Полицейские тащат. Тащили три дня открыто, а что оставалось от них, всё подбирали.

Мы остались в этой квартире на Замковой, 33. На этой улице нечётная сторона была уже истреблена, а чётная ещё нет. Нас выгнали, потому что это место уже стало считаться русским районом. Один раз приходят немцы, спрашивают: «Вы что здесь делаете? Вы что, работаете у немцев?» Я говорю: «Да» — и показываю какую-то злосчастную бумажку. Он увидел, что там есть печать, и отпустил меня. А сестра в такое ужасное время была ещё беременна. Немец попросил мыла. Я сказала, что нет, и он ушёл.

Потом пришёл полицейский — рабочий завода Кирова. Один немец из Германии, другой немец русский, они его позвали, и русский немец перевёл. Я сказала, что сестра в положении, и её оставили в покое. Потом пришёл русский полицейский, как свистнул мне по морде: «Кто вам разрешил здесь жить?» Схватили одеяло, одни тряпки, и ушли.

После этого мы перешли жить на улицу Димитрова, 12, но там негде было притулиться.

Мы пошли на Республиканскую, 19. Это уже был район специалистов. Мы переночевали там несколько ночей и слышим — оцепили улицу Димитрова. Там был второй погром, и мы случайно не попали в этот погром. Мы остались целы только потому, что ночевали в районе специалистов. Мы каждую ночь ждали погрома. Погром заключался в том, что людей выводили колоннами, сажали на машины и отправляли в район Тучинки. Там их всех запирали в сарай, причём валили в три ряда одних на других, капли воды не давали, убивали прикладами, чем угодно, некоторые пистолетами. Оттуда спаслась одна еврейка Фира, русская кличка Логацкая. Она просидела в сарае трое суток и рассказывала, что там делали: все убивали друг друга, только чтобы не видеть этого ужаса. Она показала немцам документ, что она работает у немцев. Её выпустили.

20 ноября вывезли людей колонной. Сказали, что везут в другой район. Оцепили улицы Димитрова и Замковую. В колонне было 12 тысяч человек. Я сама видела, как их гнали. Люди шли по шесть человек в ряд. Их сопровождали литовцы. Из этих людей пять человек спаслось. Среди них тоже были мои студенты. Немцы малых детей брали прямо на штык и бросали через забор. Одному ребёночку штык попал в одеяло, и ребёночек вывалился, упал. Один еврейский паренёк его поднял, но он, конечно, замёрз. После этого немцы продолжали вести дальше колонну, как будто ничего не случилось. Я спрашиваю ЭПШТЕЙНА, который в еврейском комитете работал: куда их повели? Он сказал: «Начальник гетто РИХТЕР сказал, что их повели в другой район, и больше он ничего не знает».

Людей вывели в конец улицы Опанского, в район Кальварии, и там убивали. Там были горы трупов военнопленных, три огромные ямы, стояли три пулемёта. Всех спускали в эти ямы и расстреливали. Были такие случаи, что не все были убиты, а многие только ранены. Эти раненные выползали и рассказывали, что эти ямы посыпают фосфором и поджигают, и многие люди не сгорели, а многие сгорели. Первые две ямы облили фосфором и зажгли. Это делали литовцы, немцев там не было. Те люди, которые остались живы, воспользовались темнотой, выползли из ям и пришли в гетто, всё рассказали.

После этого погрома мы не ушли из этой хатки. Нас с сестрой гнали, но мы не ушли, и брат с нами остался.

До 20 ноября я не ходила в город. Мы ждали ещё погрома 5 декабря, в «День Сталинской Конституции», каждый день ждали, но особенно в этот день, но погрома не было.

Я пошла в русский район и затем, после 5 декабря, и ещё до 5 числа ходила по своим людям с листовками.

Что мы делали, как коммунисты, во время этих погромов? Чувствовалось, что немцы нащупали, что в гетто есть подпольный комитет. Я не входила в этот подпольный комитет. Я ходила в русский район и связывалась с одним товарищем — КЛОКОЛОВЫМ. Его звали Андрей Иванович ПОДОПРЫГА.

Поскольку мне было дано задание Ефимом СМОЛЕРОМ связаться с людьми, чтобы они пошли в партизаны, я связалась через КЛОКОВА с Марусей ДОЛГОЛАНТЬЕВОЙ и Надей СТРЕЧЕНЬ, и ещё с группой Дяди Васи (Старика). Он жил в бараках в конце Подлесной, его звали Василий САЙЧИК. Я с ними всё время была связана.

Так как я имела связи, мне ГЕБЕЛЕВ поручил создать партийную десятку в русском районе. Я была парторгом этой десятки в русском

районе. Я должна была через кого-то эту десятку передать в подпольный русский комитет. В эту партийную десятку входил Геннадий. В партийную десятку входили только русские коммунисты, белорусы, но не евреи. Я должна была их передать в русский комитет через Геннадия. Но его потом арестовали, сразу человека найти нельзя было, нужно было нащупать, с кем можно иметь дело. Пока я его искала, искала, его арестовали. Потом говорили, что он не выдержал пыток и стал провокатором.

Партийная десятка строилась по такому принципу, что они меня знали, а друг друга не знали. Я знала их адреса и часто бывала у них. В эту десятку входили: семья БОРСУКА, четыре человека, Маруся ДОЛГОЛАНТЬЕВА, Федор ДРОЗД, Надя КОЧАН, Надя СТРЕЧЕНЬ, Осипова, СТОЛЯРОВ. Каждому я заявила: «Вы являетесь членом моей десятки, вы друг друга не знаете, но я вас всех знаю. Вы должны мои задания выполнять. Дело пока ограничивается агитацией, листовками, потом наша деятельность должна заключаться в том, чтобы организовать людей для отправки в партизаны. Мы должны сделать всё, что нужно». Вопросы диверсии тогда ещё не стояли перед нами. Перед нами стоял вопрос создания материальной и людской базы для организации партизанского движения. Передать эту десятку в подпольный комитет мне не удалось, потому что Геннадий провалился. Потом я увидела, что они там работают с партизанами. Все оказались замечательными людьми, но уж нечего было делать. Но часть из них погибла, немцы их арестовали: Надю БОРСУК, Асю арестовали.

Эту подпольную работу я вела долго. Они мне сделали паспорт. Паспорт я получила не от них непосредственно, его передали в геттовский комитет. Мне его вручил Ефим СМОЛЕР¹ и сказал: «Все дороги ведут в Рим». Группа, с которой я была связана, настоящая подпольная группа. Я была очень рада.

Связана я была, кроме Василия САЙЧИКА, с Николаем ШУГАЕВЫМ, помощником заведующего отделом топлива в ЦК КП(б)Б до войны. Его подпольная кличка была Бронислав ГУРСКИЙ. Впоследствии он был секретарём Ворошиловского подпольного комитета.

Какие задачи я ещё выполняла? Они поручали мне организовывать свидания, находить квартиры. Я выполняла эти задания. Эта одна сторона работы. Я всё ещё жила в гетто. После второго погрома выходить из гетто было очень трудно. Проволокой везде запутано так густо, что только из колонны можно было выйти, когда посылали на работу. Нас перевели на Ново-Мясницкую, 34, в старинный

еврейский район, ещё средневековый. Там мы с братом жили. Я продолжала ходить в русский район. Женщина с моей дочкой пропала. Я решила, что или она её куда-то увела, или спасла. Я нашла её только весной, Оля БОРСУК нашла. Она мою девочку выгнала — это коммунистка.

Как я ходила в русский район? Жуткими колоннами гоняли. Один раз я втиснулась в колонну. Колонну проверяли: работаешь ли ты, куда идёт эта колонна? И, когда идёт колонна, шпионы наблюдали, ловили евреев, выходящих из колонны. Я предприняла следующую меру. Там была колонка для воды, которой пользовались все: и русские, и евреи. Я беру воду и иду в русский район, оставляю у своих знакомых ведро, потом подхожу и снова забираю воду. Или проходила по закоулкам с посудой и приносила литературу. Я никогда не приходила с пустыми руками. Литературу несла главным образом за голенищем, носила такие широкие бурки. Я была связана с ЛАПИДУСОМ, и люди знали, что если я прихожу и наклоняюсь вниз, значит, я принесла литературу.

Три раза меня поймали. Первый раз иду я одна, ночью совсем, в декабре месяце. Вижу, на Республиканской, у дома 3, в двух шагах от меня, проверяют документы. Я шарахнулась в сторону, подождала, потом вижу, что проверяющие не в немецкой форме. Оказывается, это были переодетые полицейские. Кричит: «Стой!». Я встала.

— Откуда идёшь?

— С работы.

— Что несёшь?

— Муку.

А я говорила по-белорусски.

— Документы?

Я вытаскиваю аусвайс, то есть просто справку, что я еврейка, и говорю:

— Нате, нате, мои голубы, читайте, я женщина неписьменная.

Они посветили мне лампочкой в лицо, каждый хлопнул по плечу и сказал: «Иди, бабка». И я пошла. Выкрутилась в этот день. Моя внешность никакого подозрения не вызывала.

Второй раз я шла около этой колонны и уже была в еврейском районе, а оттуда идут евреи. Я без лат. Русская женщина идёт к евреям без лат — это страшное преступление: значит, ты партизанам кушать несёшь. На этот раз был русский полицейский: «Чего ты идёшь до жидов?» И по матушке жарит вовсю. Я начала причитывать, что у меня трое маленьких детей, муж на войне, мне кушать нужно достать. Евреи стоят, а многие меня знали, смотрят — что будет. Он сгрёб меня и повел в полицейский участок — в 5-й, самый поганый.

¹ Ефим Смоляров или Григорий Смолер, Гирш Смолер.

А у меня листовки, латы приготовила. Я начала его молить: «Не шуми». Собрались все русские и говорят: «Отпусти ты её, что ты к этой старой бабе привязался».

Я говорю:

— Не пойду, что, у тебя самого детей нет?

Сжалился такой проклятый разбойник и отпустил. Сестра сказала, что они уже меня похоронили. На другой день я явилась. Настоящий фурор был.

Третий раз было ещё хуже. Была я в русском районе. Иду домой. Смотрю — все выходы очень подозрительны: со стороны площади 8 марта — литовцы ходят, значит, уже просто пройти нельзя. По улице Школьной, с площади Свободы, прохаживается начальник гетто РИХТЕР. Если идти тут, я попадусь, а проходить нужно. Я зашла к жене одного подпольщика, говорю: «Что такое в еврейском гетто?» Она отвечает: «Что-то стреляют». Я думала, что мужчин ловят, это обычное явление в еврейском гетто.

Я вышла с другой стороны. Тут бежит полицейский с винтовкой наперевес и кричит: «Стой!» Я повалилась, он из винтовки выстрелил и не попал. Я вышла, корзинку замаскировала, надела латы, надела платье. За мною не гонятся. Что такое? Русская пришла в еврейский район, обычно гнались бы. Я уже корзинку бросила, пальто моего нет. Меня бы никто не узнал. А у меня в голенище приказ СТАЛИНА № 55 ко Дню Красной Армии. Он уже был зачитан. Я уже всем его прочитала. Все наплакались от радости.

Прихожу наверх, брат сидит, держит детей и кричит: «Чего ты пришла? Погром!» Оказывается, я пришла в самый погром. Ну что же, погром так погром, куда денешься. Пришли соседки, говорят: «Сто лет будешь жить». Оказывается, на этом месте полицейские уложили уже 12 человек, а я вышла. Люди и щиплют меня, и целуют. А этот дом они не успели захватить. Это было на самой окраине.

Они (немцы) так делали. Дожидались, когда все работающие уходили на работу, и убивали всех, кто оставался на месте. Они погубили 400 детей в еврейском детском доме. Была весна, снегу мало. Тех евреев, которые работали на очистке железной дороги, пускали на улицу, те шли на смерть, а кто оставался в гетто, те оставались живы. Они убили моего товарища — коммуниста, бывшего редактора газеты «Рабочий». Он был страшно болен, у него был декомпенсированный порок сердца. Они его убили, и его мозг вывалился на подушку. У него, несмотря на тяжёлую болезнь, был такой светлый ум и воля к борьбе, что здоровые от него заражались волей. Я и сейчас не могу вспомнить его без боли. А жена его осталась жива, тогда она была в больнице.

Тогда они убили процентов восемь евреев. В тот раз они и на кладбище вывезли, и по улице Ратомской погром евреев был. Они сваливали туда трупы и на глазах у всех жгли. Они заставляли еврейских полицейских складывать эти трупы и, когда яма наполнялась, их клали наверх и убивали. Это не было в революционный праздник, это не была и какая-нибудь кампания, просто — застали людей врасплох. Но и после этого остался народ.

Когда я вернулась в русский район, так мои русские друзья прямо меня крыли: «В погром, — говорят, — попёрлась». А у меня документов ещё не было.

Я ходила по русскому району. Так как меня люди знали, мне говорили: если у кого есть оружие, мне скажут; если у кого есть возами соль, мне скажут. Хотели связаться с партизанами, угнать машину соли, чтобы взяли в партизаны. Один раз мне сказали: «У меня есть 19 ящиков патронов, за это возьмите меня в партизаны». Я искала, искала людей, наконец, обратилась к группе САЙЧИКА. Там был один человек с золотыми зубами, выправка такая офицерская. Я говорю:

— Нужно вам оружие?

— А как же!

Я связала его с комсомольцами — Сашей и Вовкой. Приехали за оружием, положили оружие в сани, а сани и сломались, почти в центре города. Этот кучер выпряг лошадь и удрал. Двое суток стояли сани, люди находили патроны, но никто не донёс в полицию. А немцы не смотрели на эти сани, на кой чёрт им поломанные сани? А наши хлопцы наблюдали, есть ли где-нибудь засада. Они приехали на машине среди бела дня, взяли ящики с этими патронами и укатили. После так смеялись.

Затем ещё один раз мне предложили большую партию оружия. Я машину достала. Но ребята, которые должны были приехать за оружием, закапризничали и не приехали. Это было около Уручья. Их раскрыли, оружие нашли, и люди погибли.

Мне давали и радиоаппараты, и медикаменты, и всё, что нужно. Отправляли через САЙЧИКА. У него была целая группа бывших пленных. Это был Логойский отряд и Червенский — бригада Лунина, а часть людей была здесь. Тут были: Лёня, Саша, Вася, Жан. Жан покончил с собой в тюрьме.

Потом они достали три нагана у одного полицейского, передали. Медикаменты, шрифт этот дядя Вася доставал, приносил мне на квартиру, а я потом переправляла. Меня очень часто посылали за машиной в управу. В управе заведующий транспортным отделом ФИЛИППОВИЧ был мне знаком. Он давал машину и очень много

помогал партизанам. Его самого и всю его семью расстреляли. Они были связаны с партизанами ещё в 1943 году.¹

Потом я была «паспортным столом». Мне давали бланки с подписями, со штампом. Я ходила на квартиру, и там люди заполняли эти бланки. Я много паспортов выдавала.

Как я ушла из гетто? Это было после третьего погрома, в двадцатых числах марта. Брат 12 февраля ушёл в партизаны. Когда мне Ефим СМОЛЕР передал паспорт, я вышла с сестрой, но мне негде было жить. Сестра помогала в работе, но она не член партии. Мы с сестрой перешли на Подлесную улицу. Там были бараки, иногда там переспим, иногда на Логойском тракте, жили кое-как.

Потом хлопцы говорят: «Надо устраиваться на работу, иначе ты провалишься». Меня устроили уборщицей у немцев, в какую-то воинскую лётную часть. Меня не принимали, пока не проэкзаменовали, умею ли я говорить по-немецки. А так как я походила на белорусскую бабу, то было очень подозрительно, откуда я знаю немецкий язык. Меня заставили считать до десяти. Я посчитала. Переводчица меня спрашивает, откуда я знаю немецкий язык? Я говорю: «Когда-то в детстве учила. А откуда вы знаете?» Она говорит: «Я же студентка». Я говорю: «Какого же института?» Она отвечает: «Медицинского». Я так и села, потому что я там преподавала. Оказывается, я настолько была не похожа на себя прежнюю, что она меня не узнала. Когда я была преподавательницей до войны, я очень красиво, шикарно одевалась, а тут такая баба. Я была совершенно не похожа на человека, и она меня не узнала. Это было моим счастьем. Я успокоилась.

Я работала уборщицей. Мне было очень хорошо, потому что я вставала в 6 часов утра, к 7—8 часам я уже была свободным человеком. Я тогда так много ходила благодаря тому, что было много свободного времени, что у меня даже вены на ногах расширились. Кровавые мозоли набила. Обуви у меня не было. Я получила ситцевые туфли. Я ходила километров за 15, причём всегда делала круг и за день проходила километров сорок. Ходила и за паспортами, и за шрифтом, и за медикаментами. В общем, мною гораздо лучше могли пользоваться в русском районе, чем в еврейском гетто.

Мне уже трудно было держать связь с гетто. У меня была одна коммунистка в гетто, Анна ЕЗУБЧИК, она жила по Мясникова, 12. Через неё я держала связь с подпольем и геттовским комитетом, а в русском районе работала с САЙЧИКОМ. А брат мой уже в апреле

месяце погиб. Он был очень тяжело болен, его поймали немцы и в числе пяти человек повезли в какую-то деревню Логойского района.¹

С весны 1942 года начали переходить к диверсиям. Я была связана с Колькой ГЕРАСИМЕНКО, секретарём Сталинского подпольного районного комитета. А вначале он был парторгом русской десятки и всё время связывался с моим братом, а также имел связь с коммунистами подполья гетто. Это была штаб-квартира, и я всё время была связана с этим штабом. Один раз я прихожу к ним и говорю: «Вы плохо делаете, что не используете ЕЗУБЧИК, она старый член партии и может достать любое количество ядов, потому что она работает в биологическом институте Белоруссии». Она работала там уборщицей. Там было очень много ядов: и мышьяк, и цианистый калий. Она хорошо знала про яды. Я говорю: «Она может проводить очень большую работу». Я её привела, познакомила. Её приняли членом Сталинского подпольного комитета и поручили разработать рецептуру всех ядов, чтобы не было ни запаха, ни осадка. Она превратила свою комнату в лабораторию, приготавливала всевозможные яды и всё передавала Ватику (НИКИФОРОВУ). ВАТИК был заведующим агитпропа подпольного комитета. Он погиб во время провала подпольного комитета. Аня была связана с этим Колей и Ватиком. Я ещё была связана с ДЕМЕНТЬЕВЫМ из посёлка Коминтерна. У меня уже был посёлок Коминтерн. У ДЕМЕНТЬЕВА было очень много документов, пропусков. Где он их доставал, я не знаю, конечно, везде были свои люди. Этот ДЕМЕНТЬЕВ когда-то заведовал складом на кондитерской фабрике, у него было очень много знакомых в хозяйственных организациях, и подпольный комитет использовал его для этой цели.

Я часто видела ГЕБЕЛЕВА Мишу, потом приезжал и Ефим СМОЛЕР. Я имела связи ещё через одного полицейского. Он был шурином семьи БОРСУКОВ. У самого БОРСУКА был шурином полицейский Яшка Ус. Это был бандит. Я начала их стыдить: «Он позорит вашу семью. Вы сами патриоты, а у вас родственник — полицейский, возьмитесь за него. Нужно повлиять на него, чтобы он дал нам оружие и 100 бланков для паспортов. Нужно, — говорю, — помнить слова Ленина, что каждая верёвочка пригодится».

Прихожу однажды, сидит этот Яшка в красивых сапогах, хорошо одет и повязка шуцмана, номер, кажется, 33. Думаю: попалась. Я вцепилась в него глазами и не спускаю глаз, как удав кролика гипнотизирую. И не я смущалась, а он. Он говорит: «Полечка, По-

¹ Филиппович был арестован в 1943 году. Отправлен вместе с женой в концлагерь. Его судьба в 1944 году оставалась неизвестной.

¹ Матвей Пруслин повешен в 1942 году вместе с другими партизанами. Похоронен в братской могиле у деревни Селище Логойского района.

лечка». (Он знал, что моя кличка Поля.) Я после говорю: «Хлопцы, из этого полицейского будет толк». Я пошла к нему на квартиру: «Давайте разрабатывать план освобождения политзаключённых из тюрьмы». А мы знали до этого о побеге 60 заключённых из тюрьмы. Он согласился, но меня не поддержали подпольные товарищи, потому что это было начало лета и почти все отряды, с которыми мы были связаны (и Колька, и САЙЧИК), были блокированы. Отряды Кольки НИКИТИНА и ПОКРОВСКОГО очень гоняли, и некуда было вывести этих людей. Я ходила, просила и умоляла, чтобы приняли людей в партизанские отряды. А Яшка просил меня, но я ничего не могла сделать. Он уже награждённый теперь орденом Красного Знамени. Он пошёл в отряд.

Второй полицейский — КОРНЕВЕЦ. В феврале или марте его арестовали за побег политзаключённых из тюрьмы. Он 50 суток сидел в тюрьме, его каждую ночь били резиновой дубиной. У него не осталось волос на голове, везде были плечи. Он вышел из тюрьмы, я пришла к нему с предложением начать работу. Он говорит: «Я столько пережил, что не могу ничего делать. Детей нужно пожалеть». Я говорю: «Нужно подумать о будущем». Он говорит: «Знаете, хлопцы, что хотите делайте, я ничего не вижу, а сам делать ничего не могу». И после этого увидит меня на улице, головы не поворачивает, но никого не выдал. А я у Яшки ночевала раз десять и даже купала. Между прочим, он носил поесть моему брату в гетто. Яшку просто перевоспитали. При советской власти его судили за воровство, он скрывался. Я ходила к нему и думала: выдаст или не выдаст? Он из хорошей семьи. Потом он пустил под откос пять эшелонов.

Так я была связана с этими своими друзьями и имела связь с гетто, ходила иногда туда и главным образом выполняла их задания.

Весной, когда провалился подпольный комитет, когда арестовали РОГОВА и БЕЛОВА, работать стало труднее. Говорят, что РОГОВ был неплохим человеком, но потом, когда его перевербовали, он выдавал наших людей. Хлопцы говорили: «Можете ходить, мы РОГОВА убрали. Василий СайЧИК сказал, что его убили, убил БЕЛОВ, наш товарищ по партизанскому отряду. И вообще, — говорят, — работу мы перестраиваем. Военных советов не будет, а подпольные комитеты будут отвечать и за партизанскую борьбу, и за подпольные комитеты. Они будут конструироваться по районам, будет железнодорожный комитет, Кагановичский, Сталинский, Ворошиловский и Тельмановский в гетто. Каждый районный партийный комитет будет иметь свой круг партизанских отрядов — это уже новая структура». И вот эти комитеты знали партизанские отряды и были с ними связаны. Я не входила ни в один комитет. Колька мне предлагал быть

инструктором Сталинского райкома, я отказалась: «Колечка, мне неудобно, меня весь город знает».

Как были восстановлены комитеты? После провала недели три — никакого движения. Потом, по рассказам САЙЧИКА и ГЕБЕЛЕВА, начали восстанавливать комитеты. Они друг друга не знали, а ГЕБЕЛЕВ знал, что я знаю Василия САЙЧИКА. Он говорит: «Ты нас свяжешь». Я сказала САЙЧИКУ, а САЙЧИК был ужасный антисемит, а потом сказал: «Нужно с этим жидочком связаться». Потом я устроила им свидание с ГЕБЕЛЕВЫМ на Бондаревской, 52, там работала какая-то женщина, технический работник ЦК. Я к ней пошла, она меня на порог не пустила. Мы кружили целый день. Она меня всё равно не пустила. ГЕБЕЛЕВ был очень похож на еврея, а САЙЧИКА всё нет. Я отвела ГЕБЕЛЕВА к другой русской женщине. Он просидел два часа, а САЙЧИК так и не смог прийти, его где-то задержали.

Следующее свидание я назначила на квартире ГЕРАСИМЕНКО на Немиге. ГЕРАСИМЕНКО не пустил ГЕБЕЛЕВА в квартиру: «Ты человека ведёшь ко мне, люди незнакомые». Чтобы его не тревожить, я взяла и познакомила их. Они ходили по Торговой улице, потом приходят и говорят: «Комитет восстановили».

Кто стоял во главе комитета? РОГОВА уже нет. Я не знаю, но можно предполагать, что это были те люди, которых я знала.

Я очень много слышала, особенно от БОРСУКОВ, об Иване Гавриловиче НЕВСКОМ. Ну, думаю, не хотите мне говорить... Я скромна была. Что бы ни делать, лишь бы против немцев работать, мне все средства хороши. А старик САЙЧИК сказал мне: «Ты, Поля, больше трёх человек никогда не знай, потому что это может вредить». Я не просила знакомить. А потом с этим НЕВСКИМ я познакомилась на квартире БОРСУКА, в конце июня или в начале июля 1942 года.

Немцы приурочивали публичные казни к революционным праздникам. Первая казнь назначена на 7 ноября 1941 года. Утром они украсили город виселицами, в самых публичных местах. Это места, где сходится много улиц, например Логойский тракт — вилка дорог. Они выбрали около 10 самых оживлённых улиц. Затем ставили виселицы в больших скверах. В 1941 году много людей повесили. Кого повесили, я не знаю. Я никогда не являлась в публичные места. Я знаю только одну повешенную — Ольгу ЩЕРБОВИЧ. Перед смертью она произнесла пламенную речь. Она сказала: «Вас не будет, СТАЛИН восторжествует». Врача одного повесили и ещё очень многих знакомых. Потом на каждого повешенного вешали дощечку с надписью: «Я сталинский бандит». Внизу приписка: «Так будет с каждым, кто будет мешать мирному восстановлению края».

Часто вешали во дворе тюрьмы, где и расстреливали. Но особенно излюбленными местами были Тростенец, Тучинка, Дрозды, парки культуры и отдыха, еврейское кладбище. Убивали пленных, измученных, отстающих, причём убивали на глазах у людей, а бабы говорили: «А, может быть, и моего сыночка так убили». И каждая улица была усыпана трупами. У военных документов нет, только номер, поэтому трудно установить повешенных. Пленных убивали всюду, особенно много на Пионерской улице. Потом много евреев убивали по всякому поводу и без повода.

В первые дни, как вошли в город, немцы соорудили концентрационный лагерь около реки, огородили его колючей проволокой. В этом лагере были мужчины. Евреев куда-то убрали, русских поместили отдельно, а впоследствии выпустили. Между прочим, они провели провокационную регистрацию коммунистов и комсомольцев. Говорят, люди шли: «Раз приказ власти, надо подчиняться» — и, конечно, погибали. Они ужасно издевались. Однажды, в октябре, шёл дождь, и капли дождя замерзали налету. И вот в такую погоду погнали голодных пленных, несколько тысяч. Они были страшные, волосы приросли к черепу, в лохмотьях, ни у кого не было обуви, вместо одежды — тряпье. Поставили всех на бетонный мост, отовсюду дует. Люди падали в обморок. Женщины стояли с вёдрами, потому что пленные только водички просили. Но воды не давали, тут же стреляли. Я шла с женой одного профессора, она плачет, заливается слезами: «Вот она, наша непобедимая армия».

А 17 января везли пленных в теплушках в течение недели и без пищи. Мороз был градусов 35. Они начали выгонять этих пленных и убивать. Они стреляли в них от товарной станции до академии, это километров десять, все улицы были усеяны трупами пленных. Один, например, на Пушечной, 21, застыл, сидя в лапоточках, и лужа крови около него. Оля подошла к одному, у него живот разорван и номер на груди, а немцы стоят и хохочут. Она сказала: «О, звери проклятые, скоро вы будете так лежать». Они: «Вас, вас?» Она: «Растакую-то вашу мать»...

Один пленный ворвался к старухе, на товарной станции в дом, стал стучать, его не пускают, он говорит: «Может быть, сын у тебя есть». Старуха пустила. Ему был 21 год. Он рассказал, что их гнали целую неделю без еды. Они замерзали и умирали. Потом трупы свезли в парк культуры и отдыха, и они целую зиму там лежали. Когда весна пришла, началась оттепель, боясь эпидемии, немцы их убрали. В общем, немцы сразу показали, что значит попасть к ним в плен. Тогда по этому поводу подпольный комитет выпустил специальную листовку.

7 июня 1942 года пришли люди с базара и с ужасом рассказали, что они стали свидетелями ужасной бойни. Приехали немцы на машинах. Обычно, как только приезжают машины с полицейскими и гестаповцами на базар, все понимают: это облава. Облавы были систематически. Все пустились в разные стороны. Потом видят, что это не облава, а что-то другое, какие-то приспособления привезли. Оказывается — строить виселицы. Привезли на машинах 33 человека, некоторые явно военной выправки. Это был партийный актив. Всех их повесили на площади и на центральных улицах Минска.

Один из этих повешенных был ЕКЕЛЬЧИК, председатель радиокомитета Белоруссии. Кажется, он был членом подпольного комитета по кличке «Васька ЖУДРО». Тогда подпольный комитет выпустил листовку в знак протеста против этого повешения. Там говорилось, что эти люди погибли геройской смертью и с ними такие товарищи, как Васька ЖУДРО, но за их смерть будет отомщено. Васька ЖУДРО висел напротив радиозавода, я лично его видела. Когда наступил вечер, я подошла и узнала его. На каждом из повешенных висела дощечка: «Сталинский бандит». Небольшая афиша была расклеена по всему городу: «Так будет с каждым, кто мешает мирному восстановлению края». Всюду были такие плакаты. Характерно, что никто из повешенных не произнёс ни одного слова. Одна из очевидцев — ГЕРАСИМЕНКО, жена секретаря подпольного Сталинского райкома (она погибла вместе с мужем и дочерью Люсей) — говорила, что они пытались что-то сказать, но им предварительно что-то сделали, что они не могли говорить. Один молодой, красивый посмотрел на солнце, даже улыбнулся, сделал какое-то усилие и не смог ничего сказать. Это среди белого дня все наблюдали. Висели они три дня, причём полицейские издевались: сдирали с них брюки и оставляли голыми, с открытыми половыми органами.

Обычно после этих публичных казней ярость подпольщиков и масс росла. Напролом шли, это не останавливало.

Как они устраивали облавы? Облавы устраивали по базарам, особенно в праздничные дни, когда народа много. Людей сажали на машины и отправляли в концлагеря или в Германию.

Второй тип облавы — вылавливание целых районов. Оцепят, предположим, гестаповцы и полицейские Комаровку — от Пушкинской улицы до поля, 15—20 улиц — и везде проверяют документы. Если у вас есть аусвайс, то есть пропуск, вы работаете у немцев, вас пропускают; если нет — забирают. Эти облавы производились систематически. Долгое время у меня не было документов, так что я шла с заячьими ушами, то есть настороженная, как заяц. Обычно дети, особенно мальчики, говорили: «Вот жидовка идёт». А девочки не так

вели себя. Спрашиваешь: «Девочка, есть облава?» Отвечают: «Да, тётя, вот там спрашивают документы».

Однажды, это было в июне 1942, у меня уже был аусвайс немецкий, — проверяют документы. Что делать? А паспорт у меня фальшивый, боевую проверку ещё не прошёл. Я шарахнулась в сторону. Полицейский кричит: «Стой!» Я делаю вид, что не слышу. Он: «Стой!» — и с винтовкой наперевес за мной. У меня мелькнула идея. Я бросилась к нему навстречу и, выхватив документ из торбы, говорю: «Скорее смотри».

— Чего бежала?

— А что же, ты гудка не слышишь?

— Какой гудок?

— А я у немцев роблю, — с такой гордостью говорю, — спешу, на работу опоздаю.

Там был паспорт и справка о работе. Он посмотрел, и я удалилась. Ну, думаю, паспорт получил боевое крещение. Если бы я так не сделала, он схватил бы меня. Раз я от него ударились в бега, значит, подозрительно это.

Периодически объявлялась регистрация на бирже. И там ловили людей. В июне 1942 года организовали ловлю детей 14 лет и старше. В печати появилось объявление, что дети с 14 лет карточек не получают, если они не зарегистрированы на бирже. И дальше говорилось, что такого-то числа будет производиться регистрация на бирже. Матери, зная коварство немцев, пошли с детьми на биржу. Собрали этих детей и заперли.

Потом начали приезжать машины и забирать детей. Матери подняли страшный крик. Дети бросались со второго этажа, убивались, и всё равно — кого успели, угнали в Германию. Только некоторые смогли спастись, причём угоняли для специальной цели — выкачивания крови для раненых и пересадки кожи. Это стало известно, потому что часть детей вернулась, и это были уже не дети, а какие-то бледные уроды с вырезанной кожей. После этого матери не пускали детей на регистрацию: «Лучше живым закопаю в могилу, по крайней мере, буду знать, где закопан».

Людей, которые не работали у немцев, называли дезертирами трудового фронта и нашивали им красные латы с левой стороны груди и на плече. Они считались уже обречёнными людьми. Насчёт знаков новые власти были мастера. Любопытный присланный из-за границы человек носил свой знак: голландцы — зелёный, евреи — жёлтый и т. д.

На немцев никто не хотел работать. Многие спекулировали или вели подпольную работу. Немцы называли их саботажниками: «Раз вы не работаете, значит, вы ждёте большевиков, вы саботируете не-

мецкую власть. Вы — враги германского народа, значит, вам место в лагере».

Эти облавы ещё больше развились после моего ухода в партизаны.

Здесь я продолжала работать до 5 сентября 1942 года. Я была связана с группой Васи САЙЧИКА, а Николай ГЕРАСИМЕНКО — секретарь Сталинского райкома — с ШУГАЕВЫМ Костей, секретарём Ворошиловского подпольного комитета. Я просилась у Васи уйти в отряд. Он говорит: «Женщин мы неохотно берём. Кроме того, мало ли чего ты хочешь, здесь надо работать. Я бы тоже хотел. Это тебе не Минск, где каждую минуту могут убить». Я говорю, что в отряде я ходила бы в разведку и приносила больше пользы. Они согласились. Однажды они послали меня в отряд, дали медикаменты и велели пройти незаметно. Там же у меня оставалась сестра. Я попросила старика, у которого мы жили, ЛИСЕНКО Захара, выдать мои вещи за свои. Замечательный старик был, его погубили из-за нас. Он выдал мою сестру за дочь и дал фальшивый паспорт на её имя. Я говорю: «Отец, ты иди раньше. Около военного кладбища мы встретимся». Он пошёл в неизвестном направлении. Я два часа его искала и не нашла. Прийти на явочное место без медикаментов я считала преступным, и поэтому мы с этой группой не ушли.

Ждать второй отправки было очень трудно. Я обращалась к ШУГАЕВУ и к ГЕРАСИМЕНКО. Они говорили: «При первой возможности мы тебя, Поля, отправим». Однажды в конце июня, или в начале июля, захожу я на квартиру БОРСУКА, там сидят ШУГАЕВ и БУДАЙ. Я даже не знала его фамилию тогда. И ещё какой-то белокурый мужчина лет 33—35, лицо такое измученное. Как только я вошла, они говорят: «Полечка, здравствуй!» Посадили меня кушать. ШУГАЕВ меня знал и БУДАЙ меня знал, а третий говорит: «Так это вы? Всё время мне говорят про какую-то еврейку Полю и про Асю, что их надо отправить». Я спрашиваю: «Почему вы меня знаете?» «Я, — говорит, — у вас учился в комвузе, в 1937 году».

Я по своей настороженности спрашиваю:

— Кто у нас был завуч?

— ЮРИН.

Я спросила про всех преподавателей. Он назвал точно все фамилии, потом говорит: «Я жил на улице Радецкого». Потом коммунистка Ася говорит: «Иван Гаврилович». (Это секретарь подпольного комитета Невский.) Я догадалась. Но она разохотилась и стала называть имена. Это говорит о том, что они не хотели открываться даже такому человеку, как я. Но он сам мне признался, что он мой ученик. Таким образом мы и познакомились. Он меня спросил о брате и о том, как я живу, выразил сочувствие, что я страшно худая, меня

очень трудно узнать. Он говорит мне: «Я очень вас прошу, найдите мне профессора РАДЕЦКОГО, я очень хочу его видеть. Мы хотим назначить его редактором партизанского журнала и заведующим отделом пропаганды и агитации Минского подпольного комитета. С ним знаком один работник ЦК комсомола МАТЮШКО».

Я, ничтоже сумняшеся, пустилась на поиски. Я знала, что у РАДЕЦКОГО работает ещё одна женщина. Он был заведующим сельской школой в Дроздах. Коммунист. Фамилия этой женщины СКУРАТОВА. Я знала, что она работает в Дроздах, и ещё весной 1941 года она говорила мне о РАДЕЦКОМ. Я пошла в Дрозды. Я не знала, что там жил Кубе, у него там была дача. Я пошла и нашла РАДЕЦКОГО. Я его не узнала: это был маленький сморщенный старик, а до этого был мужчина с брюшком. Он читал западную историю, великолепно владеет французским языком, долго жил во Франции, читал лекции очень хорошо. Я ему говорю: «Наш общий ученик хочет вас видеть и назначает вам свидание в воскресенье, в такое-то время на Широкой улице, за мостом». Я передала это НЕВСКОМУ, не помню, сама или через кого-то. Это была его кличка, НЕВСКИЙ, а настоящая фамилия КОВАЛЁВ. Я шла с Невским.

И вот на Широкой улице, у края поля, мы встретились: я, РАДЕЦКИЙ и НЕВСКИЙ — и пошли на квартиру к сестре РАДЕЦКОГО. Она жила на улице Бакунина, как раз против жандармского корпуса. А вообще подпольную работу лучше всего вести в самых опасных местах, так как это не вызывает подозрения. Мы сидели, разговаривали. Напротив нас были жандармы. Мы сначала завесили окна, потом я говорю: «Не нужно, будет подозрительно, мол, кто-то пришёл» — и раззавесила окна. Я слышала разговор НЕВСКОГО и РАДЕЦКОГО. НЕВСКИЙ сказал РАДЕЦКОМУ, что Минский городской подпольный комитет руководит всеми партизанскими отрядами вокруг Минска, в его ведении — 20 партизанских отрядов. Далее он сказал: «Мы ведём систематическую пропаганду через радио, у нас нелегальные радиоточки в Минске в количестве восьми штук. Мы имеем печатный орган „Звезда“, уже вышло два или три номера». Я не помню, говорил он про тираж или нет. Потом он продолжил: «Хотим выпустить журнал специально для партизан. Кажется, он будет называться „Партизанская правда“, и хотим назначить вас редактором этого журнала. И ввиду того что товарищу, который ведает пропагандой, трудно справиться с этой работой, мы вас намечаем заведующим отделом агитации и пропаганды подпольного горкома». Вместо Ватика НИКИФОРОВА он его метил. Потом он проинформировал о международном обстановке, о том, что немцы под Воронежем разбиты. Обещал материальную помощь. РАДЕЦКИЙ страшно голодал, он

получал килограмм муки в месяц и 35 марок и работал заведующим школой первой степени. Килограмма муки ему, конечно, на затирку было мало. Его поддерживали студенты: кто картошки принесёт, кто ещё чего.

Тогда они разошлись, а через несколько дней НЕВСКИЙ мне передает, чтобы я поручила РАДЕЦКОМУ написать листовку в связи с предстоящей уборкой урожая — обращение партизан с призывом к крестьянам прятать хлеб, собранный с полей, не давать его немцам. Будет советская власть, будет и хлеб. РАДЕЦКИЙ написал. Я эту листовку оставила у КЛОКОЛОВА, Пушкинская, 33 и сказала: «Такому-то товарищу вы передадите». Невский передал хлеб для РАДЕЦКОГО. Я лично собрала кое-какие вещи среди знакомых подполья, потому что профессор был просто нищим. После этого я РАДЕЦКОГО больше не видела, наша связь с ним оборвалась.

НЕВСКОГО я просила отправить меня в отряд. Он пообещал: «Отправим».

САЙЧИКУ я не сказала, что встречалась с НЕВСКИМ и РАДЕЦКИМ. Я вообще никому не говорила, с кем я встречаюсь.

А всё-таки с дядей Васей я продолжала работать: шрифта очень много ему перетаскала (128 кг). Со мной вместе женщины таскали шрифт, первая — Оля КОСТЮК, комсомолка. Она замечательно подделывалась под немецкую куклу с бесцветными локонами. Она пудами таскала шрифт. Потом Оля героически погибла. Шрифт я прятала или у Маруси ДОЛГОЛАНТЬЕВОЙ, или у ДРОЗДА.

Наконец, дядя Вася смилостивился и послал меня в отряд, а сестру я отправила в деревню. Её нужно было отправить, потому что начали поговаривать, что она еврейка. За себя я как-то не боялась, а за неё страшно было. Дети её были в детдоме ещё с осени 1941 года. Однажды прихожу на Логойский тракт, 22, там жила коммунистка Поля ЛАВРИНОВИЧ, сама еврейка, муж русский. У неё была такая тёмная комната, где я и устроила свидание. Приходит одна учительница. Я знала, что это моя ученица. Я её прошу: «Забери мою сестру. Я уйду на задание, а она без меня погибнет, потому что меня будут искать». Эту учительницу звали Елена БЕЛЯЕВА, она из Плещеницкого района, деревни Хотаевичи. Она говорит: «Если я сама не борюсь с немцами, помогу другим». Подает мне руку и говорит: «Будет со мной то, что и с вашей сестрой». Взяла сестру и выполнила своё обещание. Потом она вместе со мной работала в партизанском отряде, как разведчица.

Какое же у меня было задание? Моя отправка в партизанский отряд провалилась. Мне не сказали, куда ведут. Мы вышли из Грушевского поселка по направлению к Негорелому. Километрах в пят-

надцати от Минска нас нагоняет полицейский и спрашивает: «Куда вы так поздно идёте?» Мы все с сумками. Наш проводник испугался и приказал нам идти вправо. Нас было пять женщин: я, Поля, зубной врач из гетто (фамилии не знаю), подпольщица Саша, она таскала много шрифта для подпольной типографии, и Аня ЗАЙЧИК из Первой советской больницы. Отправлял нас сам дядя Вася и Жан. Мы просидели не до 6 часов утра, как было условлено, а до одиннадцати: никого нет. Крестьяне пашут, а мы сидим в лесу. Оставаться дольше было невозможно, и мы вернулись в Минск. Мне и Саше буквально некуда было идти. После ухода я не являлась к немцам на работу. Немцы подняли большой шум. Сначала они уговорили рабочих искать меня и передать: «Пусть она вернётся, ей ничего не будет». Барахло моё, хлеб прятали. А тогда хлеб — это не шутка была. Рабочие догадывались, куда я ушла. Потом немцы собрали митинг и призвали всех к бдительности, что у нас, мол, работала такая еврейка, партизанка настоящая, она и ушла к партизанам. Заявили в полицию, и полиция меня упорно разыскивала, но она разыскивала, конечно, не меня, а ФЕДЮК Пелагею Петровну. Это было 10 августа.

Таким образом, я уже потеряла легальность и очутилась в чрезвычайно тяжёлом положении. Я пряталась у Маруси БАТУРИНОЙ и у ГЕРАСИМЕНКО. ГЕРАСИМЕНКО хотел отправить меня в отряд НИКИТИНА. В Минске говорилось уже об отряде Капусты. Но отправить никак было нельзя: с дядей Васей я связь порвала. Но приехал ЛИСЕНКО и сказал, что меня ищут и хотят отправить в отряд. Положение исключительное, кругом блокада, к дяде Васе на Подлесную идти нельзя, потому что там сцапают.

Наконец, я решила во что бы то ни стало поговорить с членами горкома. Думаю: я поймаю НЕВСКОГО. Я могла его встретить только у Оли БОРСУК. Я ходила туда два раза, его не встретила. В третий раз прихожу, он сидит. Я говорю: «Почему никто меня не хочет отправить в отряд? Вы что, хотите, чтобы я провалилась? Вы знаете, что меня разыскивают. Я слышала, что отправляют представителей от Минского комитета в Копыльский район для связи, Асю, наверно». Ася, будто бы, ходила под Смоленск, кто-то пошёл в Минский обком. Хотят отправить в командировку Марусю БАТУРИНУ и Ольгу ИВАНОВСКУЮ. Я думаю: почему они меня не отправляют? Очевидно, боятся, что я еврейка, что я провалюсь. НЕВСКИЙ поручает ШУГАЕВУ отправить меня. Тот спрашивает:

— Какого числа?

НЕВСКИЙ отвечает:

— Двадцать пятого числа.

Я говорю:

— Мне сегодня ночевать негде. Иван Гаврилович, дайте мне любое задание, я выполню.

Они переглянулись друг с другом, и Невский спрашивает:

— Пойдёте в командировку?

— Куда, в Копыльский?

— Нет, дальше и гораздо опаснее.

— Хорошо.

Я довольна, что мне поручают такое ответственное дело.

Невский продолжает:

— Берите себе попутчика и лучше всего женщину.

— Есть. Я возьму Аню ЕЗУБЧИК.

— Хорошо, завтра получите поручение.

Я прихожу к Ане:

— Аня, нам оказывают большую честь, нас посылают в командировку.

Ане тоже было обидно сидеть сложа руки. Она член подпольного комитета и чувствовала, что за нею следят, а её тоже не отправляют.

На другой день в полдень мы встретились у ГЕРАСИМЕНКО с НЕВСКИМ. Они нам предложили: «Во-первых, в Любанском районе, в болотах Полесья, есть три члена областного комитета партии, они меня знают. Они хотят установить с нами связь и прислали сюда Рому КАЦНЕЛЬСОНА, бывшего заведующего ОРПО Минского областного комитета партии до войны».

Этот КАЦНЕЛЬСОН спросил у секретаря Дзержинского райкома, который был членом партизанского отряда, кто является секретарём Минского подпольного комитета? Ему ответили: НЕВСКИЙ.

КАЦНЕЛЬСОН переспросил:

— НЕВСКИЙ? В моей области не было такого.

Ковалёв заявляет:

— Моя фамилия не НЕВСКИЙ, это моя кличка, а зовут меня Иван Кириллович КОВАЛЁВ. И КОВАЛЁВ до войны был секретарём Заславльского комитета партии.

Это один вопрос, который, видимо, его очень беспокоил, что его не признают.

Затем продолжил:

— Я, Иван КОВАЛЁВ, послан сюда ПОНОМАРЕНКО в ноябре 1941 года, сейчас являюсь секретарём. Под моим руководством (он не перечислил нам членов райкома) находится пять минских райкомов: Тельмановский, секретарём которого является Ефим СМОЛЕР, Сталинский, секретарь — Коля ГЕРАСИМЕНКО, Ворошиловский, секретарь — ШУГАЕВ, Кагановичский и Железнодорожный. Пере-

дайте, что каждый район имеет свою группу отрядов, что всего отрядов больше 20 и что мы выпускаем «Звезду», выпускаем листовки, получаем последние известия по радиоточкам. Я связываюсь с Москвой, через рацию, которая находится в Смоленской области. Просим помощи, конечно.

Кто были остальные секретари — я не знаю, он не говорил.

Потом он написал письмо на грубой бумаге. Я не приняла, говорю: «Пишите на папиросной». Дала ему папиросную бумажку. Он написал: «Здравствуйте...». Написал на имя БАТУРИНА, подписал: И.К. КОВАЛЁВ. Потом дал письмо КОЗЛОВУ от Ромы КАЦНЕЛЬСОНА и дал явку, подписанную БЕЛЬСКИМ, Героем Советского Союза. Там была записка: на одной стороне пароль — 600, потом написано: «Обратитесь к такому-то, крестьянину ЛЕЩЕНЯ деревни Альбинск Полесской области Глусского района. Скажите: „Верно, убит?“ Он ответит: „Да, убит. Ведите меня к Юзику или к Василию Ивановичу“». Юзик — это БЕЛЬСКИЙ, а Василий Иванович — КОЗЛОВ. И было три столбика районов, куда мы должны были идти, и всё кончалось: Живаль — Альбинск.

Эти три записки я взяла себе, зашила в платье. Очень тонкие, они были совсем незаметны. Дали нам по 35 марок командировочных и три бланка пропусков от немецкого коменданта, где я написала, что иду искать тётку, а моя спутница идёт искать сестру. Потом мы написали, что командирujemyся в Любаньский район, а это было просто преступление. Почему? Потому что одно слово «Любань» привело бы немецкого коменданта в ужас. Это была партизанская зона, а мы этого не знали.

Ковалёв сказал, что нам дадут печать на дорогу и что я должна зайти к Коле. Я зашла к Коле ГЕРАСИМЕНКО и встретила там ВАТИКА, которого я знала, и Аня знала даже лучше меня, потому что она яды ему передавала. Дал он нам листовки и газеты. Зашла Настя Веремейчик. Я сказала ГЕРАСИМЕНКО и ВАТИКУ: «Оставляю за себя эту женщину. Это старый член партии. У неё есть своя квартира, и вы можете поручить ей любое задание». Так я их познакомила. ВАТИК даёт мне печать:

— Поля, ты знаешь, куда ты идёшь?

— Знаю

— Если ты выполнишь это задание, мы не забудем тебя никогда. Я его прошу:

— Спасите брата и двух врачей из гетто, их документы я отдала. Коля посмотрел на меня, слёзы у него навернулись на глаза:

— Ты не знаешь, куда ты идёшь.

— Что, опасная дорога?

— Да. Я бы тебя скорее отправил в Копыльский район!

— Ну что ж, всё равно — кто-то должен пойти. Я пойду, а вместо себя оставляю Настю.

Пошли мы с ЕЗУБЧИК легальным путём. Шли на Слуцк, обходили немецкие гарнизоны, Дещенко обошли. В Самохваловичах нас нагнала одна женщина, молодая, красивая, смуглая, как будто с курорта, совсем не похожа на минских женщин. Она идёт, как будто гуляет, косыночка лёгкая. И так пристала к нам — ко мне и к Ане, говорит, что она все дороги знает, недавно выпущена из тюрьмы. Я говорю:

— Аня, оставь ты эту женщину.

— Она, наверно, с партизанами связана, так много знает.

— Боюсь, что не так: если бы знала, зря бы так много не болтала. Обходим мы Дещенко. Женщина и говорит:

— Тут у меня знакомые, меня хорошо примут. А где вы остановитесь?

Я сказала:

— В Лоше Узденского района.

А сами туда не пошли; а пошли к Буде Гресской. Там начальник полиции наскочил на эту Буду, проверил все вещи, документы, придрался к Ане, мол, почему у неё котелок и ложка немецкие. Аня ответила: «Немец мне подарил».

Проверил все вещи, а там были листовки в хлебе завернуты. И листовка были у нас в рейтузах. Он прицепился к моему паспорту, а паспорт фальшивый на все 100. Он смотрит на меня, паспорт крутит, листает и всё смотрит на меня. Я говорю: «Что вы смотрите? Детей потеряла, с голоду умерли, и девчата говорят, что я очень изменилась в лице. Нате пропуск немецкого коменданта». Он тоже фальшивый, хорошо, что там не было числа. Он малограмотный и прочитал: «ФЕДЮК» — и в паспорте ФЕДЮК. Мы пошли, а он едет на машине за нами. Думаю: он нас немцам передаст. Я пошла очень уверенно, разгрузилась от листовок, потому что подумала, что погибать из-за листовок, не выполнив главного, не имеет смысла. Оказывается, он сказал немцам, что проверил наши документы.

Эта женщина, которая пристала к нам, оказалась шпионкой, её через две недели расстреляли.

Мы дошли до Слуцка. Из Слуцка, Аня сказала, нужно идти на Червонную слободу (есть Червонная слобода деревня и Червонная слобода — центр). Я спорю с нею: «Ты идёшь на запад, а мы должны от Слуцка идти на юго-восток».

Шли мы шестеро суток в очень больших опасностях, поскольку спрашивали эти деревни. Раз мы спросили деревни, то мы себя вы-

дали. Обошли Любаньский гарнизон совершенно случайно. Нас встретил один человек и сказал: «Пройдите там, там сталинские хлопцы вас встретят». Мы обошли Любаньский гарнизон, гарнизон Сорочи, вброд перешли Арессу и ночевали одни в любаньских болотах.

Шесть суток так скитались, ноги у меня распухли, были все в ранах. Как-то утром в Любаньских болотах мы нарвались на партизан. Первый раз за всё время немецкой оккупации мы встретились с партизанами. Когда мы спросили их, кто они такие, они сказали, что полицейские. Вижу я, что они не полицейские, патронташ у них и вообще не похожи на полицейских. Документы проверили, вещи проверили. «Шпионки» — и всё. Я говорю:

— Ведите нас в Альбинск.

— Чего идёте?

— Сестру искать иду. Пароль «600».

Он улыбнулся:

— Кто тебе сказал?

— Тетка сказала. И больше тебе ничего не скажу.

Они нас поставили и... стрелять. Я говорю: «Стрелять? Если вы полиция, ведите нас в Любань. Если партизаны, ведите туда-то». Потом документы надо уничтожить. Я полезла под юбку и хотела съесть эти записки.

Потом они повезли нас в совхоз Жадо. Видим, там полно партизан. Мы уже чувствуем себя героями. Проводили нас в хату. Пришёл следователь:

— Куда идёте?

— К такому-то человеку.

Я говорю:

— У меня там сестра.

Аня говорит:

— У меня тётка.

Я уперлась:

— Дайте мне такого-то человека.

Оказывается, он был за 30 километров. Меня арестовали, отдельно посадили. Они решили, что мы шпионки. Там был начальник особого отдела штаба соединения БЕРНЗОН — латыш. БЕРНЗОНА заинтересовало, что пришли минские люди. Он же знал, что я послана туда. Он поставил скамейку, положил шапку, спрашивает Аню:

— Почему пошли?

Она говорит:

— Удалите людей.

— Говорите перед товарищами.

— А вы кто?

— Мы — добровольческая армия гитлеровская.

Она обомлела. Он увидел её испуг, подпись на паспорте и вообще её узнал. Они в таком возбуждении, стали целоваться, меня позвали и доложили Козлову о приходе представителей из Минского подпольного комитета.

Мы пришли 11 сентября 1942 года. КОЗЛОВ поговорил с нами. Мы передали ему все документы. Тут же был и генерал-майор КОНСТАНТИНОВ. Они нам выразили благодарность и от обкома, и от командования партизанского движения, подчеркнули, что мы шли почти на верную смерть, что нас могли погубить свои. Сейчас же радировали ПОНОМАРЕНКО. Пономаренко прислал нам привет и предложил написать о том, что мы знаем о Минске. Мы написали две тетрадки. Нам сказали: «Пишите, что знаете». И мы написали и отдали. На этом кончилась связь с подпольем.

После этого нас отправили в Копыльский район. В Копыле уже знали о провале в Минске. Меня и Аню послали обратно в Минск, к НЕВСКОМУ, чтобы пришёл кто-нибудь из Минского подпольного комитета, но сказали, что НЕВСКИЙ — провокатор.

Мы пошли с Аней уже разными дорогами. Я пришла в западную часть города. За Червенским мостом встретила Олю ИВАНОВСКУЮ. Она была как сумасшедшая. Её муж был секретарём Сталинского подпольного комитета. (Она погибла в последнюю блокаду в партизанском отряде.) Она мне говорит: «Поля, нас всех предал Иван Гаврилович. Идёт, сукин сын, в город и ловит всех людей. Погиб Ватик, арестован Коля с женой Татьяной и дочерью Люсей, арестован ДЕМЕНТЬЕВ и страшно избит напоследок, а жена его, еврейка, удрала. Арестован Ватик, мы все погибли, он нас всех загубил. Мы считали вас всех погибшими». Так как они знали, что НЕВСКИЙ провокатор, а он нас отправлял, они думали, что он нас погубил. Она говорит: «Через 11 дней после вашего ухода прибежали из гестапо на квартиру Ани. Уходите из города, вас угробят».

После такой точной информации о поголовном провале в Минске я решила всё же кое-кого найти, хотя бы САЙЧИКА или кого-нибудь, потому что надо выполнить поручение.

Я пошла на квартиру СЛАВИКОВСКОЙ, она беспартийная, но очень хороший человек. Нет её на квартире. Когда стемнело, я побежала к Марусе ДОЛГОЛАНТЬЕВОЙ. Нет её дома. Пошла к Федору ДРОЗДУ — члену моей десятки. Нет его дома. Оля ИВАНОВСКАЯ меня предупредила: «Никого в городе нет. Если кто и есть в городе, так не там, где они были. Никого вы не найдёте». Я увидела только жену Фёдора ДРОЗДА, Марусю. Она сказала: «Может, до пяти часов меня выгонят на улицу». Тем не менее она оставила меня ночевать.

Нам дали муки и других продуктов, как будто мы торговки. Я ночевала у неё. После этого перешла на Немигу. К ГЕРАСИМЕНКО идти не было смысла, потому что я знала, что он арестован. Я перешла к Наде ФАЛОВИЧ, ждала Аню ЕЗУБЧИК. Она мне тоже сказала, что никого не нашла, что на свою квартиру она не может пойти, потому что там поселился русский немец. Он оказался хорошим человеком, но его предупредили, что Аня может появиться на квартире.

Мы задания своего выполнить не смогли и сказали, что в городе провал. Вернулись в Копыльский район, к ВАРВАШЕНЕ, обо всём доложили. Меня отправили работать в госпиталь, поскольку я не могла быть связной.

Потом у нас были крупные бои. Мы вообще ушли из этого района западнее — в Жуковичи, скитались.

Аня с Марусей были отправлены после в Минск. Почему так получилось? Я бы с ней вообще не расставалась. После лавского боя 3 декабря 1942 года бригада БОЖЕНКО разделилась на три части: бригада имени Суворова во главе со СТЕФАНЮКОМ, бригада имени Чапаева во главе с ШЕСТОПАЛОВЫМ и бригада имени Ворошилова во главе с ЕРЕМЕНКО. БОЖЕНКО стал командиром соединения, а комиссаром был ВАРВАШЕНЯ. Бригада Суворова была послана для охраны госпиталя, где находились тяжело раненные 12 героев. Надя же и Аня остались в двух других бригадах. Оказывается, нас разъединили. Я даже не знала, что меня с Аней разъединили. Таким образом, мы разлучилась: я попала в одно место, она — в другое. Я была в Суворовской бригаде, там было два отряда: отряд Будённого и отряд Суворова. Отрядом Будённого командовал ИЗЮМСКИЙ.

Весной 1943 года бригада вернулась для боевой деятельности уже в Гресский район. Госпиталь был оборудован замечательно. Там была доцент медицины ЖУРАВСКАЯ. Замечательная аппаратура для операций, много медикаментов. Госпиталь имел свою хозяйственную группу, раненых обеспечивал очень хорошо. В таких условиях хорошо ухаживали за ранеными. Все с благодарностью вспоминают этот госпиталь. Мы отправляли выздоровевших на самолёте. Они со всеми нами переезжали. Всех их отправили в Москву, долечивали их там.

В отряде я была до весны 1943 года. Весной, поскольку раненых не было, вообще уже боевая деятельность не была такая активная, госпиталь расформировали, распределили по отрядам. Я осталась в Суворовском отряде, некоторое время была просто хозяйкой, «мамашей» бойцов. Но это продолжалось недолго.

Летом начала издаваться подпольная газета Гресского района, и мне приказали редактировать газету. У меня уже были готовы доку-

менты, чтобы пойти в Минск на связь. Соединение переходило в Минский район. Поехали ШЕСТОПАЛОВ Яков, Маруся, Аня. Они говорили, что работали у КАПУСТЫ и что я и они поедем в Минск. Нас ГОРЮНОВ послал. Уже всё было готово — продукты, деньги, а мне сказали: «Оставайтесь редактором газеты „Сталинец“». Я была недовольна. Но пришлось подчиниться. Первый номер был выпущен 1 июня 1943 года на четвертушке бумаги. Тогда был межрайонный комитет. Когда я пришла, в межрайонном комитете был ПУЗЕВИЧ, потом ЗАЯЦ. Приходилось и редактировать, и корректировать, и листовки писать самой. У нас был шрифт, мы печатали валиком. Вторая газета была чуть-чуть больше, в последней заметке вместо буквы «З» ставили «3», вместо «0» (нуля) писали буквами ноль, затем «1» вместо «И». Если «з» не хватало, подрезали «живот» у «в», большие буквы писали вместо маленьких. В общем, десять потов сойдёт, пока наберешь одну заметку.

В августе, числа десятого, я заболела воспалением окологердечной сумки и проболела три месяца. ЖУРАВСКАЯ уехала, и я думала, что никак не выживу.

Когда я поднялась, я узнала, что появился какой-то Минский подпольный комитет, его называли Сельским. Я попросилась у ЗАЙЦА уйти. Меня не пустили. Я просилась пустить меня вместо ГРАДОВА. Потом они пустили. Шла я дня 4 или 5, потому что идти не могла.

Пришла я в Заречье, там был секретарь подпольного комитета ЛЕЩЕНЯ. Он меня знал и приказал оставаться. Написал записку Зайцу, что по предложению Минского подпольного комитета такая-то назначается членом коллегии «Минского Большевика», и просил снять меня со всех партизанских работ. Меня оттуда отпустили, и я пришла в Заречье. У нас было разделение руда: Саша сидел на газете, а я — на листовках. Часто писали все или я одна писала, но все листовки выпускала я, и я ходила с каждой листовкой в прежнюю свою редакцию. Они, бывало, напечатают листовки такие, какие я хочу. Так я работала до прихода Красной Армии.

Сводки мы получали ежедневно. Потом слышим — Крым освободили, потом Ленинградский фронт начал действовать, говорят, Белоруссия скоро будет действовать. Я говорю: «Если будет действовать, так через 2 недели будет очищена». Ко мне приставали: почему? Я отвечаю: «Потому что готовятся уже, и Белоруссия будет очищена в конце июня или в начале июля».

Я была около дороги Осиповичи — Бобовня. Там стояла бригада Фрунзе. Вдруг слышим — ужасная канонада, которая продолжалась трое суток без перерыва. Говорю: «Товарищи, это Рокоссовский

идёт». 25 июня я говорю: «До свидания, больше я вас не увижу, в Минске встретимся». Предупредила крестьян: «Скоро будет Красная Армия, прячьтесь все, иначе вас немцы погонят в Германию». Дала им листовку. Слышим, Красная Армия уже взяла Поречье. «Ну, теперь очередь за Минском». Но мы никогда не думали, что так скоро придёт Красная Армия. Поречье было таким углом, потому что там река Птичь очень крутится. Я говорю: «Мы тут встретим Красную Армию. Давайте подождём». Поехали 2 июля рано утром, приехали в Блошитник — деревню Гресского района, поставили приёмник. Я передохнула. Мне кричат: «Полина Петровна, Минск взяли 3 июля на рассвете». Наши ребята быстро поехали на машинах через Шацк.

Мы приехали в Минск числа четвёртого. В городе всё разрушено, везде дымящиеся пожарища. Вдоль дорог валяются патроны, снаряды, пулемёты... Вы знаете, как жадны партизаны к патронам, стали хватать. Потом говорят: «Не надо уже». Дотов сколько — вся дорога от Минска до Слуцка в дотах. Дорога Шацк — Валерьяны вся уставлена дотами.

Когда я пришла в Минск, разрыдалась: как они его разрушили.

Пришла в обком, первым меня там встретил БУДАРИН — председатель горсовета. Потом пошла ночевать в Лошицу. Там попала под такой огонь. Налетели самолёты, на которые ещё понавешали фонарей. Я перевязывала раненых во время бомбёжки.

Меня сразу посадили работать в отдел кадров горкома, сказали: «Ты подполье знаешь, партизан знаешь, и в Минске долго жила»¹. Потом я перешла в лекторскую группу.

* * *

Последний погром был в гетто 29 декабря 1942 года. Это был страшный погром, убивали всех, кто не работал в русском районе. Все еврейские колонны в городе задерживали на производстве, а в гетто в это время убивали детей, больных, всех оставшихся. Страшно много тогда убили людей. Рассказывали, что всё время обстреливали гетто — жуть. В этот же погром разделились с больницей, со всеми больными. В гетто была своя больница, родильный дом, поликлиника — всех убили. Тифозных трогать побоялись, не пошли туда. В детском отделении было семеро детей. РИБЕ, начальник полиции, надел белые перчатки и зарезал всех детей ножом. Вышел оттуда, скинул белые перчатки, закурил и съел шоколадку.

Лето было жаркое. Многие сидели в «малинах». Дети от жары и духоты измучились и всё время плакали. Матерям с этими детьми предлагали уйти, так одна мать убила двухлетнего ребёнка, другая убила трёхлетнего, бросила головой в уборную. Потом она кусала себе руки. Одна мать положила на ребёнка подушку и села на неё: ребёнок был придавлен. Детей после этого совсем не осталось. Я видела после этого только одну маленькую девочку, которую мать вела в колонне на работу, боясь оставлять в гетто. В гетто вообще оставались только замки.

Врачей немцы убили 40 человек, из них один был окулист, профессор ДВОРЖЕЦ. Жену заслуженного деятеля СИТЕРМАНА тоже убили. Здесь погибла доктор ИРГЕР с ребёнком, доктор КАНТОРОВИЧ, гомеопат, единственный в Минске, ЧАРНО, СИРОТКИНА — очень хороший детский врач, доктор ФРИДИН, погибла доктор ГУРЕВИЧ, старушка, хромая, знаменитый врач по детским болезням. Педиатр КИРШОН Мария Абрамовна, замечательный врач. Она была в еврейском комитете. Она видела, как всех вели на казнь. Здесь же был профессор ТУГЕЛЬ, крупный специалист по желудочным болезням. Мало кто остался в живых.

Как погиб СИТЕРМАН? Он был профессором кардиологии. Человек, известный всему Союзу, заслуженный деятель науки, директор прежней советской больницы. Когда наши части отступали, у него в больнице было очень много раненых. Он не ушёл и сказал: «Я останусь на своём посту и не покину раненых». Немцы его схватили в больнице, долго над ним издевались. Потом, когда он был в гетто, они так издевались, что заставляли его убирать уборные и снимали во всех позах: «Жид СИТЕРМАН убирает уборную». Пока его снимали, все молчали. Как только немцы отвернутся, все ему помогали. Однажды его увезли в неизвестном направлении, а жену убили во время последнего погрома. Сына его, теперь ему 15 лет, спасла их домашняя работница. Она была русская.

С июля месяца 1942 по ноябрь 1943 года погромов не было. Были погромы политические, которые начались с весны 1942 года. Если они знают, что есть коммунист в данном доме, они расстреливают не только данный дом, но и весь квартал. На Коллекторной, 18, жила одна женщина — еврейка. Она работала, там была явочная квартира. И вот там искали шестерых коммунистов: ЧЕРНИНА, СМОЛЕРА, ГЕБЕЛЕВА, ОКУНЯ и ещё кого-то. Зачитывали список, требовали их выдачи. Тогда в трёх домах было убито 72 человека. Они ворвались с гранатами в дом, выгнали всех на улицу, заставляли ложиться вверх лицом и вниз лицом. Там жила женщина-врач. Когда её выгнали и начали расстреливать людей, она так крепко прижала

¹ Список участников Минского подполья, составленный Хасей Пруслиной в 1945 году, находится в Национальном архиве Республики Беларусь, см.: Ф. 4386. Оп. 2. ЕХ. 102.

к себе ребёнка, что после их не могли разнять, так и похоронили. Вся улица была залита кровью. Гетто для них было «рассадником бандитской заразы» — так они говорили.

Ефим вышел из гетто в июле месяце, жил у русской женщины Маруси. Часто по его заданию она ходила в гетто. Наденет латы и пойдёт. Ефим скрывался на площади Свободы, где было гестапо. НЕВСКИЙ боялся идти к Ефиму. Ефим мне рассказывал, что НЕВСКИЙ пришёл к нему: «Что тебе нужно?» Невский говорит: «Мне нужно начать массовые диверсии во всём городе. И, во-вторых, вывести всех евреев в партизанские отряды, они умирают, как скоты». А насчёт ухода в партизаны он поставил передо мною задачу ещё весной 1942 года, но не было оружия.

Раздел 2.

Поиски и возвращение дочери Зинаиды

Поездка за границу

Необходимость поездки за границу в 1947 году была вызвано тем, что оккупанты угнали в Германию, вместе со многими советскими детьми, и мою маленькую дочь Зину. Тяжело передать словами, сколько выстрадали матери, у которых оккупанты отняли детей; сколько мук перенесли дети, попавшие в фашистскую неволю...

В отчёте не место говорить об этом...

Вернувшись в Минск, после его освобождения, я узнала, что моя девочка угнана фашистами. Усиленные трёхлетние поиски не дали желанных результатов. Надо было ехать за границу. Наконец-то была получена виза на въезд в восточную зону оккупации Германии. Тщательная разведка по всей этой зоне показала, что дочь действительно была в Германии. Её помнили жители города Бельцига, где размещался детдом НСФ, в котором находилась моя дочь. Её помнили советские дети — товарищи по детдому, которые остались в Германии. Но была неизвестна судьба многих детей и в их числе — судьба моей девочки.

В Германии я узнала, что старших детей из детдома НСФ, который в феврале 1945 года очутился в городе Бельциге, погнали рыть окопы во время штурма Берлина. Стало известно, что в апреле 1945 года 36 человек детей угнали в направлении города Гарделегена, в английскую зону оккупации Германии. Многих детей разместили в немецких приютах. Кроме того, немало наших ребятишек взяли к себе в дом немецкие семьи. Также пятеро детей — два мальчика и три девочки от 7 до 10 лет — бежали из иезуитского Августовского приюта в Брандербурге летом 1945 года, бежали на Восток, в СССР, вместе с немецким мальчиком Ганцем РЕНЕРОМ.

Где же наши дети? И где моя дочь?

И вот началась поиски... В этой работе мне помогало большое количество людей, помогали от души. Не жалели ни сил, ни средств, ни времени. Такую чуткость к горю совсем неизвестной женщины могут проявить только советские люди. Помогали мне органы репатриации, помогали товарищи из военных комендатур, куда бы я ни обращалась, помогали товарищи из воинских частей и т. д.

Я исколесила значительную часть Германии. Была даже за Эльбою, в городе Штендаль и т. д. Но моей дочери нигде не было. Зато мне удалось обнаружить множество советских детей как в детских домах, так и в немецких семьях. Эти ребятишки имели такой несчастливый вид, их глаза отражали такое недетское горе, что я не могла от них отойти. Не могла оставить их на чужбине, не могла молчать. Поэтому я начала энергично действовать в защиту наших детей. Это был мой долг советской матери. Хотя мне лично было очень тяжело...

Я обратилась прежде всего в органы репатриации с просьбой собрать наших детей и вернуть домой, где их так ждут матери, такие же несчастные, как я.

Систематические записи, которые я вела во время поездки по Германии, помогли мне написать обстоятельное заявление на имя начальника лагеря 263 в г. Бранденбурге товарища ЯНОВИЦКОГО. Прочитав мое письмо, он отказался мне верить. Он сказал, что все советские люди, угнанные на немецкую каторгу и обнаруженные в Восточной Германии, давно репатриированы. Репатриированы и дети. В его оправдание надо сказать, что детей было очень трудно найти. В большинстве своём дети были запуганы так, что они боялись признаваться, что они русские. Детей заставляли забыть, кто они, забыть свой язык, свои имена и фамилии, свою Родину... Им дали немецкие имена и фамилии, их всех «олютеранили» и заставили говорить по-немецки. Некоторые дети не знали, кто они и откуда. Например, один мальчик говорил, что он родился в СССР, но зовут его Эрих ШПЕЕР; другой говорил, что родился в Германии, но зовут его Василий ИВАНОВ...

Поди разберись.

Товарищ ЯНОВИЦКИЙ выдвигал ещё целый ряд всяких доводов, почему он не может со мною согласиться. Но я настаивала на своём, и отцепиться от меня было не так просто. Тогда мы обратились к главному начальству по репатриации в Берлине — к генералу Юркину. Товарищ Юркин отнёсся к моему заявлению с большим вниманием и сочувствием. Он предложил мне самой собирать советских детей при помощи органов репатриации и работников военных комендатур, а также немецкой полиции. Он добавил, что меня не выпустят из Германии, пока я не выполню этого приказа.

Тов. ЮРКИН и его сотрудники помогали мне в моей беде чем только могли. Они посоветовали мне выступить на радио, как матери, и рассказать об общем, и своём личном, горе и попросить помощи в поисках дочери. При этом тов. ЮРКИН просил учесть, что имеется много фактов, что в вопросах репатриации советских граждан из Западных зон оккупации Германии наши бывшие союзники

ведут против нас подлую политику. Особенно в отношении детей: создаются специальные комиссии, которые заведомо русских детей объявляют нерусскими и не отдают их советским органам репатриации. Тогда заседала специальная комиссия в городе Гофкрузе. Они оставляли наших детей в Западной Германии или отправляли их в другие страны Европы и даже за океан. Тов. ЮРКИН назвал фамилии многих наших детей. Вот они: ПРОКОФЬЕВ Владимир, АФАНАСЬЕВ Женья, ШАХАЛИ Нелли, БОРЦОВ Виктор, ЧУПИНА Ольга, МУХАММЕДОВ Виктор, МОЖАРОВ Владимир и многие другие.

Учитывая все эти обстоятельства, я выступила 26 июля 1947 года на радио от имени всех советских матерей, у которых немецко-фашистские захватчики отняли детей. В этом обращении я призывала женщин Германии, а также Англии, Франции и США помочь нам вернуть наших детей. Я говорила, что советские женщины этого вполне заслужили. Ведь угнанные оккупантами дети — это в основном дети партизанок, военных, дети тех, кто боролся не только за счастье своих детей — за то, чтобы все дети жили в мире, чтобы они не знали ужасов войны... Это выступление было переведено на немецкий, английский, французский языки и отправлено в печать.

За месяц пребывания в Германии мы собрали немало обнаруженных мною детей и разместили их в детдоме, в лагере № 262, в Бранденбурге. Я и теперь помню фамилии некоторых из этих детей: ФОМОВА Рая, ЗЛОТИНА Тася, ГОЛЬ Рудик, БЕЛОГУРОВ Толя, АКУЛНИЧ Виктор, ЖИТЕНЕВА Нина, ШПЕЕР Эрик и многие другие. Через две недели после возвращения в Минск я прочла в газете «Комсомольская правда», что детей привёз в Москву капитан Захаров.

Где же была моя дочь?

Собирая советских детей, мы напали на след моей дочери. Она, оказывается, была в числе тех детей, которых отправляли на запад. Но, к счастью, этому транспорту преградили путь наши войска — 3-я Ударная армия I Белорусского фронта. Дети эти случайно уцелели, хотя попали под настоящий огонь...

12 августа 1947 года я, наконец-то, обняла свою дочь.

Я вспоминаю с благодарностью тех товарищей, которые работали тогда за границей и оказывали мне помощь. Это, во-первых, работники военных комендатур: тт. БАРАНЮК и СТОГИН (г. Бельциг); тт. ОСТЯКОВ и РЕМЕР (г. Ратенов); т. КОРЕПАНОВ (г. Бург); тт. СЫРКОВ, ПАРИКОВ, ЕРЖОВ (г. Штендаль); военный комендант ТРЕПТОВСКОЙ комендатуры Берлина (фамилию не помню) и солдат АЛИМПИЕВ.

Большое спасибо работникам органов репатриации: тт. ЯНОВИЦКОМУ, ИВАНОВУ, ВАНИНУ и многим другим (г. Бранденбург).

Товарищам, работавшим в Берлине, полковнику Писаренко, которому я доставила столько хлопот, старшему лейтенанту КРЮКОВУ. Особую благодарность хотелось бы выразить генералу ЮРКИНУ за большую заботу и внимание ко мне. Спасибо и тогдашним работникам органов репатриации в Москве тт. СЛЮСАРЕВУ и КОВАЛЁВУ. Мне активно помогали и немецкие граждане: Герда КНИ (из Дитмансдорфа), ШМИДТ (г. Бельциг) и начальник секретной полиции г. Ратенова (фамилии не помню).

Спасибо тогдашнему секретарю Минского обкома КПБ т. В.И. КОЗЛОВУ за то, что он помог мне получить визу для поездки в Германию.

Дальнейшую судьбу обнаруженных мною в Германии детей я не знаю. На мои письма ответа я не получила. Органов репатриации нет. Теперь они уже не дети — они взрослые. Я желаю им только счастья. Я желаю, чтобы они не проливали столько слёз, сколько пролили мы — их матери, чтобы их дети не знали столько горя, сколько познали в детстве они из-за проклятой войны. Чтобы дети всего мира не знали, что такое война.

*Бывшая подпольщица и партизанка,
член КПСС Пруслина
Машинопись, оригинал на 5 л.*

Где моя дочь?¹

Я ищу её три года, объездила половину Германии и никак не могу её найти.

Усердные поиски ребёнка привели к следующему: мою девочку семи лет, Зиночку НИКОДИМОВУ, немецкие войска вывезли в апреле 1944 года в числе 30 детей в возрасте от 2 до 14 лет из города Минска, детей, которых оторвали от матерей и поместили в гестаповскую школу «СС Гаймшулле». Дом находился в ведении фашистского общества ЭНЭСФАУ.

Как только Советские войска перешли в наступление, фашисты схватили детей в машины и вывезли в Германию, в город Бельциг Бранденбургской провинции. Сюда прибыло 56 детей.

В Бельциге детский дом «СС Гаймшулле» пробыл с февраля по апрель 1945 года. Когда Советская Армия штурмовала Берлин, старших ребят погнали рыть окопы под Берлином. После вступления наших войск в Берлин некоторые оставшиеся в живых из этих ребят бежали домой, в Советский Союз. В городе Минске оказалась воспитанница этого детского дома Ольга ГУСЕВА. Она и рассказала о судьбе наших детей, и о судьбе моей дочери Зины. Она говорила, что всех ребят старались онемечить, запрещали говорить по-русски и что всем деткам дали немецкие имена и фамилии. Запрещали друг друга называть своими настоящими именами.

В то же время часть ребят забрали на воспитание немецкие семьи из города Бельциг. Густав ГЕЦЦЕ взял на воспитание Нину ЖИТНЕВУ и назвал её Гертруда ГЕЦЦЕ (в детском доме её прозвали Вильгельмина ЩУТЦЕ). Шмидт взяла девочку Галю, а Эдит ФИНКЕР из деревни Гольцер Бельцигского района взяла девочку Раю ФОМОВУ. В апреле 1945 года заведующая домом ЦАНДЕР отвезла 9 детей в город Бранденбург и разместила их в трёх приютах.

В одном из приютов — Августовском — господствовали отвратительные методы воспитания. Дети Анатолий БЕЛОГУРОВ, Виктор АКУЛИНИЧ, Рудик ГАЛЬ и другие рассказывали, что ребят били, сажали в карцер, запугивали Советским Союзом. В результате такого обращения пятеро детей бежали ещё в 1945 году, в августе месяце. Известны только их имена: девочки Лена девяти лет, София — 11 лет, Розина — 8 лет и два мальчика: Генрих одиннадцати и Виктор десяти лет. В Августовском приюте мы нашли только двоих: Виктора АКУЛИНИЧА и Толю БЕЛОГУРОВА (первого называли ГЕРЦ, второго — ВЕЙС).

¹ Текст выступления Хаси Пруслиной прочитан в Берлине на радиостанции «Волга» 27 июля 1947 года (прим. ред. — К. К.).

Партию детей в количестве 30 человек отправили на запад. Детей взяли Елена ГАРТМАН, проживавшая в Гамбурге, и Герда ШНАЙДЕРС, жительница города Бурга. Осталась неизвестной судьба большинства детей, вывезенных ГАРТМАН и ШНАЙДЕРС, в количестве 30 человек и пятерых ребят, бежавших из Августовского приюта в августе 1945 года.

Найденные дети из детского дома «СС Гаймшулле» — Рая ФОМОВА, Нина ЖИТНЕВА, Толя БЕЛОГУРОВ, Виктор АКУЛИНИЧ, Рудик ГАЛЬ и Тася ЗЛОТИНА — собраны нами и размещены в Советском лагере № 226 в городе Бранденбурге. На днях они будут отправлены к своим РОДНЫМ.

Каким же образом наши дети попали в звериные лапы немецких эсэсовцев? Как я потеряла дочь?

Таких матерей, потерявших детей, у нас немало. Это, в основном, дети военных товарищей, дети подпольщиц и партизанок. Я была три года в рядах партизан, и немцы забрали мою дочь Зину; в этот же детский дом немцы увезли сына партизана ХУРСИКА из Минска, мать Володи ХУРСИКА замучили, а мальчика забрали в детский дом. Такая же участь постигла и Эрика САВЧИКА: его отец был в партизанах, а мать арестовали за связь с партизанами и вывезли в немецкий концлагерь.

Дети из дома «ОС Гаймшулле», а также все дети, угнанные в Германию, — это дети тех, кто, не щадя жизни, боролся за свободу и независимость Советской Родины и тем самым всех поработённых народов Европы, за свободу Объединённых Наций.

Но вот кончилась невиданная в истории война, отгремели раскаты орудий, измученные люди начали залечивать раны, нанесённые войной. Настал долгожданный миг, купленный очень дорогой ценой. Погибших на войне никогда не забудут миллионы матерей. Но им не поднять своих детей, погибших на кровавой ниве, как не поднять плакучей иве своих опущенных ветвей.

Ещё более горькая участь постигла тех советских матерей, у которых, как и у меня, оккупанты украли детей, а таких матерей у нас много. Нам нигде и никогда нет покоя, ни ночью, ни днём. Могу ли я спокойно жить и трудиться, когда у меня никого из семьи не осталось, а единственная дочь, маленькая Зиночка, угнана фашистами?

Мне тяжело видеть детей, слышать их звонкий голос — они напоминают мне дочь. Каждый кусок становится поперёк горла. Я ем и думаю, может, ЗИНОЧКА голодная? Я часто вижу её во сне, оборванную и просящую подаяние.

Во тьме бессонных ночей я слышу её голос, мне кажется, что её преследуют и травят, а она простирает ко мне исхудалую ручонку и

кричит: «Мама!»

Эти муки не могут прекратиться до тех пор, пока я не найду мою дочь.

Может быть, она здесь, в Советской зоне оккупации Германии, и поэтому я обращаюсь к немецким женщинам — отдайте наших детей, их ищут и ждут матери. Отдайте мою дочь!

Здесь, в Германии, стало известно от наших советских граждан, репатриированных из английской зоны оккупации Германии и находящихся сейчас в Советском лагере № 226 в городе Бранденбурге, что в городе Гофкруг (английская зона оккупации) 8 июля 1947 года заседала комиссия по определению национальной принадлежности русских детей, в то время как хорошо известно, что дети угнаны оккупантами из Советского Союза.

Вот эти дети: ПРОКОФЬЕВ Владимир, АФАНАСЬЕВ Женья, БОРЦЕВ Виктор, ШАХАЛИ Нелли, ЧУПИНА Ольга, МУХАМЕДОВ Виктор, МОЖАРОВ Владимир и другие. Если наши дети находятся в западных зонах Германии, почему нам чинят препятствия и не помогают отыскать детей?

Я обращаюсь к женщинам Франции, Англии, Америки: почему вы не поднимаете свой материнский голос в защиту наших детей, чтобы их скорее вернули родным матерям? Вы, как матери, должны помнить советских женщин, боровшихся не только за своё, но и ваше счастье, за то, чтобы в покое и мире растить и воспитывать детей. Я надеюсь, что вам понятны мои чувства и моё горе. Все мы, матери, в муках рождали своих детей и, заглядывая в невинные глаза младенца, мечтали о счастье детей своих.

Может, кое-кто из наших ребят понравился кому-нибудь, и их вывезли за моря и океаны — тогда верните их. От имени всех многострадальных советских матерей, у которых немецкие оккупанты украли детей, я требую — ищите и возвратите нам наших ребят.

Приметы моей дочери Зины НИКОДИМОВОЙ: год рождения 1937, волосы русые, глаза голубые, при улыбке на щеке появляются ямочки, на левой стороне лба был вихор. На спине, под лопаткой, пятнышко, с крупную веснушку.

Мой адрес:

Белорусская ССР, город Минск, ул. Кирова, 57, квартира 1.

Машинопись, оригинал, на 5 листах

Раздел 3.

К истории реабилитации Минского коммунистического подполья 1941—1942 гг.¹

Мы, бывшие минские подпольщики, очень рады реабилитации Минского подполья. Это признание произошло только в сентябре 1959 года.

Главными противниками признания заслуг минских патриотов в Отечественной войне были ПОНОМАРЕНКО П.К., КОЗЛОВ В.И., МАЛИН и т. д. Наибольшее упорство, вернее упрямство, проявил В.И. КОЗЛОВ. Это он объявил монополию на славу в нашей области и в г. Минске.

О покойниках плохо не говорят. Но факты — упрямая вещь, и я буду приводить только факты. Зная о них с 1942 года, не могу молчать. Правда, пишу слишком поздно: нет прежней памяти — возраст не тот... Нет и прежней ярости, моему возрасту присуща снисходительность.

Почему же я всё-таки пишу? Во-первых, потому что следы многолетней упорной борьбы за признание Минского подполья нашли отражение в многочисленных документах: заявлениях и письмах в ЦК КПБ и ЦК КПСС, в КПК, в двух отводах В.И. КОЗЛОВУ как кандидату в депутаты Верховного Совета СССР и как кандидату в депутаты Верховного Совета БССР, а также в других документах.²

Тому, кто будет знакомиться с этими материалами, особенно когда нас, подпольщиков, уже не будет (мы глубокие старики), трудно будет поверить, что на борьбу за признание героизма минских патриотов в

годы войны ушло около 20-ти лет. Следовательно, живые свидетели могут оказаться нужными истории.

Получилось так, что мне пришлось быть не только свидетелем, но и одним из участников этой борьбы. Так, с 1941 по 1942 гг., в период деятельности первого и второго составов подпольных горкомов в Минске, я была подпольщицей. В сентябре 1942 года Минский подпольный горком послал меня и А.А. ЕЗУБЧИК своими представителями в Минский подпольный обком КПБ. Мне также пришлось участвовать в работе третьего состава горкома, возглавлявшегося ЛЕЩЕНЕЙ С.К. и МАШКОВЫМ Г.Н. А после освобождения Минска я была лектором Минского горкома КПБ с 1944 по 1950 годы, поэтому очень хорошо знаю о недружелюбном отношении к подпольщикам и после войны.

Пишу я и потому, что в некоторой степени считаю себя «виновной» в злобном непризнании заслуг минских подпольщиков. Если бы мы в 1942 г. вместе с ЕЗУБЧИК не нашли подпольный обком КПБ или если бы погибли в пути, то не было бы и нашего отчёта в обком и в ЦК КПБ о работе Минского подпольного горкома.

Что же было сказано в нашем отчёте? Мы написали отчёт в двух тетрадах и между строк. Мы написали то, что знали сами, и то, что нам поручил рассказать секретарь горкома И.К. КОВАЛЁВ.

В отчёте было написано об обстановке в городе, о том, что, несмотря на дикий террор оккупантов, наш родной Минск остался непокорённым городом. Борьбу против немецко-фашистских захватчиков возглавляли коммунисты Минска, выбравшие на общегородском собрании в ноябре 1941 года руководящий орган — горпартком (Г.П.К.). На предприятиях, в учреждениях Минский подпольный горком КПБ создал нелегальные первичные партийные организации — подпольные группы. Впоследствии были созданы и пять районных подпольных комитетов КПБ. Под руководством горкома работали и Минский сельский райком КПБ, и ряд антифашистских организаций, и групп вокруг Минска. Мы написали, что горком много сделал для организации партизанского движения вокруг Минска. Горком помогал и руководил боевой деятельностью более двадцати партизанских отрядов. Он направлял в отряды живую силу, помогал в снабжении оружием, медикаментами, шрифтами...

Лживой фашистской пропаганде подпольщики противопоставили наше правдивое слово. Наш горком издавал большое количество листовок, печатал сводки Совинформбюро, передовые «Правды», издавал газету «Звезда» — орган горкома КПБ, собирался издавать и журнал «Партизанская жизнь», а редактором его наметили профессора РАДЕЦКОГО Р.

¹ Имеется два варианта. Первый — в архиве Зинаиды Никодимовой, второй — в архиве Музея истории еврейской культуры. При сопоставлении вариантов в скобках указан текст второго варианта (прим. — К.К.)

На тетрадной обложке серого цвета 1968 г. издания написано: Павлов, Ганенко, И.П. Щербаков, Рудак, Шауро, Прохоров, Паромчик, Чернышев, Цанава, Макаров, Щербаков. В нижней части тетради справа И. Казак — противник Ковалева. (прим. — К.К.)

² Первый отвод 21/2-62 — как кандидату в депутаты Верховного совета СССР. Отвод написан в Президиум ЦКП на имя Гришина. Второй отвод в феврале 1962 г., после XXII съезда КПСС. Почти те же мотивы — на имя Аджубея как главного редактора «Известий» и зятя Хрущева, потому что Малин наше письмо клал под сукно.

Минский подпольный горком боролся в чрезвычайно трудных и сложных условиях. Трудности заключались и в том, что он не был связан с вышестоящими парторганизациями, то есть ни с обкомом, ни с ЦК КПБ. Горком искал этой связи всеми средствами. И только летом 1942 года Минский подпольный горком узнал, что на Любанщине действует подпольный обком КПБ и что он ищет связи с Минском. Эту радостную весть принёс в Дзержинский район Р. КАЦНЕЛЬСОН (до войны — заведующий ОРПО обкома) и передал её в Минск через секретаря Дзержинского РК КПБ — он же был и комиссаром отряда. КАЦНЕЛЬСОН передал, что обком ждёт представителей Минского подполья. Поэтому Минский подпольный горком и послал нас — меня и А.А. ЕЗУБЧИК — как своих представителей в Минский подпольный обком КПБ.

Об этой многогранной и беззаветной борьбе минчан против оккупантов не знали ни в обкоме, ни в ЦК КПБ.

Когда мы, после полного опасения и тревоги пути, наконец-то, на седьмые сутки пришли 11 сентября 1942 года в обком, там удивлялись, как мы смогли пройти такую дорогу и найти без связи обком. Р.Н. МАЧУЛЬСКИЙ сказал нам открыто, что обком посылал в Минск несколько групп связных, но из этого ничего не получилось. Он говорил, что посылал людей и из Плещениц, городка, близком к Минску, но связных или арестовывали в пути, или, дойдя до Минска, они не могли найти подпольщиков. «Поэтому, — сказал МАЧУЛЬСКИЙ, — мы в обкоме ничего о Минске не знали». Можно себе представить, как нас, пришедших из Минска представителей горкома, спрашивали, слушали, записывали...

Вначале нас встретили очень хорошо. Руководство обкома — В.И. КОЗЛОВ и начальник штаба партизан Минской области генерал КОНСТАНТИНОВ М.П. — выразили нам от обкома и штаба благодарность и сказали, что о нашем приходе радиовали в ЦК КПБ и что Секретарь ЦК ПОНОМАРЕНКО П.К. приветствует наш приход и от имени ЦК приносит нам благодарность. Секретари обкома несколько раз беседовали с нами, внимательно нас выслушивали. Особое внимание уделял нам В.И. КОЗЛОВ. В ответ на нашу просьбу о помощи Минску он заявил, что обком принял решение вывести горком из Минска в одну из партизанских зон, расположенных вокруг города. Он добавил: «Надо беречь кадры». КОЗЛОВ обещал Минску и радио. Но вскоре КОЗЛОВ В.И. улетел в Москву...

ЦК КПБ тоже искал пути, чтобы установить связи с Минском. Так, в Минск была послана Ольга ГАЙДУК, но она добралась только до одного из отрядов, но не до Минска. Следовательно, то, что мы написали в своём отчёте о положении в оккупированном Минске и о

деятельности Минской подпольной организации, было первой вестью и для обкома, и для ЦК КПБ.

Об этом сказал и секретарь ЦК КПБ ГОРБУНОВ Т.С. при нашей первой встрече после освобождения Минска: «До вашего отчёта мы ничего не знали о Минске. Мы не знали о таком размахе подпольной борьбы. Не знали о существовании подпольного горкома в Минске». Он добавил: «Мы обратили особое внимание на ваши подписи в докладе. ЕЗУБЧИК я не знал. Ваша же подпись, вернее, фамилия мне была известна. Я вас помнил как сестру моего однокашника по учёбе в Комвузе, Матвея ПРУСЛИНА».

Казалось бы, всё хорошо. Задача, поставленная горкомом перед своими представителями, нами выполнена. Мы ждали помощи Минскому подполью. Но события приняли совсем неожиданный и печальный для нас оборот.

Выше уже было сказано, что В.И. КОЗЛОВ улетел в Москву. Вслед за ним в Штаб области самолётом прилетел секретарь ЦК КПБ ГАНЕНКО И.П., который прибыл на совещание командного и политического состава партизан нашей области. ГАНЕНКО вызвал и нас. Участникам совещания не сказали, что пришли люди из Минска, и на нас почти не обратили внимания. Кроме Т. ДАЛИДОВИЧА — комбрига, моего студента в комвузе. Наконец-то и мы были приняты ГАНЕНКО И.П. Встретил он нас недружелюбно. Он не хотел нас слушать и сразу бросил ком грязи в лица: «Уличные женщины, — сказал он, — знают гораздо больше, чем вы».

Мы не ожидали такого отношения к себе. Пришлось в недоумении пожимать плечами и задавать себе вопросы: «Что же мы такого плохого сделали, что нам оказывают такой приём?» Но главное не в нас, говорили мы меж собою. Что же будет с задачей, которую поставил перед нами горком? Минскому подполью нужна помощь, руководство. Что же будет сейчас? Вот что нас тревожило! Откуда такая тенденциозность, неприязнь, грубость, даже ненависть...

После более чем года подпольной работы в самом Минске... После того, что мы пережили за семь дней похода в обком, такое отношение было не только неожиданным, но и мучительно тяжёлым. Мы поняли, что попали в беду. Откуда она пришла, мы не знали.

После приезда ГАНЕНКО И.П. отношение к нам резко изменилось. Мы попали в опалу. За нами стали следить. По существу, мы были арестованы. Хотя открыто нам об этом не сказали. Только впоследствии, через два года, мы смогли разгадать причину такого отношения к нам как представителям Минского подполья. Помогла та же беседа при первой встрече с ГОРБУНОВЫМ Т.С. (в 1945 году — секретарь ЦК КПБ по пропаганде).

Он рассказал, что паникой и бегством руководства из Минска в начале войны крепко заинтересовался начпура тов. ЩЕРБАКОВ. Как только наше руководство прибыло в Москву, ГОРБУНОВА Т.С. пригласил к себе тов. ЩЕРБАКОВ и прямо спросил, что это вы так быстро бежали из Белоруссии. Т.С. ГОРБУНОВ сослался на свою неосведомлённость, на незнание обстановки в Минске, так как по заданию ЦК КПБ он был на границе и еле потом нашёл и успел увезти свою семью.

Об этом разговоре узнал П.К. ПОНОМАРЕНКО. Встревоженный Пономаренко созвал свой аппарат и дал, как сказал ГОРБУНОВ, следующую установку: надо говорить и устно и в печати об организованной эвакуации Минска. Эта установка проводилась всё время.

Видимо, поэтому в октябре 1941 года в «Правде» появилась большая статья-подвал (я её прочла уже после войны). В этой статье Пономаренко занимался явным очковтирательством и обманом партии. Там говорилось об организованной эвакуации Минска и о том, что кто хотел, мог уйти на восток. Мы, подпольщики, помним историю с этой статьей. О ней много говорили в городе. Оккупанты и их холуи-нацдемы подняли по этому поводу шумиху, развернули бешеную антисоветскую пропаганду. Жители Минска с болью и гневом спрашивали нас, подпольщиков: «Разве это правда? Ведь если мы могли уйти из Минска на восток и не ушли, значит, мы хотели остаться здесь и жить под сапогом у оккупантов. Как он смел нас так оскорблять и издеваться над нами?».

Мы, подпольщики, во всём винили фашистскую пропаганду...

Всё сказанное выше помогает понять причину недовольства нашим отчётом и нашим подпольем в Минске. Если город был эвакуирован и там почти никого не осталось (а в действительности в Минске оставалось около 150 000 человек¹), то как же можно говорить после этого о массовой антифашистской борьбе, да ещё о создании подпольного горкома партии, руководящего этой борьбой. Как можно говорить о наличии не только горкома, но и райкомов, об издании подпольной газеты «Звезда», листовок и многого другого? Об организации вооружённой борьбы против оккупантов.... Причём этот подпольный горком был создан по инициативе самих минских коммунистов, и никем из вышестоящих парторганов не утверждался. Нет, с этим ни Пономаренко, ни Козлов примириться не хотели...

Это было одной из причин объявления Минского подполья и его руководства, то есть горкома, «затеей гестапо», то есть провокацией.

Это был удар по Минскому подполью. Этот первый удар ГАНЕНКО И.П. (хотя и не сказал нам открыто) обрушил на наши головы — на ЕЗУБЧИК А.А. и на меня — как на представителей Минского подпольного горкома.

Выше было уже упомянуто, что нас фактически арестовали, а позже отправили по этапу в Копыльский район. Вела нас группа под командованием работника Особого отдела БИБИКА Ивана. В Копыльском районе базировалась бригада партизан им. Ворошилова, которой командовал Ф.Ф. КАПУСТА, а комиссаром был секретарь Минского обкома КПБ тов. ВАРВАШЕНЯ И.Д., прибывший в Копыль в сентябре 1942 года.

Тов. ВАРВАШЕНЯ случайно установил связь с Минском через подпольщицу Нину ОДИНЦОВУ. От неё он узнал, что Минский подпольный горком послал своих представителей на Любанщину, в Минский обком.

Несмотря на то что И.Д. ВАРВАШЕНЕ доложили о мнении ГАНЕНКО о Минском подполье и о нас, Иван Денисович как-то сказал, что у него другие сведения и другое мнение о минских подпольщиках: «Я ближе к Минску и знаю больше». Но вскоре, в начале октября, прибыли из Минска с тяжёлой вестью Батурина М., ВЕРЕМЕЙЧИК А.Ф. и др. Они рассказали, что в Минске происходят массовые аресты подпольщиков. Что арестовано всё руководство горкома, райкомов, весь актив, явочные квартиры провалены...

Эти трагические вести ошеломили нас. Тов. ВАРВАШЕНЯ послал меня и ЕЗУБЧИК А.А. в разведку в Минск, чтобы узнать обстановку и уточнить известные ему данные.

Вошли мы в город с большими предосторожностями. Никого из наших подпольщиков в Минске не нашли. С Аней ЕЗУБЧИК мы разошлись по разным направлениям, условившись встретиться на квартире у Н. ФАЛОВИЧ, что по Немиге, 2. Меня пустила к себе ночевать только одна женщина, проживавшая в конце Малявцинской улицы. Звали её Мария ДРОЗД, жена коммуниста Фёдора ДРОЗДА, члена подпольной группы, которой я руководила. Сам Ф. ДРОЗД, когда начались аресты, бежал к руденским партизанам, с которыми давно был связан. Жена знала только, что в городе «ловят коммунистов».

Подробную информацию я получила только от случайно повстречавшейся мне на Оранском мосту активной подпольщицы Ольги ИВАНОВСКОЙ. Напротив, на углу у полицейского управления, на посту стоял полицай. Остановиться было нельзя. Она шепнула, чтобы я на расстоянии следовала за ней. В районе развалин 2-й ТЭЦ она рассказала о большом несчастье, постигшем минских подпольщиков. Она сказала, кто арестован, кто сумел уйти из Минска. А вот она и

¹ Учесть ещё большое количество окруженцев и бежавших из западных областей советских и партийных работников.

её супруг ПШЕЧЕНКО Фёдор — техсекретарь Сталинского подпольного райкома КПБ — не могут уйти, пока не спрячут в удобном месте всю документацию райкома. Она сказала решительно, чтобы мы немедленно ушли, что мы всё равно никого не найдём: «Поскольку кто уцелели — скрылись, и более подробной информации от меня вы не получите. Уходите немедленно из города. Мы и так думали, сказала Оля, что вас давно нет в живых, что вас даже из города не выпустили». Это была моя последняя встреча с Олей. В 1944 году она погибла вместе с ПШЕЧЕНКО Ф. во время блокады на озере Палик.

Вернувшись из Минска, мы обо всём доложили тов. Варвашене. После прихода из Минска отношение к нам резко изменилось к худшему. Не буду описывать всех издевательств над нами. Нам просто не доверяли, и если где-нибудь что-нибудь в отрядах случалось, во всём винили «проклятых минских шпионок». Так, в отряде им. Суворова ЕЗУБЧИК А.А. и БАТУРИНУ Марию публично не допустили к партизанской присяге. Таких примеров было немало.

Вообще, с конца 1942 года, времени арестов, минских подпольщиков, бежавших от гестаповских палачей, в партизанских отрядах нередко встречали враждебно. Об этом свидетельствуют многие факты расправ с нашими товарищами. Тогда же в декабре 1942 года в отряде имени Суворова по приказу ВАРВАШЕНИ была расстреляна комсомолка Нина ОДИНЦОВА, дочь старого коммуниста Леонтия ОДИНЦОВА, инвалида гражданской войны, участника Минского подполья 1941—1942 гг., замученного гестапо в тюрьме. В то же время секретарь Минского межрайкома ПАРОМЧИК и ГЛЕБОВ Ф.В. требовали расстрела минского подпольщика А.В. КАЛИНОВСКОГО (в подполье — секретарь сельского РК КП(б)Б). Его отстоял командир спецотряда Т. СОРОКА, хорошо знавший КАЛИНОВСКОГО как своего боевого помощника.

За связь с Минским подпольным горкомом были репрессированы многие. Вся бригада, которой командовал НИКИТИН (Н.М. НИКИТИН послан горкомом командовать отрядом), была объявлена провокационной, созданной гестапо с целью компрометации партизанского движения. Всё командование было репрессировано, а бригада распущена. Сам Николай НИКИТИН погиб в Магадане. Позже за связь с горкомом был оклеветан и репрессирован партизанский вожак В.И. НИЧИПОРОВИЧ — участник гражданской войны, член партии с 1928 года, командир 208-й дивизии, в партизанах — командир прославленного 208-го отряда им. Сталина. Важно добавить, что маршал Советского Союза ЖУКОВ Г.К. отозвал НИЧИПОРОВИЧА из тыла в действующую армию. Он уже командовал корпусом, но был отозван из армии и погиб в Бутырке.

За связь с горкомом был репрессирован старый коммунист, бывший заведомо агитации ЦК КПБ, командир партизанского соединения тов. Пыжиков. Также репрессированы АЙРАПЕТОВ В.М., РЯБЫШЕВ И.З., расстрелян командир отряда АСТАШОНОК. А после освобождения Минска был репрессирован и член первого состава горкома ГРИГОРЬЕВ К.Д., член партии с 1919 года, участник гражданской войны, и др.

Кто виноват в этих репрессиях, мы не знали — ни тогда, во время войны, ни после её окончания. Только случайно, в 1945 году, я узнала, откуда шло всё это лихо.

В 1945 Минский обком КПБ созвал семинар пропагандистов Минской области по подготовке к первой годовщине освобождения Белоруссии. Участниками семинара были в основном члены командного и политического состава партизан. Мне как лектору горкома поручили прочесть на этом семинаре доклад о деятельности Минского подполья в Великой Отечественной войне. Я пришла на кафедру с наглядными пособиями. Принесла партийные листовки, два экземпляра газеты «Звезда», разные фальшивые документы: аусвайсы (трудовые листки, пропуска), штампы, печати и др. Меня поразило внимание слушателей. Стояла сковывающая, ошеломляющая тишина...

Во время перерыва ко мне подошла большая группа слушателей. Ознакомившись с моими материалами, они скорбным голосом произнесли, что «вот вы так любовно говорили о героизме минских подпольщиков... Всё сказанное вами нас поразило. Мы были совсем иного мнения о них. К нам осенью 1942 г. пришла из обкома совсем иная установка, совсем иначе оценивавшая Минское подполье». «Что же это была за установка?» — с волнением спросила я. Они мне ответили, что в письме из обкома, за подписью БЕЛЬСКОГО, говорилось, что надо относиться с большой предосторожностью к прибывающим из Минска, особенно не доверять тем, кто был связан с так называемым «гестаповским горкомом». «Можете себе представить, — добавили они, — как мы обращались с пришедшими в отряды минчанами-подпольщиками. Мы поступали с ними сурово, по законам военного времени».

Через полтора десятка лет мне лично удалось познакомиться с материалами, или с источником письма, о котором говорили слушатели семинара в 1945 году.

В августе 1959 года я была на приёме у секретаря ЦК КПБ ГОРБУНОВА Т.С. Он готовился к докладу о Минском подполье на бюро ЦК КПБ. На столах у ГОРБУНОВА было очень много документов, с которыми он меня познакомил. Там же я познакомилась с обширной докладной в ЦК КПБ нач. контрразведки ПЕТРОВА. В ней был поды-

тожен большой материал, свидетельствовавший о героизме минских подпольщиков.

И вот тогда же я прочла два письма ПОНОМАРЕНКО в КГБ (не то на имя АБАКУМОВА, не то КАБАКОВА). Письма были полны злобной клеветы на Минское подполье. В одном из них говорилось, что он, Пономаренко П.К., «никакого подполья в Минске не оставлял, что действующая в Минске подпольная организация, называющая себя подпольным горкомом, самозваная. Она создана по заданию гестапо с целью выявления советских патриотов и их истребления». В другом аналогичном документе говорилось, что он «никого из членов горкома в Минске не знает и их в Минске не оставлял».

Эти письма ПОНОМАРЕНКО и были ЦШПД посланы в подпольный обком Минской области, а обком за подписью БЕЛЬСКОГО послал директивные письма в партизанские отряды и бригады. Вот об этом директивном письме и говорили мне слушатели парткурсов в 1945 году. Они говорили горькую правду.

Следовательно, главным противником признания Минского подполья 1941—1942 гг. был ПОНОМАРЕНКО. Его линию рьяно отстаивал КОЗЛОВ В.И. Упорство КОЗЛОВА можно объяснить тем, что эта линия укрепляла его личный авторитет. Неслучайно минские подпольщики прозвали В.И. КОЗЛОВА «культиком личности». Клевета на Минское подполье нужна была и КОЗЛОВУ, и ПОНОМАРЕНКО П.К. для того, чтобы убрать нежелательных свидетелей событий тех дней и приписать их заслуги себе.

Чего стоит такой факт. В начале лета 1942 года в ближайшие к Минску районы прибыл посланный В.И. КОЗЛОВЫМ т. АЛЬХИМОВИЧ. С Минским подпольем он не мог установить связи. Но он взял на учёт все партизанские отряды вокруг Минска, действовавшие (в большинстве) ещё с 1941 года. В организации этих отрядов помогал и направлял их деятельность Минский подпольный горком, а в ЦК КПБ было доложено, что эти отряды были организованы обкомом, т.е. КОЗЛОВЫМ, а о роли Минского горкома и не упоминалось.

Из-за боязни репрессий после событий конца 1942 года командование отрядов и бригад даже не упоминало о связях с Минским подпольем. Так и пошла гулять фальсифицированная история многих партизанских отрядов вокруг Минска.

Самым горьким в этой уму непостижимой истории с Минским подпольем было отношение к нам, подпольщикам, после изгнания оккупантов из Беларуси и после войны.

Свою неприязнь, вернее, ненависть к Минскому подполью во время войны ПОНОМАРЕНКО, в своё оправдание, мог хоть как-то мотивировать. Хотя бы тем, что он во время войны не знал о положении дел в столице и был за 700 км от линии фронта. Или тем, что его

ввели в заблуждение, передавая тенденциозную информацию о Минском подполье. Прежде всего, имеется в виду провокационное заявление ЛЕЩЕНИ С.К. о Минском подпольном горкоме в сентябре 1942 года, то есть тогда, когда мы были в обкоме. Пономаренко мог использовать в своё оправдание клевету на Минский подпольный горком КОТИКА или гнусную клевету САЙЧИКА В.И. на КОВАЛЁВА, а также тенденциозную информацию некоторых других подпольщиков, перешедших на Большую землю в конце 1942 года...

Но как он мог так относиться к нам после освобождения Минска, когда была полная возможность узнать от оставшихся в живых подпольщиков правду о Минске во время оккупации. Нас же не раз приглашали в органы безопасности, чтобы информировать о событиях в Минске или навести справки о поведении тех или иных товарищей. Причём мнение КГБ и контрразведки о Минском подпольном горкоме было положительным. Я помню слова, не раз сказанные работником следственного отдела тов. САМОХВАЛОВЫМ (несколько лет я была преподавателем истории СССР в вечернем университете марксизма-ленинизма в КГБ — САМОХВАЛОВ был слушателем университета). Он говорил мне об арестах 1942 года, что только осенью этого года было арестовано более 400 чел. Что минские подпольщики в большинстве вели себя с достоинством советских патриотов, что нет никаких оснований шельмовать КОВАЛЁВА, что даже КОТИК до ареста работал хорошо. Он добавил, что надо гордиться своей причастностью к Минскому подполью. Приблизительно то же самое мне говорили и в контрразведке...

Кроме того, парторганы — горком и обком — вернули большому количеству минских подпольщиков партийные билеты как участникам борьбы против немецко-фашистских захватчиков. По-моему, новые партбилеты были выданы более ста коммунистам.

Борьба за реабилитацию минского подполья

После освобождения Минска гонения и клевета на Минских подпольщиков не только не прекратились, но, наоборот, усилились. Отношение к подполью было таким, что люди боялись называть себя бывшими подпольщиками. Нас третировали... Называли гестаповцами. Когда мы обращались в обком, в горком... чтобы решить вопрос о признании заслуг минских подпольщиков, нам бросали в лицо такие абсурдные слова: «Кто вас утвердил? Кто вам разрешил заниматься подпольной работой?».

Такие словечки отпускал в наш адрес ЛЕЩЕНЯ — секретарь третьего, «лесного», состава горкома. Поскольку ЛЕЩЕНЯ был утвержденным секретарём Минского горкома, то все дела о подполье передали ему на усмотрение. Его самоуверенность и зазнайство были чрезмерны. Он позволял себе говорить мне в лицо такие подлые слова: «Письмо, которое вы принесли в обком, безусловно, было согласовано с гестапо». С КОЗЛОВЫМ В.И. — первым секретарём Минского обкома и после войны — я встречалась систематически. Он был слушателем Высшей партийной школы, а мне пришлось учить его истории СССР. На каждом занятии я поднимала вопрос о признании Минского подполья, а он мне, как по шпаргалке, отвечал: «Никакого подполья в Минске не было. Всё, что вы называете коммунистическим подпольем, было затеей гестапо, чтобы лучше выявить советских патриотов и уничтожить их». И дальше он предлагал мне запомнить, что «вся организованная борьба против оккупантов шла от меня. Я руководил всем подпольем и партизанским движением в Минской области».

Мы уже знаем, что такую же ненависть к Минскому подполью питали и ПОНОМАРЕНКО, МАЛИНА и другие.

В 1945 году, в первую годовщину освобождения Минска от немецко-фашистских захватчиков, была создана комиссия, чтобы отметить эту знаменательную дату. В комиссию вошли В.И. КОЗЛОВ, Р.Н. МАЧУЛЬСКИЙ, И. БЕЛЬСКИЙ и ПАРОМЧИК (председатель Мингорисполкома). Комиссия подготовила проект решения Бюро ЦК КПБ. В этом проекте говорилось, что с первых дней войны минчане героически боролись против оккупантов, но руководил этой борьбой не первый и второй составы горкома 1941—1942 гг., а «Лесной», или третий, состав горкома 1943 года (какая нелепость: горком, созданный в конце 1943, руководил борьбой с 1941 года). Но даже и эта грубо сфальсифицированная история Минского подполья привела Пономаренко в такое бешенство, что на бюро ЦК он так смешал с грязью докладчика по этому вопросу — секретаря Мингоркома тов. БЕЛЬСКОГО, что тот тяжело заболел. Пономаренко провалил и предложение комиссии о том, чтобы Минску за заслуги перед Родиной в годы Великой Отечественной войны присвоить звание города-героя.

Мы, бывшие участники Минского подполья, начали борьбу за его признание сразу же после освобождения города. И только в июне 1945 года после настоятельных требований нам разрешил собраться вместе первый секретарь Минского горкома КПБ Иосиф БЕЛЬСКИЙ. По его поручению совещанием подпольщиков руководил секретарь горкома по пропаганде А.Д. МОЛОЧКО. На совещании присутствовало 35 человек. Товарищи, выступавшие на совещании, рассказывали,

как они боролись против оккупантов, и что необходимо оценить эту работу. Совещание приняло решение избрать комиссию, которая соберет отчёты подпольщиков, составит из отчётов доклад для представления в горком КПБ. Участники совещания избрали комиссию в составе: Ф. КУЗНЕЦОВА, И.Д. БУДАЕВА, А.В. КАЛИНОВСКОГО, М. БАТУРИНОЙ, А.А. ЕЗУБЧИК, Я. САВИЦКОЙ, Г. СМОЛЕРА и Х.М. ПРУСЛИНОЙ. Председателем комиссии выделили меня. Мы собрали много материалов. Каждый из нас писал отчёты в горком КПБ. Из этих отчётов члены комиссии составили общий доклад. В каждом отчёте участника подполья был список подпольщиков, с которыми отчитывающийся работал. На основании этих списков был составлен и общий список.

Документы хранились у меня. Мы не успели закончить работу — как вдруг этот материал затребовал В.И. КОЗЛОВ... Мы эти документы больше не увидели и нас больше не собирали...

Совсем недавно, весной 1968 года, А.Д. МОЛОЧКО признался мне, что он получил приказ, как он выразился, «сверху — прекратить возню с Минским подпольем».

Не получив поддержки ни в обкоме, ни тем более в горкоме КПБ, мы, подпольщики, решили обратиться в ЦК КПБ, а потом и в ЦК ВКП(б). Первое письмо в 1949 году было послано на имя И.В. СТАЛИНА. В ответе на это письмо говорилось, что ЦК КПБ предложено изучить этот вопрос и принять нужное решение. ЦК КПБ создал комиссию под председательством секретаря ЦК тов. Зимянина М. В комиссию вошли: В.И. КОЗЛОВ, Чернышев, К.Т. МАЗУРОВ, Л.П. ЦАНАВА, ПРОХОРОВ, МАКАРОВ и МАЛИН. Комиссии предложено подготовить материал для оформления и признания факта существования организации минских подпольщиков. Но комиссия явно бездействовала.

В 1954 году по настоянию подпольщиков музей Великой Отечественной войны собрал нас на совещание, которое продолжалось в течение нескольких вечеров. Выступавшие товарищи рассказывали о своей подпольной работе, а те, кто не успел выступить, опять писали отчёты. Все мы были недовольны тем, что от Минского горкома никого не было на совещании. Отсюда мы сделали вывод, что в отношении реабилитации Минского подполья сдвигов не предвидится...

Но всё же совещание в музее в 1954 г. заставило наших противников принять кое-какие меры, чтобы отмахнуться от нас. Так, Минский горком КПБ поручил С.К. ЛЕЩЕНЕ составить список подпольщиков. Этот список был утвержден горкомом. После этого каждому из нас выдали бумажка, что такой-то (имярек) являлся участником Минского коммунистического подполья. Что касается подполь-

ного горкома, то всё оставалось по-прежнему: горком не признавали. С таким положением дел примириться было нельзя, и мы опять обращались в горком, а уполномоченный горкомом ЛЕЩЕНЯ нам по-прежнему отвечал, что «никаких подпольных горкомов в Минске во время войны не было», «то, что было в Минске, это затея гестапо».

Мы с этим не примирились и опять, уже в 1956 году, обратились с письмом в ЦК КПСС. В ответ на наше письмо ЦК КПСС поручил ЦК КПБ разобраться с этим вопросом. ЦК КПБ опять создал комиссию под председательством В.И. КОЗЛОВА, а он, этот главный противник Минского подполья, неизменно клал наши письма в долгий ящик и упорно повторял, что их не только разбирать, но и читать не будет, ибо никакого подполья в Минске не было, поскольку он его не утверждал. Это была затея гестапо.

Не без влияния Козлова писатель Кондрат Крапива сочинил пьесу «Люди и дьяволы». Ознакомившись с пьесой, мы были возмущены клеветой автора на Минское подполье. Там было сказано, что Минский горком создан по заданию НАГЕЛЯ, то есть начальника гестапо. Секретарь подпольного горкома выведен как провокатор, а советские патриоты-подпольщики выглядели оглуплёнными, людьми, которым заморочили головы. Мы заявили резкий протест в ЦК. По указанию тов. Горбунова состоялось открытое обсуждение пьесы на объединённом собрании писателей и подпольщиков. Резкая критика заставила автора отступить. Пьеса была переработана, шла в театре недолго и вскоре была снята с репертуара. Интересно, что за эту порочную пьесу К. КРАПИВА получил 100-тысячную премию...

Подпольщики не сдавались. В 1958 году подпольщик БУДАЕВ написал письмо в Президиум ЦК КПСС, направленное, главным образом, против Пономаренко и Козлова как главных противников реабилитации Минского подполья. Президиум ЦК КПСС категорически предложил Президиуму ЦК КПБ наконец-то разобраться с вопросом и взял письмо на контроль. Президиум ЦК КПБ опять создал авторитетную комиссию. В неё вошли: В.И. КОЗЛОВ, Т. КИСЕЛЁВ, ШАУРО, Т.С. ГОРБУНОВ, МАКАРОВ, РУДАК и др. Но председателем снова назначили того же КОЗЛОВА. Комиссия созвала совещание подпольщиков. Совещание продолжалось несколько дней. Все наши выступления были застенографированы. Но и эта авторитетная комиссия ничего не сделала, так как ее председателем был всё тот же КОЗЛОВ. Он закрыл в сейфе тома стенограмм наших выступлений и слушать ничего не хотел о решении столь наболевшего для нас вопроса.

А мы и не думали складывать оружие и опять обратились в ЦК. По настоянию тов. МАЗУРОВА К.Т., тогда первого секретаря ЦК КПБ, Президиум ЦК КПБ освободил КОЗЛОВА от председательства

в комиссии по Минскому подполью и поручил руководство тов. ГОРБУНОВУ. По заданию ЦК наш Истпарт подготовил для комиссии огромный материал, был составлен доклад.

7 сентября 1959 года состоялось историческое для нас, подпольщиков, заседание Президиума ЦК КПБ. Руководил заседанием т. МАЗУРОВ, докладывал Т.С. ГОРБУНОВ. И на этом заседании КОЗЛОВ упорно сопротивлялся. Но все члены ЦК КПБ, за исключением КОЗЛОВА, выступили за реабилитацию Минского подполья. Припёртый к стенке неопровержимыми фактами, КОЗЛОВ вынужден был голосовать за признание Минского подполья, а назавтра повёл ещё более ожесточённую атаку против решения, за которое сам голосовал.

Заручившись через МАЛИНА поддержкой Президиума ЦК КПБ, КОЗЛОВ всё-таки добился отзыва решения Президиума ЦК КПБ о реабилитации Минского подполья. Узнав об этом, мы опять обратились в Москву.¹ Зная, что МАЛИН, заведующий спецсектором ЦК КПСС, наше заявление в Президиум ЦК не пропустит, на этот раз мы обратились с письмом в ЦК на имя Н.М. ШВЕРНИКА. Письмо было написано от имени минских женщин-подпольщиц, под ним стояло 37 подписей. Это было в конце 1959 года.

Наконец Президиум ЦК КПБ всё же принял вторично решение о признании и реабилитации Минского подполья 1941—1942 гг. Это решение нашло отражение в докладе тов. МАЗУРОВА на XXIV съезде КПБ в феврале 1960 года. Он сказал, что подполье в Минске действовало как «партийное подполье с первых до последних дней вражеской оккупации города». Это было глубоко народное, массовое патристическое движение, направленное против гитлеровских захватчиков.

Инициаторами создания и организаторами подполья явились коммунисты, находившиеся на оккупированной врагом территории. Деятельность подпольщиков возглавлял общегородской центр — Минский подпольный горком партии, который в 1941—1942 гг. работал нелегально в самом городе, а с осени 1943 г. — уже в новом составе в партизанских краях. «В течение трех лет кровавой немецко-фашистской оккупации столица Белоруссии — город Минск — был борющимся и непокорённым городом».

Выступление тов. МАЗУРОВА на XXIV съезде КПБ было публичным признанием заслуг минских подпольщиков перед советской Родиной.

Вскоре, в 1960 году, была опубликована справка «О партийном подполье в Минске в годы Великой Отечественной войны», составленная Истпартком при ЦК КПБ и Институтом истории АН БССР.

¹ Горбунов сказал мне лично, что решение ЦК о подполье отозвано, и что если мы будем молчать, негодяи победят, а ваши товарищи будут преданы забвению.

Наконец-то правда о Минском подполье победила. Нам нельзя было не радоваться этой победе.

В упорной борьбе за реабилитацию Минского подполья мы выдержали немало битв, понесли немало жертв, нам причинили много горя... Но мы добились победы правды над клеветой.

Мы, оставшиеся в живых подпольщики, боролись не за себя. Великим счастьем для нас было видеть поверженного врага. Этого счастья жаждали все советские патриоты, но не все дожили до этого дня... Не дождалось этого счастливого дня и большинство минских подпольщиков.

Ведя борьбу за правду о героях Минского подполья, мы тем самым боролись за то, чтобы слава о погибших героях Минского подполья жила в веках и вдохновляла детей и внуков наших на новые подвиги.

Необходимо добавить, что могильщики Минского подполья нанесли большой ущерб и родному Минску. Они виноваты в том, что Минск не получил звания города-героя. По-нашему, он вполне заслуживал такого звания. В 1949 году была такая реальная возможность. Но против резко выступил Козлов.

В заключение хочется выразить благодарность тем, кто помог в реабилитации Минского подполья. В этом, прежде всего, заслуга ЦК КПБ, в конце концов сумевшего разобраться с этим вопросом и принять правильное решение. В этом большая заслуга тов. К.Т. Мазурова, тогда первого секретаря ЦК КПБ, кандидата в члены Президиума ЦК КПСС.

В решении о реабилитации Минском подполье велика заслуга Института истории партии при ЦК КПБ и Института истории АН БССР. При решении вопроса о Минском подполье проявил настойчивость и много труда приложил секретарь ЦК КПБ по пропаганде тов. ГОРБУНОВ ввиду того, что он работал в третьем («лесном») составе подпольного горкома (причём с самого начала — с конца октября 1943 по начало июля 1944 гг.).

Не могу не остановиться на некоторых особенностях деятельности третьего состава горкома, поскольку сама работала литработником в редколлегии газеты «Минский большевик» с октября 1943 по июль 1944 гг., до самого освобождения Минска советской армией. Главным образом, мне хочется остановиться на непартийном отношении первого секретаря С.К. ЛЕЩЕНИ к Минскому подполью 1941—1942 гг. Выше упоминалось, что первым, кто оклеветал Минское подполье, был С.К. ЛЕЩЕНЯ, который впоследствии к концу 1943 года стал секретарём третьего состава Минского подпольного ГК КПБ. Работу этого состава горкома я знала, так как участвовала в издании органа подпольной печати этого горкома.

После арестов в конце 1942 года, несмотря на зверства оккупантов, подпольная работа в Минске продолжалась. Гестаповские палачи физически уничтожили руководство подпольного горкома, райкомов, но они не смогли ликвидировать подполье. Идея борьбы против оккупантов продолжала жить в массах минчан. На смену погибшим товарищам пришли новые борцы. Правда, теперь изменилась форма руководства. Единого партийного руководства в самом Минске не стало. Но оставшиеся в живых подпольщики связывались с отрядами, райкомами партии и комсомола и т. д., и фашистам и их прихвостням не было в Минске покоя.

В конце 1943 года, 24 октября, Минский подпольный обком КПБ по указанию ЦК КПБ создал подпольный горком для Минска. В Пуховический район были присланы три товарища: ЛЕЩЕНЯ С.К., первым секретарём горкома; вторым секретарём был Г.К. МАШКОВ, а А.Д. САКЕВИЧ — редактором газеты «Минский большевик». Этот третий состав горкома базировался в районе действия спецотряда ГРАДОВА (ВАУПШАСОВА), в основном в Пуховическом и Гресском районах. ГРАДОВ и его комиссар РОДИН были кооптированы в состав горкома.

Новый (лесной) Минский подпольный горком получил от Ваупшасова и Минского сельского РК КПБ в своё распоряжение ряд товарищей, знавших Минск и имевших тот или иной опыт подпольной работы. Через них горком установил связь с Минском. Через этих же товарищей организовывались подпольные группы, получавшие конкретные задания по нелегальной работе в городе. Через этих же связанных распространялась в Минске нелегальная литература — газета «Минский большевик» и листовки. Было издано 20 номеров газеты по 200—250 экземпляров и значительное количество листовок.

Третий состав горкома действовал в иных условиях, чем первый и второй составы. Партизанская зона — это не оккупированный Минск... Но и для третьего состава создались трудности. Во-первых, секретари горкома никогда не были в Минске и не знали город. Не были они в Минске и во время войны (минчанином был только А.Д. САКЕВИЧ). Во-вторых, к концу 1943 года изменились условия партийной работы в городе.

Все подпольные районные комитеты КПБ значительной части Минской области, а также РК комсомола давно уже установили связь с Минском и работали на Минск. Через своих агентов и связанных они устанавливали контакты с нелегальными группами и создавали новые группы. Через эти подпольные группы в Минске совершались многочисленные диверсии, распространялась нелегальная литература, собирались разведывательные данные и т. д. Партизаны получа-

ли из города медикаменты, оружие и многое другое. Из Минска по каналам связи непрерывно шло пополнение рядов партизан.

Подпольными райкомами руководил Минский подпольный областной комитет КПБ. Естественно, что сельские райкомы не подчинялись Минскому горкому. Таким образом, вся нелегальная работа, проводившаяся райкомами партии, комсомола, отрядами и бригадами, спецотрядами и т. д. в Минске, шла без связи с третьим составом горкома. Они работали сами по себе, а горком действовал сам по себе, и с горкомом они не считались. Эта линия разграничения нашла выражение в указании подпольного обкома КПБ в конце декабря 1943 года. Я имею в виду новогоднее письмо из обкома Минскому подпольному горкому третьего состава. Это письмо было ответом на заявление секретаря Минского сельского подпольного РК КПБ тов. АЛЬХИМОВИЧА в обком о том, что Минский горком незаконно пытается вмешиваться в дела райкомов и партизанских отрядов. В ответном письме из обкома в горком за подписью тов. БЕЛЬСКОГО было строго указано, что Минский горком не имеет права вмешиваться в дела партизанских отрядов и райкомов КПБ. Можно понять, как недружелюбно было встречено это письмо в горкоме. Его называли иронически «новогодним посланием».

Для горкома возникли трудности и с изданием нелегальной литературы. Третий состав горкома не имел своей типографии. Приходилось обращаться в типографию Минского сельского РК КПБ, а его секретарь АЛЬХИМОВИЧ неохотно шёл навстречу горкому. Поэтому газета «Минский большевик» печаталась на месте, в редакции газеты «Шлях сацыялізму» (орган Минского райкома КПБ), а листовки в большинстве своём приходилось печатать в другом месте, в другой редакции. И мне как работнику редакции газеты «Минский большевик» пришлось ходить в редакцию газеты Гресского райкома «Сталинец» (до работы в Минском подпольном горкоме третьего состава я была редактором газеты «Сталинец»). За это я отдавала 25% листовок гресским партизанам. Эти листовки попадали в Слуцк, Гресск и другие места немного раньше, чем в Минск.

Таким образом, третьему составу горкома не удалось возглавить всё Минское подполье, как это было во времена деятельности первого и второго состава горкома.

Руководство третьего состава горкома понимало своё положение и особенно остро почувствовало это накануне освобождения Минска. Вот пример. Весной 1944 года руководство горкома, собираясь прибыть в освобождённый Минск, думало о подборе и расстановке кадров. Мне поручили их учёт. Я обошла все отряды нашей зоны, вызывала людей, особенно минчан, составляла списки коммунистов,

комсомольцев, специалистов с характеристикой на каждого из них... В разгар этой работы ЛЕЩЕНЯ вдруг заявляет мне, что весь этот мой труд напрасен: «Никому эта ваша работа не нужна». На мой недоумённый вопрос: почему он так пессимистически настроен, — ЛЕЩЕНЯ ответил, что события последних дней развиваются в неблагоприятном для нас направлении: «Мне кажется, — сказал он, — события развиваются так, что не быть мне руководителем Минской партийной организации после освобождения города. Подтверждением этому служат такие факты. Недавно в Ново-Белице ЦК КПБ созвал совещание представителей всех подпольных парторганизаций республики, но на это важнейшее совещание ЦК не пригласил нас — руководителей Минского подпольного горкома, столицы Белорусской ССР». Этот факт игнорирования руководства третьего состава горкома говорил сам за себя. Говорил о том, что ЦК КПБ с ним не считался. Поэтому резонным было заявление ЛЕЩЕНИ: «Раз нас не пригласили в Ново-Белицу, то тем самым нас, по существу, отстранили от работы. Мы уверены, что, когда прибудем в освобождённый Минск, городскую партийную организацию будет возглавлять другой человек».

Предположение т. ЛЕЩЕНИ полностью оправдалось. Когда 4 июля 1944 года мы прибыли в освобождённый Минск, уже работал легальный горком КПБ во главе с Ф.В. ГЛЕБОВЫМ.

Не кажутся ли после всего этого невероятными чрезмерные претензии С.К. ЛЕЩЕНИ считать себя руководителем всего Минского подполья с 1941 по 1944 гг. Эти чрезмерные претензии С.К. ЛЕЩЕНЯ мотивирует тем, что он был, видите ли, утверждён обкомом как секретарь Минского подпольного горкома. Поэтому не случайно ЛЕЩЕНЯ всё время был самым злостным противником реабилитации Минского подполья 1941—1942 гг., злейшим врагом тех из нас, кто боролся за признание этого подполья, самым активным помощником могильщиков этого подполья. При сложившихся после освобождения Минска обстоятельствах, в коих он был повинен, С.К. ЛЕЩЕНЯ хотел присвоить себе заслуги первого и второго составов горкома. Так как большинство руководителей и участников Минского подполья погибли на боевом посту, то мы считаем такое поведение и такую линию ЛЕЩЕНИ политическим мародёрством. Выше уже упоминалось, что Лещеня первым ещё в сентябре 1942 года, когда мы вдвоём (ЕЗУБЧИК и я) были в обкоме, оклеветал Минское подполье перед ЦК КПБ в своём доносе на горком на имя П.К. ПОНОМАРЕНКО.

К сожалению, я узнала об этом совсем недавно, 5 марта 1969 года, из личной беседы с ЛЕЩЕНЕЙ. ЛЕЩЕНЯ сказал мне буквально следующее: «Военный совет в Минске был провокационным, как и сам КОВАЛЁВ был провокатором. Письмо, которое вы принесли в

обком, безусловно, было согласовано с гестапо, так как в этом письме говорилось, что Военный совет ставит своей задачей сконцентрировать отряды и бригады в одном месте — в определённой зоне Слуцкого района, чтобы враг выявил и уничтожил всех партизан». И далее: «Что касается вас, то вы были посланы в обком не горкомом, а Военным советом и КОВАЛЁВЫМ. Обо всём этом, — добавил ЛЕЩЕНЯ, — я доложил в ЦК КПБ на имя ПОНОМАРЕНКО ещё в сентябре 1942 года».

Как видим, яснее не скажешь. Это донос и явная провокация. Вот факты.

Когда мы 11 сентября 1942 года пришли из Минска в обком, мы принесли три документа:

1) письмо Р. КАЦНЕЛЬСОНА (до войны — заведующий ОРПО) на имя В.И. КОЗЛОВА;

2) письмо И. БЕЛЬСКОГО с указанием пароля и ряда географических точек, где приблизительно могли базироваться партизаны;

3) письмо секретаря Минского подпольного горкома И.К. КОВАЛЁВА на имя секретаря обкома БАСТУНА. (В Минском подпольном горкоме почему-то считали, что тов. БАСТУН находится в обкоме.)

Все три письма были защиты у меня, поэтому я их помню. Прошло 27 с половиной лет, но я всё же, хоть и приблизительно, помню содержание письма, написанного Ковалёвым. Помню, что в части письма говорилось, что военная организация горкома (имелся в виду военный отдел) считает необходимым объединить мелкие партизанские группы в отряды с целью усиления их боеспособности. Хорошо помню и мнение ряда руководителей Минского подполья о мелких партизанских группах в 9—15 человек. Их называли нелестным словом «овечники».

Необходимость укрупнения отрядов и выразил КОВАЛЁВ в своём письме в обком на имя тов. БАСТУНА. Когда во время беседы с нами, то есть с ЕЗУБЧИК и со мною, Ковалёв прочитал нам это письмо, мы его так и поняли. ЛЕЩЕНЯ же в своём доносе в ЦК всё извратил и оклеветал Минский горком. Во-первых, в сентябре 1942 года никаких Военных советов в Минском подполье не было. «Военный совет» партизанского движения, который действовал с сентября 1941 по март 1942 гг., — прекратил своё существование в том же марте 1942 года. Все его руководители были арестованы, как и целый ряд руководящих товарищей первого состава горкома — СЛАВКА, ЗАЯЦ, СЕМЁНОВ и др. Поэтому И.К. КОВАЛЁВ ни о каком Военном совете писать не мог, так как нас посылали в обком через полгода после ареста его участников, то есть в сентябре. Это во-первых.

Во-вторых, ни о какой концентрации партизан в районе Случчины в письме КОВАЛЁВА не говорилось.

В-третьих, ложным является и утверждение ЛЕЩЕНИ о том, что нас в обком посылали Военный совет и КОВАЛЁВ. Миф о посылке нас ВСПД выше уже опровергнут. В обком же нас послали Минский подпольный горком и КОВАЛЁВ как его секретарь. Вот факты. При встрече с КОВАЛЁВЫМ он сказал мне, что подпольный горком намеряет послать меня в далёкую ответственную командировку и что я должна подобрать попутчика, лучше всего женщину. Я тут же назвала фамилию старой коммунистки-подпольщицы А.А. ЕЗУБЧИК. Ковалёв сказал, что по этому вопросу должно состояться решение горкома: «Ждите решения, после чего я дам вам ответ».

Через несколько дней, при следующей встрече, КОВАЛЁВ сказал, что решение состоялось и что горком посылает меня и А.А. ЕЗУБЧИК как своих представителей в Минский подпольный обком на Любанщину. После этого мы встречались с Ковалёвым ещё несколько раз. Первая наша совместная встреча состоялась на квартире ГЕРАСИМЕНКО, по Немиге, 25/1, где я познакомила Ковалёва с Анной Андреевной ЕЗУБЧИК. Он нас проинформировал о том, как удалось узнать место пребывания обкома. Как работник обкома, КАЦНЕЛЬСОН передал в Минск указание обкома о присылке представителей Минского подпольного горкома. КОВАЛЁВ нас проинструктировал о том, что мы обязаны доложить обкому, как отчитаться за Минское подполье. Тогда же он вручил мне письмо в обком, предварительно ознакомив нас с его содержанием.

При следующей встрече на квартире у ЕЗУБЧИК по ул. Мясникова, 18, он нас опять инструктировал, и мы вместе выработали маршрут в обком по карте БССР. Помню и ещё одну встречу. Она произошла 5 сентября в 11 утра на квартире у А.А. ЕЗУБЧИК перед нашим уходом из Минска. КОВАЛЁВ снабдил нас чистыми бланками пассивных пропусков (то есть пропусков) на Любанщину, которые мы тут же при нём и в присутствии А.Ф. ВЕРЕМЕЙЧИК сами заполнили на немецком языке. Здесь же мы познакомили А.Ф. ВЕРЕМЕЙЧИК с КОВАЛЁВЫМ. Он принес нам по 35 марок на дорогу, по кирпичику хлеба и кое-что из товаров для маскировки, будто мы шли менять всё это на харчи.

Кроме КОВАЛЁВА нас инструктировал и направлял в поход и член горкома, заведующий отделом пропаганды В. НИКИФОРОВ. Эта встреча состоялась вечером 4 сентября 1942 года на квартире у ГЕРАСИМЕНКО. В. НИКИФОРОВ рассказал нам многое и напутствовал в дорогу добрыми словами, пожелав скорого возвращения. Он передал для обкома нашу нелегальную печать — несколько экземпляров газеты «Звезда» и листовки. Беседа состоялась в присутствии секретаря Сталинского райкома Н. ГЕРАСИМЕНКО, его супруги

Татьяны и Анастасии Фоминичны ВЕРЕМЕЙЧИК, старой коммунистки, опытной подпольщицы, которую я познакомила и с Герасименко, и с Никифоровым, а на другой день — и с Ковалёвым.

Понятно, что клеветническое заявление ЛЕЩЕНИ в ЦК КПБ не могло не вызвать предубеждённое отношение к Минскому подполью и к нам, его представителям. Это причинило нам немало бед, усилило травлю подпольщиков и, безусловно, было на руку тем, кто ненавидел Минское подполье. Эту клевету ЛЕЩЕНЯ продолжает и сейчас, несмотря на полную реабилитацию Минского подполья ЦК КПБ, несмотря на то что решение ЦК нашло отражение в многочисленных документах, книгах, статьях, журналах и газетах. Несмотря на то что заслуги Минских подпольщиков высоко оценены Партией и Правительством. Ряду товарищей посмертно присвоено высокое звание Героев Советского Союза, ещё большее количество подпольщиков награждены орденами и медалями.

До каких же пор будет дозволено С.К. ЛЕЩЕНЕ безнаказанно клеветать на героев Минского подполья?

Из всего изложенного выше напрашивается вывод о том, к каким печальным последствиям приводит дикий произвол и грубое нарушение принципов внутрипартийной демократии. Поэтому нам, оставшимся в живых минским подпольщикам, и пришлось вести многолетнюю упорную борьбу за партийную оценку заслуг родного Минска в Великой Отечественной войне...

Оригинал, курсив, чернила.

** Набор рукописи осуществлен
Натальей Юркевич и Катериной Яскевич*

О деятельности подпольной группы, возглавляемой партийной организацией города Минска во время оккупации немцами в 1942 году

Надежда Цветкова¹

В феврале 1942 года в мою квартиру по ул. Беломорской, 19, кв. 2, пришли бывший секретарь Заславльского райкома партии И.К. Ковалёв (кличка «Иван Гаврилович»), бывший управляющий Минпромторга Д.А. Короткевич (кличка «Дима») и бывший управляющий

скупочными пунктами г. Минска Большов Лазарь Григорьевич. Последний лично знал больше шести лет мужа и меня. Также Короткевич знал Цветкова до войны. Муж работал на пивоваренном заводе «Беларусь» в той же должности, что и до войны — главным бухгалтером завода. Завязалась работа — передача на завод листовок, подпольной газеты «Звезда», номера 1, 2, 3 и 4.

На заводе была организована группа, которая должна была сохранять предприятие, наблюдать за русскими, которые прихвостничали перед немцами, выступить при нужном моменте на защиту города. Группа состояла из партийных и непартийных людей: Цветков, Семевич, Доросевич, Будай, Закуленко и другие. За февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь 1942 года группа имела все номера газеты «Звезда», массу листовок с иллюстрациями и без них, в которых отражалась борьба против оккупантов. Все установки, распоряжения горкома партии завод «Беларусь» получал через Цветкова П.М., от Ковалёва и Короткевича — материалы газеты, листовки — от Н. Шугаева (кличка «Николай»). С завода через мужа снабжались хлебом члены горкома, четыре человека: Ковалёв, Короткевич, Никифоров, Шугаев.

Все 8 месяцев почти ежедневно моя квартира служила явкой для встреч Ковалёва с Короткевичем и Шугаевым, изредка — с Никифоровым (кличка «Ватик»). Короткевич и Шугаев проживали в моём районе, но дома они только спали, работы не производили. Ковалёв не жил нигде, ночевал каждый раз в новом месте, а поэтому в моём доме ежедневно эти три работника встречались для переговоров, в то же время получая горячую пищу, хлеб и одежду. Для маскировки, находясь в одном районе, одевались в костюм, кепи, и, если шли в этот же район, ежедневно надевали плащ, очки, шляпу.

В квартире я заимела электросвет, назрел вопрос о радиоприёмнике. Я принесла с Шугаевым в свою квартиру радиоприёмник, опробовали — оказался негодным. Шугаев привёл мастера (Васю с электростанции), но починить приёмник не удалось. Принесла второй приёмник, также опробовала, но и он был неисправный.

Выполняла разные поручения Короткевича, как-то: расфасовывала мышьяк и опробовала на кошках, удалось достать стрихнину, стирала белье, кормила обедами, давала одежду, обувь, сопровождала из одного района в другой, проверяла, где идёт проверка документов полицией, и т. п. Все члены горкома не работали на предприятиях, все они имели по несколько паспортов, жили за счёт явочных квартир. Ковалёв, Никифоров спали ежедневно на новом месте, жили урывками, большей частью очень плохо в материальном плане. Работали с 5 часов утра до 7 часов вечера. Самые продуктивные часы явок,

¹ 1943 год — тюрьма, 1944 год — ссылка, 1945 год — возвращение на родину

совещаний приходились на утро — с 5 до 9 часов, до начала работы предприятий, а когда нужно было, выходили ночью (приказ был ходить до 7 часов).

В последнее время в моей квартире сделали архив временных бумаг. Хранили приказы Москвы, распоряжения нач. центра (сейчас кличка «старик»), горкома партии (Невский), личные документы, партбилет, паспорт Короткевича Д.А., различные справки, какие-то пачки удостоверений, пропуска на немецком языке, распоряжения по партизанским отрядам за подписью нач. центра и горкома. Особенно хранила я приказ № 55 от 23 февраля 1942 года из Москвы, где описывались бои за Тихвин Ленинградской области. Это первый приказ Москвы, который читали на заводе «Беларусь».

Всех членов этой группы завода я не знала, не знаю также, что ещё ими было там проделано, так как Цветков, Короткевич, Шугаев, Закупенко совещались, а я постоянно была на вахте, наблюдала, чтобы не вошли посторонние люди. Отсюда я многое не знаю, на мой вопрос: «О чем совещались?» — отвечали: «Много будешь знать — скоро состаришься».

При явках Ковалёв и Короткевич постоянно говорили, что сейчас проводится большая подготовительная работа, сколачиваются группы на предприятиях и заводах, разыскиваются свои люди, кто может это всё производить, средства, чем творить. Кроме этого, говорили, «имеем установку из центра, согласно которой и проводится целеустремленная работа. Когда будем иметь людей и средства, тогда будем выступать ярче, во весь голос наших сил, а сейчас маскируемся. Сейчас мы тоже творим, но это мелочь, скоро мы перейдем к крупным и массовым диверсиям».

Шугаев принес 35 экз. газеты «Звезда», из них 10 отнес на завод, а мне передал 25, чтобы я распространила где хочу и кому хочу. Это была газета № 2, после чего горком партии уже не боялся заявлять о том, что он существует в городе. После выхода в свет газеты «Звезда» начались единичные аресты, особенно после начала её массового распространения. В эти дни была арестована москвичка Ольга Куприянова, работавшая с самых первых дней войны в районе железной дороги. Сидела в Минской тюрьме в камере № 88, где четыре месяца боролась с голодной смертью, боясь послать кого-нибудь ко мне за помощью. В августе 1942 года её убили. На допросы вызывали много раз, и, приходя в камеру, она говорила, что ничего им не сказала.

В это же время Кузнецов уже был на воле (рассказ старосты камеры № 88 Веры Александрович, просидевшей 11 месяцев в тюрьме и выпущенной на волю в 1943 году; сейчас проживает по Старовиленской, 26 или 28). В сентябре Ковалёв принес и передал мне наган для

«Ватика» Никифорова. В пятницу, 24 сентября 1942 года, я видела его у моего дома, разговаривавшего очень долго с женщиной в голубом берете, — это была Надя Наркевич (орденоноска с фабрики имени Кагановича). Я с ней познакомилась в тюрьме, узнав её по голубому берету. Она делилась со мной и рассказала, что он, «Ватик», не мог зайти, так как чувствовал, что за ним следила полиция. На другой день или в тот же день его арестовали на квартире этой Нади ночью. Когда привели Надю в тюрьму, там, развалившись на диване, сидел Котиков (имени не знаю, в моём доме он не был). Надя ещё не переступила порог тюрьмы, как Котиков сказал: «Ну, Надя, признавайся: всё пропало, нас всех арестовали». Надя отказалась его признать (так рассказывала мне Надя в камере № 88 в октябре 1942 года). Вызывали на допрос её очень часто — и днём, и ночью, но не били. В один из дней ей показали чемодан, её чемодан, за подкладкой которого хранились её личные документы, партбилет, паспорт и орден. В октябре её вызвали, и больше она в камеру не вернулась...

Шесть дней в моём доме никого не было, никто не приходил, и 1 октября 1942 года четыре гестаповца привезли на квартиру с завода Цветкова. Через 20 минут после ареста мужа мне сообщили, что идут аресты, что разыскивали Ковалёва, арестован «Ватик» (сообщила Шура Янулис). При аресте гестапо предъявило мужу обвинение в краже пива с завода. Я стала отрицать. Тогда спросили, есть ли у нас радиоприёмник. Я снова ответила, что нет. Обыска не сделали.

Поздно вечером через задний двор я сообщила на завод, то есть ближайшему соседу, о том, что идут аресты. Нужно было уходить зав. складом завода «Беларусь» Доросевичу. Зная, что в лес уходят днём, утром 2 октября я хотела уйти, но за мной ехал полицейский до завода, куда я пошла якобы узнать о муже. От завода отъехала машина гестапо. Я водила их целый день, пошла будто платить за свет, за мной ворвался гестаповец. Когда ушёл, я успела передать сёстрам Шуры о своём подозрении Шугаева, и к вечеру вынуждена была придти домой. Машина развернулась у дома, «проводив» меня до порога. Я поняла, что меня оставили для того, чтобы узнать тропинку в лес (которой, к сожалению, я не знала).

Однажды, ещё задолго до ареста, я спросила Короткевича: «А как быть, если беда, как, куда скрываться?» и т. д. Получила ответ: «На Раков, там большие леса». Читая приказы и распоряжения из архива, я знала, что в лесу есть карательный отряд, и в глубь лесов — отряд партизан. И вот когда я передавала Доросевичу о том, что арестован «Ватик», а начальник центра бежал, я могла только сказать «на Раков».

Металась в доме четыре дня, доискиваясь точно, кто меня предал, и поняла, что Шугаев или Большов. Он проживал в Узденском рай-

оне, в деревне Каменка. По его словам, он был арестован и просидел только пять дней, его выпустили. Его друг, хороший человек, свой (по словам Большова), был арестован, и звали его Николай (с Каменки). Позднее, когда Цветков находился ещё на воле, была получена записка из тюрьмы об оказании помощи. По приходе Короткевича и Ковалёва записка была прочитана, и они сказали, чтобы передачи ни в коем случае не делали, так как наша квартира нужна для явок в районе Комаровки и связи с заводом.

Большов неоднократно приезжал в Минск, тогда как нашему человеку нельзя было получить пропусков в город. Приезжая в город, он всегда был плохо одет. Однажды его задержали немцы в районе Сторожевки как подозрительное лицо, но у него был пропуск из волости. Когда вечером он пришёл к нам ночевать, рассказывая, как его задержали, муж предложил у нас не ночевать, а если приезжает, то чтобы оделся, не внушая вида партизана. Он очень долго смеялся и показывал пропуск из волости.

Незадолго до ареста этот Большов, придя к нам в квартиру, спросил у меня, имею ли я какие бумаги. Я знала, что он читал у нас приказ № 55, и сказала, что имею в моём доме только его, и тут же на его глазах сожгла приказ. В то время он не знал, что я имею архив и второй приёмник, и другие дела, но я знала, что Ковалёв и Короткевич его обходят в работе. Большова посылал горком командовать партизанским еврейским отрядом под Минском, он отказался, после чего ему поручений комитет не давал.

Непонятно, почему Николая с Каменки арестовали, а Большова выпустили, ведь работали там вместе. Когда арестовали меня и мужа, не было сделано обыска (вспомнила приказ № 55). Я могла подозревать Большова, а обвинять Шугаева. При приходе к нам Ковалёва, Короткевича и других я всегда изолировала детей в другую комнату. Одна дочь, старшая, была мне не родной, я воспитала её с девяти лет, ученица 9-го класса, 17-летняя девушка. На её руках после моего ареста оставалась и вторая девочка, которой было 6 лет. Старшая дочь всё знала: кто у нас бывает и зачем. Всё то, что проходило через мои руки для передачи материалов на завод, я всегда читала и ей. Где было спрятано оружие, она тоже знала, так как закапывала его вместе со мной. Сейчас моих детей нет, веду переписку об их розыске. Когда будет моя старшая дочь найдена, я передам всё, о чём я писала выше, если она жива. После моего ареста детей моих забрала на свою квартиру моя приятельница Санкова Полина Ивановна. Я знала её девять лет, её муж — член партии, призван в армию 28 июня 1941 года. На её руках осталось двое детей. Старший сын был в пионерлагерях, его успели эвакуировать, сейчас проживает в городе.

У Санковой изредка, но были явки, приходили всегда с района, кажется, из Заславльского района.

Помню, в мае 1942 года был сбор, на котором присутствовали два человека: с района (за 70 километров от Минска) и другой, его не знаю, были также Ковалёв, Короткевич и Большов. Санкова и я были на вахте, давая возможность для переговоров. После этого сбора Ковалёв часто уходил в лес на район. Вскоре после этого сбора ушёл в лес часовой мастер, живущий на Сторожевке. Мне кажется, те люди с района и часовой мастер были связаны друг с другом. Санкова была также арестована (о чем мне в тюрьму сообщила моя дочь). В день ареста была найдена какая-то машинка или печатный аппарат, точно установить не удалось. По словам её подруги Андреевой (не была арестована, жива), приезжал какой-то мужчина с гестапо и сам указывал, где у неё спрятано. При аресте у неё находились мои дети, если они живы, должны знать, как и что там было. Она знала, что лежит в моей квартире, а я знала, что у неё. Когда они забрали моих детей, она, вероятно, забрала и оружие, так как я его теперь там не обнаружила, а нашла только деталь радиоприёмника, который «Ватик» мне выдал. В её квартире были спрятаны личные документы Ольги Куприяновой и машинка (ей сказали, что это делать с электростанции), был ли то печатный аппарат или что другое — не знаю. Санкову я не видела в тюрьме и никаких сведений по сие время больше не имею. Искала в городе и области её малолетних детей и не нашла. Девочке старшей было 7 лет, она могла бы многое пояснить. Видимо, она погибла с детьми.

Когда я забирала с Шугаевым первый приёмник, то была квартира Богданова (№ 13 или 15 по улице Радиста). Какие функции выполняли Богдановы, я ничего не знаю, но по приезде ходила туда, где они и старик были также арестованы. Судьбы их я также не знаю, но знаю, что эти фамилии принадлежали к подпольной группе. Во время допроса слышала, как переводчик отвечал следователю, что «70 адресов помнить не могу». Тогда я впервые узнала, столько квартир в городе работает. Это было на десятые сутки после ареста «Ватика».

1. Второй приёмник я забирала в чистом поле у В. Хмелевского. Где он проживал, где и какие поручения исполнял, не знаю. Знаю, что часто бывал в лесу. Болел он тифом в больнице при тюрьме и снова вернулся в камеру № 87, просидел пять месяцев, умер голодной смертью. Труп Хмелевского я видела трое суток на 3-м этаже в уборной.

2. В камере № 87 долгое время сидел Короткевич, был в больнице в тифу. Его снова вернули в камеру № 87 с Хмелевским, сидел долгое

время. Короткевич просидел на 3-м этаже пять месяцев, после чего я уже его не видела. Только на 4-й месяц после ареста я встретила на 3-м этаже мужа, он сидел полтора месяца в СД в одной камере с Ковалёвым. С ними были ещё две женщины. Стояло два стула, и все они занимали пространство площадью с кровать. Так жили, пока не окончились допросы, то есть в тюрьму прибыли 14 ноября 1942 года. В тюрьме в камере № 13 на стене рукой Короткевича составлен список, кто туда прибыл и когда и куда выбыл, все фамилии сидевших в этой камере. Имеются отдельные надписи на стене: Герасименко, Цветкова, Короткевича и Ковалёва. Последний был там один день, после чего написано, что выбыл в СД. Поздней эти женщины, Варя и Лена, рассказывали о жизни в СД. На допросы вызывали днём и ночью.

3. Лена сама была из Прилепского с/с, жена ветеринарного врача, который скрылся в лесу, за что она и была арестована. Рассказывала, что никого не знала, только Котикову давала молоко, по её словам, он её и предал. Погибла 1 июля 1943 года.

4. Варя — городская, сидела, видимо, за большие дела, никогда ничего не говорила, может, потому, что в те дни в одной камере сидела три месяца сестра Котикова. Во время ареста две её взрослые дочери ушли в лес, за что её мучили в СД, страшно избивали нагайками. Были у неё длинные косы, привязывали к столу и пытали электрическим током. Тело её, когда она пришла в тюрьму, всё было в чёрных пятнах кругами, подтёки, рассечена вся кожа, длинные и синие полосы. По приходу в тюрьму, живя в СД на стульях, она долго не могла выпрямиться, всё время сидела скорчившись, молчаливая, почти ни с кем никогда не разговаривала. Фамилию её не знаю, проживала в районе Дома Правительства, тоже проклинала Котикова. Погибла в конце ноября 1942 года.

5. Цветков находился в СД полтора месяца. На пятые сутки его видели избитым, без верхней рубахи, в окровавленном костюме. Волосы торчали, сам жёлтый, как воск, глаза без всякой жизни, на ногах почти не стоял. В камере, где они находились вчетвером, было темно, зажигали свет только тогда, когда давали есть. Кормили хорошо, воздуха абсолютно не хватало. Часто прибывавшие из Германии немцы хотели увидеть, какие есть партизаны. Комендант открывал коморку Ковалёва, где сидели Цветков, Лена и Варя. После осмотра бросали в лицо горячие папиросы, горячий кофе, били кулаком в зубы, сапогом в живот, пальцы рук закрывали дверью или плевали в лицо. Все эти издевательства относились большей частью к Ковалёву. Таков режим в СД.

В тюрьму их перевели 8 ноября 1942 года, в камеру № 13. На второй день Цветков заболел тифом, перевели в камеру № 17, где он

прожил в одиночку три месяца на цементном полу, болел тифом. В камеру пустили четыре крысы (начальник тюрьмы Гюнтер платил рабочим: кто принесёт крысу — тому булку хлеба), которые облизывали его и всю его пищу, которую приносила дочь.

Через 4 месяца перевели на 3-й этаж в камеру № 99, где я уже виделась с ним и даже переписывалась. Когда сидели в камере № 99, после приезда Смоленского СД, прекратили передачи, голодали страшно, муж умирал с голоду, оброс мохом и совсем не вставал. Взяли таких 16 человек на поправку, это было в апреле 1943 года. Там, в камере, Цветков говорил, что нужно убить медсестру и сбежать из тюрьмы. Люди, которые находились в той палате, донесли дежурному немцу Менцелю, и его снова перевели в корпус, в камеру № 98 (позднее я видела этих двоих в одежде моего мужа, но фамилии тогда мне не удалось узнать).

Во время чистки тюрьмы, для отправки в концлагеря, 12 июня 1943 года его расстреляли во дворе тюрьмы, у кирпичной стены. Утром, в 5 часов, его вывели на коридор и страшно били нагайками. Последние две недели он снова не вставал, умирая с голоду, не получая даже мизерного тюремного пайка. После побоев свели в подвал, вынули золотые зубы и снова избивали до 12 часов дня. И когда поставили к кирпичной стене, Цветков уже свалился, как мешок костей. Расстреливал сам Менцель. Так звери расправлялись со многими в Минской тюрьме и в СД. Приговор читали не как за связь с партизанами, а как побег из тюрьмы. Наблюдали все расстрелы, какие были в тюрьме. Никогда не было той правды, за что убивали немцы людей. Сидел немец очень долго, один бельгиец, все знали, что за связь с русскими партизанами, а расстреляли по приговору как за неосторожное обращение с оружием.

6. Ковалёв И. Видела в день ареста, то есть на десятые сутки со дня ареста «Ватика». Вид был страшный, жёлтый, как воск, избитый, всё тело в кровоподтёках, кругами в чайную чашку по груди, по рукам, по ногам, по спине. Волосы на голове торчали, как солома, глаза без всякой жизни, на ногах стоять не мог, после побоев, пыток вечером в камеру напускали холодной воды, лежавший матрац был мокрый для того, чтобы тело избитого отходило к утру.

Ковалёва вызывали на допросы круглые сутки. перевязки делали Лена и Варя, материалы и лекарство бросали в коморку сами гестаповцы. Видела, как через голову швыряли бутылками с сельтерской водой в кафельную печь, которую всю разбили сверху донизу, и всё время кричали на Ковалёва: «Пиши!» Он сидел у стола, абсолютно ни на что не реагируя. Трещали плетью по столу, все стака-

ны с водой были побиты, осколки стекла на полу, осколки от печки, пролитая вода, бутылки — всё это его не трогало.

В комнате на стуле сидела маленькая собачка, следователи приходили, уходили, а потом забрали собачку. Влетел, как зверь, высокий чёрный здоровый немец, назвал Ковалёва «дураком», бросил в лицо лист исписанной бумаги, крича, что он давно имеет список, но он заставит говорить, кто они есть. Ковалёв резко повернулся, а тот поймал лист на лету и снова убежал. Из соседней комнаты неслись вопли и свист нагайки. Я сидела на стуле уже побитая, когда убрали собачку. Ковалёв назвал меня «дурная голова», за что, я до сих пор не знаю, видимо, за то, что я не ушла в лес. Сказать я уже не успела, что следили за мной, но на пальцах показала, что с оружием всё спокойно.

Скоро меня повели в тюрьму, было три часа ночи, прямо на полу были Ковалёв, Короткевич, Цветков. После я уже не видела Ковалёва. В камеру мне передали вырезку из немецкой газеты о том, что в Минске арестовано 100 человек. Подпольный комитет — Ковалёв, Короткевич, Хмелевский, Никифоров, фамилии Котикова не было, но я уже знала о нём от Нади, от Вари и Лены. Писали немцы, что арестованные понесли достойную кару (тогда как мы всё ещё были живы). В январе месяце муж передал мне вырезку из немецкой газеты, где был снят Ковалёв с гражданами города Минска и статья о том, что он признаёт ошибки и признаёт немецкую власть. (На фото в газете «граждане» были в костюмах, а Ковалёв в пальто, потому что в этот период жуткими побоями был доведён до состояния разбитого мочевого пузыря, от чего костюм был всегда мокрый — по рассказу женщины, прибывшей в СД в камеру № 88, Лиды Ахремчик.) Позднее я слышала о каком-то бале в честь отъезда Ковалёва в Германию, на который подпольщики послали женщину его отравить, но не удалось, так как его очень охраняли.

Что произошло после 15 ноября 1942 года, когда его забрали из тюрьмы, ничего не знаю, были его статьи, выступал якобы на заводе Мясникова. Он это был или нет — не знаю. Вскоре приехало Смоленское СД, и в тюрьме не было никакой возможности ни видетсья, ни слова проронить, и, конечно, переписка прекратилась — и внутри тюрьмы, и на волю по случаю камеры № 85. На моём допросе про оружие Ковалёв меня не выдал.

Никифоров. Видела его сидевшего в одной из комнат СД в первый день ареста. Вид был ужасный: от побоев он был абсолютно чёрный, не мог стоять на ногах, при входе следователей в комнату он не только не смотрел, а абсолютно не поворачивал головы, точно окаменел. При моём входе он абсолютно не реагировал, точно меня не знает, ни

одним словом, ничем не нарушая своего пребывания в СД. Не выдал меня ни с приёмником, ни с оружием. С того времени я его не видела и абсолютно ничего не знала, где он находится.

8. Камера № 86. 1942 год, 28 января. Ночью вдруг зажгли свет по всему третьему этажу — это камеры № 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98 и 99. Стук, грохот по коридорам, немцев нашло человек тридцать. Моя камера № 86 находилась точно против камеры № 85. К двери последней подошёл немец, прячась за стену, постучал в дверь, предлагая через волчок выбросить патроны. Из камеры ответили, что нагана не имеют, тогда через отопительную трубу немцы бросили гранату в камеру. Через пять минут открыли дверь и выпустили одного человека, то был провокатор. После поставили 41-го человека по одному в дверях с двух сторон, били плетями по плечам, по голове, по спине. Перебили всех, гоняли по коридору «руки вверх», расстреляны были все. Полицай Липай, который передал в камеру наган, был тут же расстрелян.

Носились слухи, что за передачу нагана он получил золото от поляка. Утром в 5 часов мы выносили параши и видели груды тел, наскоро заброшенных снегом. От них протекали струйки крови на тропу, по которой мать сына, Дубровская Арина, шла, не проронив ни слезы, видя и слыша все зверства гестаповцев. В этой же камере погиб и Доросевич (группа завода «Беларусь»).

9. Хмелевский В. Погиб. Переболел тифом, умер голодной смертью, труп двое суток валялся в уборной тюрьмы.

10. Шугаев Н. Погиб. Переболел тифом, умер голодной смертью в больнице, взятый на поправку. Просидел 7 месяцев, погиб в апреле 1943 года.

11. Доросевич Н. Погиб в январе 1943 года, расстрелян в камере № 85.

12. Цветков П. Погиб. Переболел тифом, умирал голодной смертью, расстрелян за побег в июне 1943 года.

13. Герасименки, мать и дочь 12-ти лет, погибли в ноябре 1942 года.

14. Наркевич Надя. Погибла в тюрьме, на допросы вызывали часто, но не били. Всё было сказано за неё Котиковым. Погибла в ноябре 1942 года.

15. Качан Анна. Была на очной ставке с Ковалёвым, на допросе не били. В один день погибла вся семья: мать, отец, брат, его жена и сестра, в ноябре 1942 года.

16. Куприянова Ольга (москвичка). Погибла в августе 1942 года (со слов старожилов тюрьмы), работала на железной дороге с 1941 года.

17. Шумская Галя. На допросе не была, сидела в тюрьме 8 месяцев исчезла в мае 1942 года.

18. Путейко Надя. Погибла в тюрьме в январе 1942 года.

19. Лена из Прилепского с/с. Погибла 1 июля 1943 года.

20. Рубец Вита. Погибла в августе 1943 года.

21. Ковалёва Вера. Погибла в августе 1943 года, сестра вышла из тюрьмы.

22. Санкович П. Погибла с детьми в СД в октябре 1942 года, сын старший жив.

23. Михедо Я. Умерла от тифа в концлагере Освенцим в 1944 году.

24. Кидышко Люба умерла в концлагере от экспериментов, проводившихся в больнице лагеря, в 1944 году.

25. Эрдман Гера и мать умерли от тифа в концлагере в 1944 году. (Из Минской тюрьмы убежали в 1944 году Андиевская и Лариса.)

Камера № 88. Просидела я в ней месяц, вызвали снова на допрос 7 ноября. Следователь делал вид приготовления к допросу, переключался на столе и со стола в ящики и обратно папки и плётку. После поздравила с праздником 7 ноября и спросил, как я живу. Я сказала, что вшей загребая горстями, кормят хуже, чем плохо, начала болеть, спросила, почему так содержат. Он стал говорить, что большевики спалили все склады в городе, запасов нет и вообще, война, и начал расхваливать Германию. Всё это говорил тихо, отцовским голосом, вначале плётку показал. Потом спросил, кто, по-моему, хотел советской власти. Я на это ему ответила: «Вы арестовали столько людей. Почему именно я должна вам об этом сказать?» Тут следователь схватился, и только пятки сверкнули. Меня сейчас же отвели в камеру.

Я ничего не понимала, почему он убежал, а позднее, когда начали писать в газетах, я поняла, что немецкая газета промахнулась, сообщив городу, что арестовали 100 человек, после этого появились статьи, конечно, не за советскую власть. Через несколько дней заболела тифом, прибыла снова в камеру, аппетит после тифа волчий, есть было нечего, дочь носила, а нам так редко давали, сами полицаи съедали наши передачи. Люди поддерживали один другого, поправилась. Снова вышла в свет, то есть на коридор, носила парашу утром и вечером, видела всех своих. Снова заболела от голода, прекратили передачи, умирала, опухла, обросла мхом, осталась кожа да кости. Объявила голодовку, не приняла обед. Через четыре дня взяли на поправку, переводчик объявил, что им неинтересна наша смерть, они хотят, чтобы мы подольше мучились. Снова стала «поправляться». Поправка состояла из 200 граммов хлеба и баланды, воды вволю.

Прошёл месяц, я встала с постели, при попытке переставить табурет я не нашла нужных сил и упала. Такова поправка. Все сроки,

пока находилась в больнице, сестра хозяйка, русская, Пекарская Мария, крадучись, давала мне хлеба, супа от полицейской кухни. С работы в тюрьме она уволилась сама, не выдержав зверств немцев. Русская медсестра В. Я. (любовница зам. начальника тюрьмы Ленка — зверя), ей понравилась моя художественная вышивка, взяла меня на работу, бесплатную батрачку. Постепенно стала приходить к жизни. На кухне уже на работе были женщины, которые сидели в камере со мной, они помогали всем, крали и носили в подвал, в дезинфекцию, в прачечную.

Прошло восемь месяцев. В это время я на дворе встретила Шумскую. Оказалось, что её ни разу не вызывали на допрос. Когда в городе что-нибудь взрывали или кого-то убивали, всё в тюрьме отражалось: через 5—10 часов вывозили на расстрел. Первого июня 1943 года взорвали Первый Белорусский Гостеатр. Вечером открыли все камеры первого этажа, выгнали на коридор, я была вызвана на расстрел, вернее, «Чёрный ворон» (а было объявлено, что на работу в Германию). Я стояла у стены, плакала, прощалась с жизнью, с детьми, проклинала тех негодяев, которые нас продали, вспоминала прошлое, как жилось, когда не было войны и немцев. В это время вошёл Ленк, увидел, что я у стены стою, спросил фамилию и отослал в камеру обратно. В тот же час оставили и Нелу Калиновскую, она мыла бельё, чистила обувь, подавала В. Я., а я всё шила, гладила, вышивала, с тех пор она считала, что нас спасла, имея две бесплатные прислуги. Она говорила: «Если большевики придут, я уеду в Германию, с этими варварами жить не хочу». С тюремного склада она брала еврейских вещей машинами, говорила, что добра и золота ей хватит на 15 дней. В тот же час спаслись от будки, нечаянно не откликнулись на неверно зачитанное имя, Ковалёва Вера и Мария. Вера погибла позднее, а Марию отпустили домой, после 13 месяцев тюрьмы.

В полдень 1 декабря 1943 года нас свели во двор тюрьмы, где зачитали списки к отправке на работу в Германию. (Только по приезду в концлагерь мы узнали, куда нас привезли.) Во дворе тюрьмы стояли «СД», немцы в гражданских костюмах. Начальник тюрьмы, переводчик (Герман рвался на части) и отряд полицаев с пулемётами, всюду утроенная охрана. Тюремщики стояли тихо, у всех полные глаза слёз. В городе уже было известно о нашей отправке. Сутки мы уже не получали пищи, сам начальник Гюнтер сэкономил продукты, не выдавая нам обеда. Преподнёс всем красиво разрезанный хлеб по 500 граммов, тут же, стоя, во дворе и поели почти всё. Погрузили на машины за воротами тюрьмы, снова полицаи. Отряды с пулемётами наготове. Вглубь Володарской улицы — видно сгоняли толпы людей. То пришли наши родные, близкие, зная, что нас увозят.

Куда нас везли, не знаю. Год я не видела улиц города. Казалось, что из-под ног уходит земля, всё близкое, родное остаётся здесь, отрывают змеи у нас самое дорогое — свободу. В голове проносились книги, раньше прочитанные, как боролись, как ссылали, проходили годы, возвращались домой в родные края. С машины махали людям, проходившим по улицам, но никто нам ответа не дал, они не понимают, что нас везут терзать и мучить.

Погрузили в вагоны по 45 человек, быстро закрутили проволоку, девочки начали петь песни, кричать, а не петь, чтобы в городе знали, что нас увозят. Через некоторое время одна мать заметалась у вагонов, сквозь дверную щель дочь 16-ти лет узнала мать, кричала одно слово «мама». Стихла песня, цель достигнута, слышались рыдания, плакали все. Так мы были оторваны от родной земли. Везли нас ночью, днём стояли на узловых станциях. На вторые сутки нам открыли вагоны, напротив стояла охрана из 45 полицаев — русские, против 45 женщин-заключённых, замученных голодом, холодом, без оружия, без ножа (все ножи отобрали в пассажирских вагонах). Нам дали воды. Пять суток мы ехали без пищи и трое суток без воды. Когда приехали, девять человек умерли от голоду и холоду. Многие были босиком, в летних платьях...

На обратной странице рукописи примечание Хаси Пруслиной:

Р.С. Автор — описание сделано кратко и поверхностно за два года с половиной переживаний. Я не могу описать в течение трех дней все те зверства, каким подвергались мы у немцев в лагерях и тюрьмах.

1959г. - 1-
Выбраны для работы друзья!
Меня, как и моих друзей, по нацистской работе, интернационал воевал, как думают немцы, немцы, как они относились к войне, к войне. Неужели все они думали звери? Неужели все они думали, что они приверженцы гитлеровского "радикала"? С молодыми солдатами говорили на другую было небезопасно. Другое дело старые солдаты, особенно чехословацкие Гитлеровские войска. Они были более критично настроены и некоторые из них гитлеровцам давали свою ненависть к войне и к Гитлеру. Надо сказать, что немцы солдатами своего записким обязались с советскими людьми. Мне кто-нибудь из них никогда говорил с нами, до, ввиду, чего много начали в ту пору.

Со старыми солдатами-санитарями немецкого военного госпиталя меня познакомил Н. Колосов. Немецкий санитар размещался в комнате Ил-га Исаев-х чичков, 39-го дивизиона, где жил и. Колосов и др. Тут были 33 немцев-санитаров.

Были там замучены, что мы бились, да же, душат
 иначе, как того не знает Ингер"
 Презритель измывал свою ~~жестокость~~ ^{жестокость} Мадлин добавлял
 "Если бы, ты Гайль, знала, что изобрел в Вахау. ~~ты~~
~~ты~~ бы никогда не осудила меня... Славных моих
 друзей уже не в пещерах. И теперь меня пере-
 дукают... Я знаю, что за мной шпионят, но не знаю
 кто... Я, иногда, боюсь даже думать... Мне кажется,
 что мои враги читают мои мысли... Когда
 он в Вахау... Значит солдаты бились друг друга
 не заставляя друг друга... - Бардман в Аугсбурге
 добавлял, Гуден и что его как-бы похитили и
^{с радостью} добавили, что у него все еще есть ~~портрет~~ ^{портрет} друг
 и что вернувшись он только ^{еще} узнает ~~свою~~ ^{свою}
 старую пернатую дружбу с каровым ба-
 обом прощен всего войны 174-187, вместе раба
 и соотечественной партизанской организации, вместе
 пережил Вахау, теперь вместе суждено в
 новой военной партии: "судьба моего друга
 связана с моей" сказал он. ~~он~~ ^{продвиг} ~~продвиг~~ ^{продвиг} меня

* Гайль - по русски Гольд - мой портретный рисунок

бесспорно с ним вписывается его друг.
 (Фамилия его не помню).
 Принимая участие и соглашаясь на встречу в Вахау
 оба ^{солдата} ~~принимали~~ к М. Волжанской в Вахау
 времени свободного было много. Друг Людвиг
^{был} ~~тоже~~ ^{тоже} посылал и другим человеком, но еще
 более приближенным человеком чем Мадлин.
 На его руке, в замке, кроме знака
 повязки и драгунского ордена, повязку из
 черного креста... Обращая на все внимание, и
 друг Мадлин повелел мне свое дело... Его
 единственной сын убит под Хартковом.
 - "Кто же?" - спросила я, ты же видишь в Вахау
 горе? Некавинский нас?"
 - "Нет!" - "Не вы виноваты! Ваш же виноват в
 гибели моего сына" - сказал солдат и ~~так~~ ^{так} ~~так~~ ^{так}
 повелел в некавинскую сторону.
 - "Ингерубийца моего сына! Убийца моего
 надежды в Вахау! Вы же - русские, зачи-
 саете свою ~~руку~~ ^{руку} - (Дер ~~руку~~ ^{руку} Тойматт!)"

Раздел 4.

Гутен Таг фройнде!

1959 г.¹

Добрый день, друзья!

Добрый день, друзья!

Меня, как моих друзей по подпольной работе, интересовал вопрос. Как думают немецкие солдаты, как они относятся к войне... Неужели все они двуногие звери? Неужели все они фанатичные приверженцы гитлеровского «рейха»? С молодыми солдатами говорить на эту тему было небезопасно. Другое дело — старые солдаты. Особенно участники I мировой войны. Они были более критично настроены, и некоторые из них тайно высказывали свою ненависть и к войне, и к Гитлеру. Надо иметь в виду, что немецким солдатам строго запрещали общаться с советскими людьми. И если кто-нибудь из них начинал говорить с нами, то, очевидно, у него многое накопилось в груди.

Со старым солдатам-санитаром немецкого госпиталя меня познакомил К. Клоколов. Немецкий госпиталь размещался в помещении Института иностранных языков (за домиком, где жил тов. Клоколов на тогдашней улице Пушкина, 33, напротив Радиозавода).

Санитар подружился с семьей тов. Клоколова. Он очень хотел побольше узнать о жизни советских людей, о нашей борьбе... Фамилии его я не помню. Мы его звали «очкастый», потому что он носил очки. Клоколов попросил меня поговорить с ним, и говорить открыто. Рабочий Клоколов доверял солдату. Солдат оказался австрийцем. Он много лет состоял в австрийской социал-демократической партии. Был ответственным секретарём одного из райкомов венской партийной организации. Он рассказал об ужасах фашистской тирании, о трагедии Австрии, подвергшейся «аншлюсу». После этого, сказал солдат, жизнь стала невыносимой. Тысячи и сотни тысяч погибли в концлагерях. И ему, «очкастому», как и другим социал-демократом, пришлось перенести ужасы Маутхаузена.

При беседах «очкастый» с большой жадностью ловил каждое слово о советской стране, о жизни наших рабочих, о социальном страхова-

нии и о правах профсоюзов, о бесплатном обучении и медицинском обслуживании, о правах женщин и о мн. др.

«Очкастый» восхищался мужественной борьбой советских людей против фашизма презрительно говорил о покорности австрийцев. Мы спросили солдата, почему же они, австрийцы, рабочие, социал-демократы, не борются с ненавистным им гитлеровским режимом? Почему они воюют против нас в рядах гитлеровских войск, а не поворачивают оружие против общего врага?

— Вир зинд махтлёс¹, — последовал ответ. Но очкастый вдруг задумался... Он попросил время поразмыслить, просил очередной встречи совместно со своим близким другом. Я и Клоколов согласились на такую встречу. Но больше мы солдата не увидели...

Что же с ним случилось?

Я отказалась идти из дома Клоколова вместе с немецким солдатом, да ещё после 9 ч. вечера... Это была предосторожность подпольщика... Через окошечко мы наблюдали, как дойдёт солдат до госпиталя... И вдруг видим, что при выходе солдат натолкнулся на немецкого жандармского полковника. Тот записал что-то в свой блокнот. И больше мы «очкастого» не видели. Пропал солдат.

С другим старым немецким солдатом Людвигом Бёрнхардтом меня познакомила Мария Долголантьева. Он приносил к ней бельё в прачечную, а потом стал посещать её дом. Договориться им было трудно из-за незнания языка. Мария только узнала, что солдат проклинает Гитлера, что он был в Дахау, что он плакал, когда в гетто убивали евреев... Долголантьева и попросила меня побеседовать с ним.

С первых же встреч Людвиг Бёрнхардт почему-то внушал доверие. Это был пожилой, 53-летнего возраста, усталый человек, с большими жилистыми рабочими руками. В прошлом он был высококвалифицированным рабочим-железнодорожником. Людвиг Бёрнхардт около 30 лет был машинистом паровоза. Столько же лет состоял в Германской социал-демократической партии. Бебеля он цитировал на память. Людвиг был участником I мировой войны, участником 32 сражений на Западном фронте, участником многочисленных штурмов Вердена. Мы встречались с ним с конца июня по июль месяц 1942 г., по 2—3 раза в неделю. Беседы проходили на квартире Долголантьевой. Во время этих бесед, продолжавшихся по несколько часов, я говорила о моей советской стране, а солдат слушал меня с напряженным вниманием... Я говорила и о наших больших чувствах симпатии к немецким рабочим — ведь они дали Великого Маркса и Энгельса. Как же, спрашивала я у него, они пошли против нас?... И мне каза-

¹ Дневниковые записи 1956 года Хаси Пруслиной о периоде германской оккупации и проводимой антифашистской работе в г. Минске среди немецких солдат. Прим.— К.К.)

¹ Мы бессильны (нем.).

лось тогда, что я говорю не с одним Людвигом, а со всеми честными немецкими рабочими...

А в ответ он рассказывал о своей жизни и о жизни немецких рабочих. Он говорил о несчастье, которое принёс фашизм немецкому рабочему классу, о диких расправах нацистов не только с коммунистами, но и его партией и со всеми инакомыслящими. Рассказал, как он попал в концлагерь Дахау, поведал о том, что перенёс он там за 16S мес., и что его ежедневно пытали — подвешивали по 2½ ч за скрюченные назад руки. Он показал мне рубцы на руках... Из Дахау его выручила жена, продавшая имущество, чтоб спасти мужа. После освобождения он считался безработным, а потом... стал чернорабочим на стройке. Несмотря на преклонный возраст, на многочисленные недуги, он был мобилизован в армию и попал в войска «Тодт». В Минске он конвоировал колонны евреев, работавших на железной дороге.

Людвиг Бёрнхард проклинал фашистов за те злодеяния, которые они творят на нашей земле. «Я, — говорил он с ужасом, — охраняю колонны евреев на работе, а в это время наши нацисты истребляют их детей в гетто». Говоря об этом, Людвиг вскочил, протянул руки и произнёс с жаром: «Тысячелетия будут тяготеть над немецким народом проклятия за злодеяния, совершаемые нацистами на вашей земле!»

«Но знайте! Что, прежде чем совершить такие злодеяния у вас, Гитлер совершал такие же злодейские акты над немецким народом...»

Людвиг говорил не раз, что «когда Гитлер совершил фашистский переворот, мы, немецкие рабочие, хорошо понимали, что фашизм — это война и война против вас... против Советской страны, которую мы очень любили... Знайте, что мы, немецкие рабочие, никогда не пошли бы воевать против вас, если бы нацисты не сломали хребет немецкому рабочему классу, если бы они не обрушили на нас такой дикий террор, если бы они не истребили среди нас всё передовое, смелое, мыслящее. Остальные из нас были так запуганы, что мы боимся даже думать иначе, как того желает Гитлер».

Продолжая изливать свою скорбь, Людвиг добавил: «Если бы ты, Паула¹, знала, что я перенёс в Дахау, ты бы никогда не осудила меня... Сколько моих друзей уже нет в живых. И теперь меня преследуют... Я знаю, что за мной шпионят, но я не знаю кто... Я иногда боюсь даже думать... Мне кажется, что враги читают мои мысли... И тогда опять Дахау... Мы, солдаты, боимся друг друга. Не доверяем друг другу...»

Потом его лицо как бы посветлело, и он с радостью добавил, что у него всё же есть друг и что он верит только ему одному, своему старому испытанному другу, с которым бок о бок прошёл всю войну 1914—

1918 гг., вместе работал и состоял в одной партийной организации, вместе перенёс Дахау и теперь вместе служит в одной военной части: «Судьба моего друга сходна с моей», — сказал он. Людвиг просил меня беседовать с ним в присутствии его друга (фамилию я не помню).

Пришлось уступить и согласиться на встречу втроём. Оба солдата пришли к М. Долголантьевой в воскресенье. Времени свободного было много. Друг Людвиг был тоже пожилым и усталым человеком, но ещё более пришибленным горем, чем Людвиг. На его рукаве я заметила, кроме всяких повязок и фашистских эмблем, повязку из черного крепа... Я обратила на неё внимание. И друг Людвиг поведал мне своё горе. Его единственный сын убит под Харьковом. «Что ж?.. — спросила я. — Ты нас винишь в своём горе? Ненавидишь нас?»

«Нет! Не вы виноваты! Вот кто виноват в гибели моего сына, — сказал солдат и ткнул пальцем в ненавистную свастику. — Гитлер — убийца моего сына! Убийца моей надежды в старости! Вы же, русские, защищаете свою Отчизну (дер либе Гаймат!)»

Людвиг и его друг высказали возмущение трескотнёй и шумной гитлеровской пропагандой по поводу взятия Севастополя. (Тогда весь Минск с самолётов был засыпан листовками.) В противоположность этому мои собеседники считали, что Гитлер проиграет войну и что немцам эта война принесёт только горе и позор. А я добавила, что, несмотря на то что их армия пока ещё движется на Восток, Гитлера, безусловно, ждёт участь Наполеона. Ни один немецкий солдат не уйдёт целым с нашей земли...

У нас воюет весь народ не только на фронте, но и в тылу... Мы дома, и нам помогает и куст, и дерево... Нас Гитлер не поставит на колени.

В подтверждение этой мысли я показала солдатам две листовки на немецком языке. Одна называлась «Wahrheit» («Правда»). Правда об антигитлеровской коалиции, о её численности и мощи. И как вывод — о неизбежности поражения гитлеровской армии. Эта листовка была издана Минским подпольным горкомом. Вторая листовка была посвящена разоблачению карательных операций банд Кейтеля — «Тотен копф»....

Кто издал вторую листовку, я не знаю (её принесла в Минск коммунистка Мотя — её нашли колхозники на поле. Судя по содержанию, там говорилось о зверствах карателей против немецкого народа. Возможно, что её издали немецкие коммунисты. В тексте зачеркнуто. — К. К.).

«Ум готс виллен!» — воскликнули в один голос немецкие солдаты, ознакомившись с листовками. И, вскочив на ноги, как по команде, оба солдата взяли перед листовками под козырёк, как бы отдавая честь мужественной борьбе с фашизмом.

¹ Паула — по-русски Поля (это моя подпольная кличка).

Как Людвиг, так и его друг не раз высказывали своё одобрение нашему упорству и героизму. Но когда я им сказала, что если они такого высокого мнения о нашей стойкости и если они действительно ненавидят фашизм, то почему бы им не помочь нам ускорить победу над гитлеризмом, принесшим столько горя и им, немецким пролетариям.

В ответ на этот призыв оба солдата сторбились и опустили вниз свои беспомощные руки, как плети, и с глубокой покорностью к своей судьбе ответили: «Вир зинд махтлѐс!» (Мы бессильны!)

Эта картина стоит и сейчас перед моими глазами. Она произвела удручающее впечатление. До чего же фашисты запугали своей ядовитой пропагандой, одурманили немецких рабочих, что даже эти солдаты, честные немецкие рабочие, способны были только втихомолку ненавидеть фашизм, но при упоминании о борьбе твердили одно: «Вир зинд махтлѐс!».

Однажды желая, проверить Людвига, я спросила: «Людвиг, ты знаешь, кто я?» Последовал его ответ: «Я знать не знаю и знать не хочу, кто ты! Я знаю только одно, что ты хорошая».

Оба солдата очень любили слушать беседы о жизни нашего народа, охотно шли на встречи, хотя это было небезопасно и для них...

Но наши свидания оборвались в связи с моим уходом в партизаны.

Людвиг Бёрнхард продолжал навещать Долголантьеву и всё спрашивал, где я. Летом 1943 г. разведчица А.А. Езубчик, будучи в Минске, передала от меня привет Людвигу. В ответ он просил передать не только поклон, но чтобы я знала, что он сидел 2 месяца в тюрьме в Минске. По словам Долголантьевой, на Людвига кто-то донёс, и его погнали в штрафную роту на фронт. Больше я о нём и его друге ничего не знаю.

С тех пор прошло около двух десятков лет. Часто вспоминаю Людвига Бёрнхарда и его друга. Мне хочется верить, что если они оба живы, они не могут не извлечь уроков из прошлой войны. Они не могут не быть в рядах тех, кто борется за единство их «Хаймат» (Отчизны), за мир. Я верю, что они больше не повторяют страшных слов: «Вир зинд махтлѐс!».

А я бы хотела крепко пожать их честные мозолистые руки и приветствовать словами: «Гутен Таг фройнде» (Добрый день, друзья!).

*Рукопись, оригинал.
Тетрадь целлюлозно-бумажного комбината
«Герой труда» гор. Добруш, 1960 г.*

Раздел 5. Документы и материалы

Характеристика на члена ВКП/б/ тов. Пруслину Хасю Менделевну

Весь период Отечественной войны тов. ПРУСЛИНА вела беззаветную борьбу с немецко-фашистскими захватчиками и показала себя способной, несмотря ни на какие опасности, выполнить любое задание партии.

Работая в минском подполье с начала войны, она вела систематическую агитацию среди населения, носила через геттовскую проволоку нелегальную литературу, организовывала борьбу против немецких оккупантов. Используя налаженную связь в городе, передавала партизанам оружие, медикаменты, шрифт, радио-принадлежности, соль, организовывала транспорт, явки, снабжение фальшивыми документами и т. д.

Летом 1942 года Минский городской подпольный комитет направил её и Анну ЕЗУБЧИК как своих представителей в минский подпольный Обком КП(б)Б, которых обком потребовал через РОМУ КАЦНЕЛЬСОНА. После этого тов. ПРУСЛИНА находилась в партизанских бригадах Копыльского и Гресского районов, где с октября 1942 года по апрель 1943 года работала в госпитале, самоотверженно ухаживая за ранеными и больными партизанами.

Летом 1943 года редактировала газету «СТАЛИНЕЦ» — орган Гресского РК КП(б)Б.

С осени 1943 года по июль 1944 года тов. ПРУСЛИНА по решению Минского подпольного горкома КП(б)Б перешла на работу в редколлегия газеты «Минский большевик» в качестве литературного работника, где обеспечивала, в трудных условиях подполья, издание нелегальных листовок для Минска.

Тов. ПРУСЛИНА политически выдержанный и морально-устойчивый товарищ. Предана делу партии Ленина—Сталина, социалистической Родине.

СЕКРЕТАРЬ МИНСКОГО ПОДПОЛЬНОГО
ГОРКОМА КП(б)Б _____ подпись _____ /ЛЕЩЕНЯ/
Пом. секретаря Минского горкома КП(б)Б (Антонова)
29.08.2944 г.
копия верна:
29.УШ-1944 года

Машинопись, копия, заверенная на 1 л.

Секретарю ЦК ВКП(б)

тов. Маленкову

от слушателя месячных курсов руководителей

лекторских групп при ЦК ВКП(б)

Пруслиной Хаси Менделевны

гор. Минск, ул. Кирова, № 57—1

Обращаюсь к Вам, тов. Маленков!

Помогите моему горю, помогите найти единственную дочь.

Сама я подпольщица и партизанка. Всё время оккупации Минска вела беззаветную борьбу с врагом — с 1941 по лето 1942 в г. Минске — в глубоком подполье, а с 5.1942 по 3.07.1944 — в партизанских бригадах Минской области.

Немцы убили моего сына, повесили моего брата — подпольщика и партизана, задушили его жену и двоих сыновей, а 7-летнюю дочь мою вывезли в Германию.

Мое горе Вам теперь понятно. Ещё весной 1945 г. — в мае м-це я напала на её след — мне стало известно, что за 4 недели до взятия Берлина она находилась в г. Бельциге (36 км за Потсдамом). Я обратилась в Обком к тов. Козлову, в наркомат иностр-х дел Белоруссии, в НКГБ Белор. к генералу Голикову — куда я только ни обращалась, и ничего пока не добилась. Обращалась в ЦК КП(б)Б к тов. Прохорову (зав. военным отделом), и тоже ничего пока нет.

Я буквально с горя голову потеряла, что делать? Я же для Родины ничего не жалела... столько жертв принесла.

Прошу только одного — помогите мне найти дочь, моего единственного ребёнка.

Сейчас я слушатель месячных курсов. 3/10.45 г. они заканчивают свою работу.

Очень прошу дать мне возможность поехать за дочерью в Германию.

Бывшая подпольщица и партизанка

23/09.45

Подпись

Пруслина

Рукопись, оригинал, на 2 л.

№ 2/10—596

13 июля 1945 г.

г. Минск

Лектору Минского горкома ВКП(б)Б

тов. Пруслиной Х.М.

Сообщаем, что по вопросу выдачи Вам пропуска на въезд в гор. Бельциг (Германия), Вам необходимо обратиться в Главное управление милиции НКВД СССР в Москве.

Зам начальник УМ НКВД БССР

Детенышев

Нач. ОВИР УМ НКВД БССР

капитан милиции

Губаревич

Оригинал, машинопись,

1945 г.

Дорогие товарищи!

Обращаюсь за помощью ко всем лицам, имеющим отношение к детским учреждениям по репатриации детей из Германии.

Мою девочку, Зиночку Никодимову, немцы вывезли из Минска в апреле 1944 за пару месяцев до освобождения родного города Минска Красной Армией. Увезли в Литву, где за Каунасом, в имении Родондварис (Красный двор), поместили в гестаповский детдом СС «Гаймшуле» вместе с другими 30-ю ребяташками из Минска. Откачываясь под ударами наших войск, немцы не оставили детей, а увезли их с собой. Дети эти были в Восточной Пруссии, в Западной Польше, Померании, Берлине и, наконец, очутились в Бельциге (за Потсдамом). Этот детдом находился в ведении общества NSV (эн эс фау). Куда дети подевались, ничего не знаю. Только в мае прошлого года более взрослые приехали сами в Минск. Они говорили, что девочку мою видели после занятия Бельцига нашими войсками.

Прошу и умоляю помочь найти ребёнка. Она у меня единственное существо, оставшееся в живых (и жива ли она, навряд ли?). Я ее потеряла, потому что была на боевом посту — участвовала в борьбе против немцев. Дожили мы до радостного дня разгрома врага. Это большое счастье дожить до такой минуты. За неё боролись миллионы советских людей.

А вот единственную девочку свою найти не могу никак. Вы меня понимаете, как мне страшно трудно...

Ей 9 лет (теперь). Зовут её Зина Никодимова. Тогда она была белокурая, синеглазая, с ямочкой на одной щёчке. На спине пятнышко родимое.

Жду ответа.

Пруслина.

Р.С. Работаю лектором в Минске. Живу по улице Кирова, д. № 57, кв. 1.

Прилагаю карточку дочки и свою, может, она себя вспомнит и меня. Хотя я очень мало похожа на прежнюю маму.

Оригинал. Рукопись, курсив, на 2 с.

От гражданки ПРУСЛИНОЙ
Хаси Менделевны,
проживающей в гор. Минске
по ул. Кирова, д. № 57, кв. 1.

19 июля 1947 г.

Коменданту лагеря № 226

Гв. майору тов. ЯНОВИЦКОМУ

Заявление

Прошу оказать содействие в поисках моей дочери, Зинаиды Алексеевны Никодимовой, 1937 года рождения, вывезенной немецко-фашистскими захватчиками в апреле 1944 года из гор. Минска.

Продолжительные 3-летние поиски ребёнка, многочисленные запросы, наконец, поиски дочери здесь, в Германии, дали следующие результаты.

Немцы собрали 300 человек наиболее одарённых и здоровых советских ребят из всех оккупированных районов и организовали в Родондварисе (12 кил. за городом Каунас, Лит. ССР), в замке графа Тышкевича, фашистский детский дом под названием «СС Гаймшуле», находившийся в ведении фашистского благотворительного общества ЭН ЭС ФАУ, т. е. Ной Фау. Как только наши войска подошли к Вильно, немцы сгребли ребят и вывезли их на автомашинах, сначала в Восточную Пруссию, потом в Польшу, в гор. Калиш, потом в Германию, и наконец детдом обосновался в гор. Бельциг Бранденбургской провинции. Там детдом пробыл с февраля по апрель 1945 года, а когда наша Армия штурмовала Берлин, детей хотели отправить за Эльбу, в гор. Гарделеген, но немцы этого сделать не успели.

Часть более взрослых ребят, отправленных немцами рыть окопы под Берлин, сами прибыли в СССР ещё в 1945 году.

Несколько ребяташек взяли на воспитание немцы в гор. Бельциге. Так, Густав ГЕЦЕ взял девочку Нину ЖИТНЕВУ (она уже здесь, в лагере). Немец ШМИДТ взял девочку Галю (она отправлена в СССР). Девочку Раю Фомову взяла на воспитание немка Эдит ФИНКЕР из деревни Гольцов Бельцигского района, Рая ФОМОВА и поныне находится у ФИНКЕР.

Девять человек советских детей в апреле месяце заведующая детским домом ЦАНДЕР (проживает в деревне Прицерба) разместила в 3-х приютах в гор. Бранденбурге. ЦАНДЕР привела нас в эти приюты, но там мы обнаружили только 4-х детей: Ольгу, или Тасю, ЗЛОТИНУ, 10 лет, проживает у немки по ул. Роберта Кохштрассе, № 14 в гор. Бранденбурге; два мальчика — Антон ВЕЙС и Виктор,

видимо, им по 6—7 лет — воспитываются евангелистским приютом в Бранденбурге, по ул. Рудольфа Бройштрассе, № 40—41. В этом же приюте нам сказали, что немка ЦУКЕРМЕРТ, проживающая в Ост-Брандербурге по ул. Ляубен-Колони, воспитывает русского мальчика Руди ГОЛЬ. Четырёх ребят: Раю ФОМОВУ, Тасю ЗЛОТИНУ, Антона ВЕЙСА и Виктора ГЕРША — я видела лично. Остальных пяти-рых ребят не нашли. В приюте по улице Рудольфа Бройштрассе, № 40—41, нам сказали, что этих детей забрали русские, ещё в 1945 году.

Они сбежали (*дописано ручкой*).

Большую партию детей, приблизительно 30 человек, в этом же апреле месяце 1945 года вывезли в гор. Ратенов, чтобы переправить через Эльбу в гор. Гарделеген. Детей сопровождали две немки — Елена ХАРТМАН (удрала в Гамбург) и Герда ШНАЙДЕР (проживает в гор. Бург и работает переводчицей в ландрате, о ней знает майор КАРЕПАНОВ из Комендатуры). Эта партия ребят была сдана представителям Ратеновского общества ЭН ЭС ФАУ. Работник этого общества ГЕСЕЛЬБАД (теперь работает воспитательницей детского приюта в имении Бадыген за городом Штендаль) сказала, что этих детей немка, сестра Анна, вывезла в деревню Ретцов (25 кил. за Ратеновым). Мы посетили Ретцов, немцы говорят, что, действительно, в дер. Ретцов в течение 6 недель, с начала мая по июнь мес. 1945 г., находилось 26 человек советских ребят. В июне 1945 года этих ребят забрали советские офицеры, прибывшие из гор. Науен, причём четырёх ребят: 2-х девочек и 2-х мальчиков усыновили советские офицеры, а 22 ребёнка отправили в СССР.

Я искала дочь и за Эльбой. Видимо, из этого дома, то есть из «СС Гаймшуле», дети туда не попали, но в Тагенмюнде есть четверо детей, национальное происхождение которых немцы не установили. Они их считают русскими. Это девочка Эрика ТАРНУ, 6 лет, мальчик Эрви БИНДРАШЕК, София ГАМПЕ и Гюнтер ГАЗЕ, 8 лет, все они находятся в приюте на вилле Эвер сахаровозчика Майера. Кроме этого, в приюте в имении Бюлли есть мальчик Михаил Миллер, 12 лет. Детей в Тагенмюнде и Бадыгене я видела лично. Мне также известно, из заявления тов. ПАРЬКОВА (помощник военного коменданта гор. Штендаль), что в гор. Гарделген находятся двое советских мальчиков — Алексей ГУТИК, проживает в гор. Эбельсфельд по Брауншвейгштрассе № 5, и мальчик Иван АНДРЮШКО, 1932 года рождения, из города Николаева, проживает у бургомистра в дер. Менсдорф.

В гор. Белице, около Потсдама, у врача немца находится русский мальчик 14 лет, об этом сообщил лейтенант НОВОЖЕНИН из комендатуры гор. Ратенов.

В комендатуре гор. Штендаль сказали, что в дер. Грибен, около города Тагенгют, у немцев воспитывается двое приёмшей, что следует проверить.

В гор. Штендаль, в комендатуре, мне сообщили, что в гор. Тагенмюнде по ул. Геренер есть девочка, около 3-х лет, по имени Луиза ПАРАМЗИНА, мать девочки украинка, а отец — француз, и девочка Лариса БРАТИСЛАВА в гор. Ратенов. В приюте по Карл-Маркс-плац № 4 находится русский мальчик 4-х лет по имени Эрих ШПЕЕР, об этом знает комендатура гор. РАТЕНОВ.

Свою дочь Зину я не нашла, но все её помнят. Её помнят немцы из Бельцига, в частности Густав ГЕТЦЕ сказал мне, что он хотел взять Зину, 8 лет, но Нина ЖИТНЕВА сказала, что она немка и что её зовут Вильгельмина ШУТЦЕ, и поэтому он взял ЖИТНЕВУ на воспитание. Её помнит повар Гергард КНИ из Дитмансдорфа, она принесла мне её фотокарточку. Мою девочку помнят и Нина ЖИТНЕВА, и Тася ЗЛОТИНА, воспитанницы этого же детского дома. Они говорят, что после Бельцига им неизвестно, куда она девалась.

Моя дочь, безусловно, была в Бельциге, об этом мне сказала ещё в 1945 году девочка Ольга ГУСЕВА, 16 лет, воспитанница данного же детского дома. Ольга ГУСЕВА сама прибежала в Минск.

Я думаю, что моя дочь была вывезена в СССР или из Бранденбурга, или из Ретцово. Заведующая детдомом ЦАНДЕР предполагает, что числящаяся в списке в числе прибывших в 1945 году в апреле месяце в приют по Роберт Бройштрассе № 40—41 РОЗИНА, 8 лет, и есть моя Зина. Эта РОЗИНА входит в число пяти детей, вывезенных из Бранденбурга нашими войсками в 1945 году. А может быть, моя дочь и была в Ретцово, так как одна немка, уборщица из Ретцово, будто бы узнала мою девочку по фотокарточке.

По этим следам и нужно искать ребёнка.

Есть ещё один момент. Одна девочка по имени Эрика, находящаяся в приюте в Тагенмюнде, похожа на мою дочь, но ей 6 лет, а моей 10 I/2.

Может быть, перенесённые страдания приостановили развитие ребёнка, и это действительно моя дочь.

Прошу Вас забрать всех обнаруженных в связи с поисками моей дочери Зины НИКОДИМОВОЙ советских ребят, указанных в заявлении.

Прошу направить вместе со мной 3-х старших детей: Нину ЖИТНЕВУ, Раю ФОМИНУ и Тасю ЗЛОТИНУ на виллу Эверс в гор. Тагенмюнде. Может быть, находящаяся в приюте девочка Эрика — моя дочь.

При поисках дочери прошу учесть, что у неё были следующие приметы: год рождения 1937, волосы русые, глаза голубые, на спи-

не под лопаткой — тёмное пятнышко, при улыбке на щеке была ямочка.

Из этого детского дома родители ищут детей: Эрика САВЧИКА, 10—11 лет, и мальчика по фамилии ХУРСИК из гор. Минска.

Работник Минского городского комитета партии ищет дочь ВЕЧЕР Таисию Антоновну, 1927 года рождения. Девочка находится в американской зоне оккупации, в лагере Дилькрайс Остлагерь № 2 в гор. Эверсбах. Адрес отца: гор. Минск, ул. Карла Маркса, д. № 18, Минский горком ВКП(б), инструктор горкома Антон ВЕЧЕР.

Поиски дочери в Германии привели меня к выводу, что здесь есть немало советских ребят. Их онемечили, дали немецкие имена, запугали, и дети из боязни не признаются, что они русские, притом немцы не хотят их отдавать.

Нужны особые меры, чтобы выявить и забрать наших детей. Помоему, нужно проверить все немецкие приюты, и с детьми, прибывшими с востока, беседовать с каждым в отдельности. Нужно проверить всех приёмшей в немецких семьях. Немцы особенно упорно не хотят отдавать патронированных детей.

В поисках советских детей активную помощь оказали следующие товарищи:

Товарищи БАРАНЮК и СТОПОН из комендатуры гор. Бельциг

Товарищ КОРЕПАНОВ из гор. Бург

Товарищи ОСТЯКОВ и РЕМЕР из комендатуры гор. Ратенов

Товарищи СЫРКОВ, ПАРЕНКОВ и ЕРЖОВ из комендатуры гор.

Штендаль

Прилагаю список немцев, знающих о детях из дома «СС—Гаймшуле».

Из гор. Бельциг — Густав ГЕТЦЕ и ШМИДТ; Гергард КНИ из дер. Дисмансдорф; Эдит ФИНКЕЛЬ из дер. Гольцов; заведующая домом «СС—Гаймшуле», проживает в дер. Прицерба. Все они известны тов. СТОГИНУ из комендатуры г. Бельцига.

В гор. Бург находится немка Герда ШНАЙДЕР, вывезшая 30 человек советских детей из Бельцига в Ратенов. В Ратенове дети были переданы представителю общества ЭН ЭС ФАУ. Герду Шнайдер знает тов. КОРЕПАНОВ из комендатуры гор. Бурга.

Немка ГАССЕЛЬБАД, работавшая казначеем в обществе ЭН ЭС ФАУ в гор. Ратенове, сейчас находится в замке Бадыген, около гор. Штендаль. О ней знает тов. ЕРЖОВ из комендатуры гор. Штендаль.

В дер. Ретцов многие знают о последней партии детей, находившихся в этой деревне в течение 6 недель. Они говорят, что 26 советских ребят были взяты русскими офицерами, прибывшими из гор. Науен, в июне 1945 года.

Кроме того, о детях из детского дома «СС—Гаймшулле» знает немка ШУРМАН, проживающая в Берлине по Вильмерсдорфландха-усштрассе № 361.

О детях знает немка Елена ХАРТМАН, проживающая в гор. Гамбург и немка Анна из дер. Ретцов, находящаяся ныне в больнице в гор. Шпандау.

Подпись Пруслина

*Оригинал, машинопись,
формат бумаги А4*

**Военному коменданту Берлина
Минский горком**

Гор. Бельциг (Германия) 36 км от Потсдама
военному коменданту

По имеющимся данным, в Вашем городе в детдоме № 30 находится девочка 7 лет Никодимова ЗИНАИДА Алексеевна из горла Минска. Минский горком КП(б)Б просит сообщить телеграфом о судьбе этого ребёнка.

Секретарь М.

*Оригинал, рукопись, чернила
На печати — 1947*

4 апреля 1947 г.

***Начальнику управления пограничных войск
Белорусского военного округа
генерал-майору Антонову К.А.***

Минский городской комитет КП(б) Белоруссии просит выдать пропуск лектору горкома КП(б)Б тов. Пруслиной Хасе Менделевне для проезда в город Бельциг (Советская оккупационная зона Германии) за своей 10-летней дочерью, вывезенной немецко-фашистскими захватчиками из города Минска.

Секретарь Минского городского комитета КП(б)Б В.Козлов

Машинопись, оригинал на 1 л.

***Войсковая часть
Полевая почта 96388
30 апреля 1947 г.***

30.04.47

Гр-ке Пруслиной Х.М.
Минск, ул. Кирова, дом 57, кв. 1

В дополнение к моему письму № 503 от 24.03.47 г. по вопросу о розыске Вашей дочери Никодимовой Зиной Алексеевны, 1937 г. рождения, сообщаю, что 10-летняя девочка, находящаяся на воспитании у немца Густава Геде, фотокарточка которой была выслана Вам, не является Вашей дочерью, ибо у неё отсутствуют приметы, о которых Вы сообщали в своём письме.

Эта девочка имеет карие глаза, ямочку на щеке, вихры на голове и родимого пятнышка на спине не имеет.

По причинам, изложенным в моём письме от 24 .3.47 г. № 503, установить местопребывание вашей дочери Зиной Никодимовой не предоставляется возможным.

Зам. командира в.ч. п. п. 96388
полковник Евсеев

Машинопись, оригинал на 1 л.

Подсолнечный д/д № 2
с. Подсолнечное
Петровского р-на
3 августа 1947 г.
№ 22/3

Справка

Дана настоящая Никодимовой Зине в том, что она действительно находилась на воспитании в Подсолнечном детдоме № 2 Петровского района Куйбышевской области и едет домой к родителям по месту жительства.

На что дана настоящая

Директор д/д № 2
Счетовод
Подписи Ильина и Емельяновой
Пред. с/с
Печать

Оригинал, рукопись, чернила

***Начальнику отдела репатриации
и розыска граждан объединённых наций
СВА в Германии***

Гражданки ПРУСЛИНОЙ ХАСИ МЕНДЕЛЕВНЫ

Заявление

Я приехала в Советскую зону оккупации Германии на основании пропуска, выданного мне Министерством внутренних дел Белорусской ССР № 155454 от 5 июля 1947 г., для розыска своей дочери, на границе у меня отобрали советские деньги в сумме 1400 рублей. В настоящее время я должна вернуться в СССР, но вследствие того, что у меня отобрали деньги, я не имею возможности выехать.

Прошу выдать мне на обратный путь денег в сумме 1600 м (800 рублей).

Полученную от Вас сумму я обязуюсь выслать по указанному Вами адресу:

Москва, Кропоткинский переулок, дом № 7. Управление Уполномоченного Совета Министров Союза ССР по делам репатриации, тов. Басилову Якову Дмитриевичу

Мой адрес

домашний: гор. Минск, ул. Кирова, № 57, квартира I.

служебный: г. Минск, ул. Карла Маркса, дом № 18, Минский горком ВКП(б).

25 июля 1947 г.

Пруслина Х.М.

Секретарю ЦК ВКП(б)

тов. КУЗНЕЦОВУ

от члена ВКП(б) Пруслиной Х.М,
парт билет № 4322273,
проживающей в гор. Минске,
ул. Кирова № 57 кв. 1.

Заявление

Тов. Кузнецов, по ходатайству Секретаря ЦК КП(б)Б тов. Зимянина мне был выдан пропуск в Германию для поисков моей дочери, угнанной немецко-фашистскими захватчиками из Минска. Благодаря этому пропуску моя дочь найдена, за что приношу Вам материнскую благодарность.

Но своего ребёнка я нашла не в Германии, а в детском доме в селе Подсолнечном Куйбышевской области, куда она была вывезена из Германии ещё в октябре 1945 года.

Я искала дочь три года всюду и везде. Обращалась ещё в 1944 году к генералу Голикову; три раза приезжала в Москву в Управление Уполномоченного по делам репатриации, писала много раз в разные бюро розысков, обращалась в Министерства Просвещения РСФСР и УССР, обивала пороги Министерства Просвещения БССР, куда я только не обращалась и куда я только не писала, и почти всегда получала убийственно холодный лаконичный ответ: «На учёте не состоит».

Нужно было после этих трёхлетних мытарств и мук объездить половину Германии и только в Берлине узнать, что моя дочь в Куйбышевской области с 1945 года.

В Германии, в связи с поисками моей дочери, мы нашли немало советских ребят. Поэтому я обратилась в органы по делам репатриации с просьбой забрать всех обнаруженных советских детей и просила также проверить все немецкие приюты — посмотреть, нет ли там наших ребят, также тщательно проверить всех приёмшей в немецких семьях, так как немцы особенно упорно скрывают и не хотят отдавать патронированных русских детей.

Ознакомившись с моим заявлением, Начальник Управления по делам репатриации Генерал Юркин распорядился немедленно забрать всех советских детей из приютов и у частных лиц и поместить их Бранденбургском лагере № 226, а мне, как советской матери, не нашедшей своего ребёнка, предложил выступить по радио с обращением, имея в виду, что есть немало фактов, что оккупационные власти в Западных зонах Германии не отдают наших детей. (Текст этого обращения, прочитанного 25 июля 1947 г. в Берлине, прилагаю ниже.)

Наших детей обнаружить в Германии не легко. Все дети, как в приютах, так и взятые на воспитание немцами, онемечены. Русский язык ими забыт. Все ребята носят немецкие имена. Только детки постарше помнят настоящее имя. Редко кто помнит место рождения. Некоторые ребятки говорят, что меня зовут «Коля Иванов», а родился я в Германии, другой зовёт себя Рудольфом, а родился в СССР.

Когда мы собирали советских детей, каждого ребёнка приходилось брать у немцев силою. При этом и дети, перенесшие столько горя, страха, побоев, голода, боятся перемен.

Но все эти трудности не могут оправдать того факта, что советским матерям ещё не возвращены угнанные немцами дети. Чем, например, может оправдаться Комендатура города Бранденбург, что нам за один только день 20 июля взято из этого города 8 чел. советских детей. Причём я знаю, что Комендатуре было известно о наличии советских детей в Бранденбурге.

Как же я нашла дочь?

Собирая советских детей, мы нашли следы, ведущие к советскому лагерю № 232 в г. Франкфурт-на-Одере. Но этот лагерь уже давно ликвидирован, а его архивы отправлены в Москву. В Берлине работники аппарата Генерала Юркина при поисках случайно обнаружили список детей, отправленных в Куйбышевскую область, и среди них числилась моя дочь Зина Никодимова, 1937 года рождения.

И только тогда, когда я прибыла в Москву, в Управление Уполномоченного по делам репатриации, и показала официальную справку за подписью Генерала Юркина, что эшелонам № 51400 25 октября 1945 г. отправлены в Куйбышевскую область дети, а также и девочка Никодимова Зина, только тогда здесь, в списках репатриированных детей, нашли мою дочь, то есть до этой справки из Берлина три года в этом Управлении отвечали, что им неизвестно, где мой ребёнок.

Нет порядка с учётом и в органах Министерств просвещения. До сих пор в Управлении детдомами Министерства просвещения РСФСР нет даже списков репатриированных детей. Его нет и у нас в Белоруссии. Там вообще розыском детей не хотят заниматься. Заведующий отделом детдомов Министерства просвещения Белоруссии т. Зарубанов, на мои просьбы искать репатриированных ребят, ответил, что он их искать и забирать не будет, так как ему детей некуда девать.

Спрашивается, куда же может обратиться многострадальная мать, ищущая ребёнка? Куда?

Когда же, наконец, будет наведён порядок с розыском и возвращением детей их родителям? Почему нельзя использовать для изве-

щения родителей печать, радио и даже кино? Особенно при извещении о детях, не знающих ни своего имени, ни места рождения.

В наших Советских условиях есть немало возможностей помочь родителям найти детей, а деткам — родителей.

Когда я забирал дочку из детдом № 2 села Подсолнечное Куйбышевской области, ребятки этого дома сначала плакали от радости, что их подружка нашла маму. Но вскоре слёзы радости перешли в горькие детские слёзы. Ребятки рыдали и приговаривали: «А вот нас наши мамочки не находят».

Видимо, кое-кто из людей, которые должны проявлять Сталинскую заботу о детях, забыли эти детские слёзы.

Член ВКП(б), стаж с 1928 г.

Партбилет № 4322278 Пруслина

При поиске советских детей в Германии оказывали активную помощь т.т. Баранюк и Стопон (г. Бельциг), т. Корепанов (г. Бург), т.т. Сырков, Паренков и Ерзов (г. Штендаль), т.т. Остяков и Ремер (г. Ратенов) и др. Всех этих товарищей благодарю за исключительную заботу и помощь, оказанные в поисках дочери, а также лично Генерала Юркина, Полковника Писаренко, ст. лейтенанта Крюкова, майора Яновицкого и т. Новосёлова (лекторская группа ЦК ВКБ(б)).

Подпись Пруслина

Машинопись, оригинал на 3 листах формата А4

Государственные награды Хаси Пруслиной за 1944—1970 гг.

Медаль «Партизану Отечественной войны» I степени; 14.07.1944

Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»; 9.05.1945

Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»; 24.09.1946

Орден Красной Звезды; 31.01.1949

Юбилейная медаль в ознаменование 20-летия освобождения столицы Белоруссии города Минска от немецко-фашистских захватчиков; 3.07.1964

Медаль «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»; 7.05.1965

Знак «25 лет Победы в Великой Отечественной войне»; 9.05.1970

Медаль «50 лет Вооружённых сил СССР»; 26.12.1967

Медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина»; 3.11.1970

Список литературы

1. Барановский Е. Низвержение обвинительного уклона. Правда и вымыслы о Минском подполье // Рэспубліка. 24 ліпеня 1996. С. 15; 25 ліпеня 1996. С. 7; 26 ліпеня 1996. С. 11; 30 ліпеня 1996. С. 7.
2. Белорусские оstarбайтеры: ист.-аналит. исслед. / Г.Д. Кнатько, В.И. Адамушко, Н.А. Бондаренко и др.; под ред. Г.Д. Кнатько. Мн.: НАРБ, 2001. 336 с.
3. Выжить — подвиг: воспоминания и документы о Минском гетто / Сост., предислов. И.П. Герасимова, В.Д. Селеменев. Мн.: НАРБ, 2008. 166 с.: ил.
4. Иоффе Э.Г. Белорусские евреи: трагедия и героизм: 1941—1945. Мн., 2003. 428 с.
5. Когда слова кричат и плачут: Дневники Ляли и Берты Брук. Мн.: НАРБ, 2004.
6. Мінскае антыфашысцкае падполле / Аўт.-укл. Я.І. Бараноўскі, Г.Дз. Кнацько, Т.М. Антановіч і інш. Мн.: Беларусь, 1995. 256 с.
7. Мінскае гета 1941—1943 гг.: Трагедія. Гераізм. Памяць. Матэр. міжнар. навук. канф. 24 кастр. 2003 г., Мінск. Адк. рэд. В.Ф. Балакіраў, К.І. Козак. Мн.: Историческая мастерская, 2004. 208 с.
8. Паўлаў У.П. Дзеці ліхалецця: Дакументальныя нарысы. Мн., 2005.
9. Смоляр Г. Менскае гета: барацьба савецкіх габрэяў-партызан супраць нацыстаў. Мн.: ААТ „Паліграфкамбінат імя Я. Колдаса“, 2002. 416 с.
10. Смоляр Г. Мстители гетто. Перевод М. Шамбадал. М.: Госиздательство «Дер Эмес», 1947. 128 с.
11. Трейстер М. Проблески памяти. Воспоминания, размышления, публикации. Schimmer vom Gedächtnis... Erinnerungen, Überlegungen und Publikationen. Отв. ред. К.И. Козак. Мн.: Историческая мастерская, 2007. 242 с.
12. Холокост в Беларуси. 1941—1944. Документы и материалы. Мн.: НАРБ, 2002. 276 с.

Жизнь до войны

Хася Пруслина. Минск, 1928.

Матвей Пруслин. Минск, 1939.

Семья Пруслиных. Бабушка Дина Хая, дедушка Мендель Борух и их дети: Залман (впереди), Меер, Матвей, Хася. д.Горбачево Полоцкого уезда, 1911.

Дина (Зина) Никодимова. Минск, 1939.

Матвей Пруслин вместе с боевыми друзьями 1939—1940 гг.

Военные годы

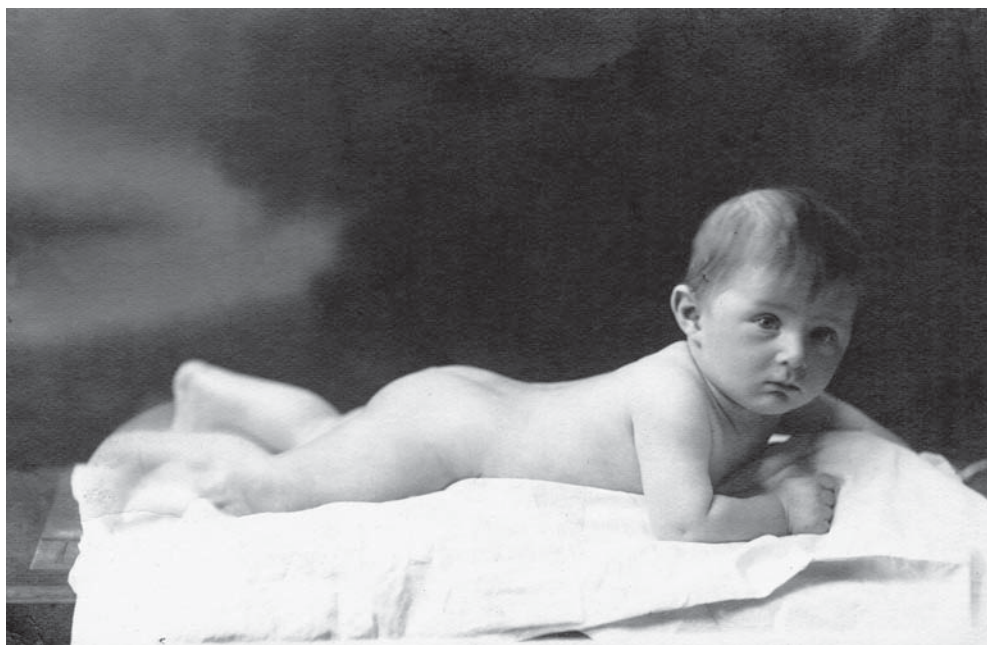
Казнь Маши Брускиной. Минск, октябрь 1941.
(под фотографией в книге «Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941—1944» (Мн., 1963) запись Хаси Пруслиной «Маша Брускина»)

Минское гетто 1941-1943 гг.

Борис Пруслин (погиб в 1942 г.). Минск, 1935.

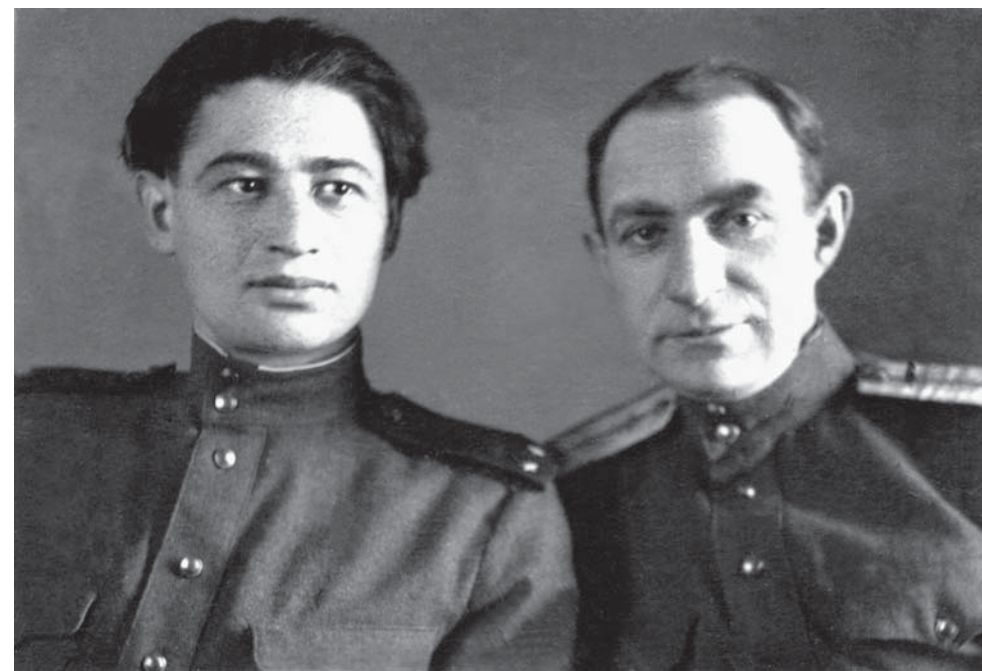
Май Никодимов (погиб в Минском гетто 7 ноября 1941 г.). Минск, 1930.

Хася Пруслина
(паспорт на имя Пелагеи Петровны
Федюк). Минск, 1942.

Мария Долголантьева и Надежда
Стречень — члены подпольной группы
Хаси Пруслиной. Минск, март 1943.

Двоюродный брат мамы Володя Шацман и Залман Пруслин. Киев, 1945.

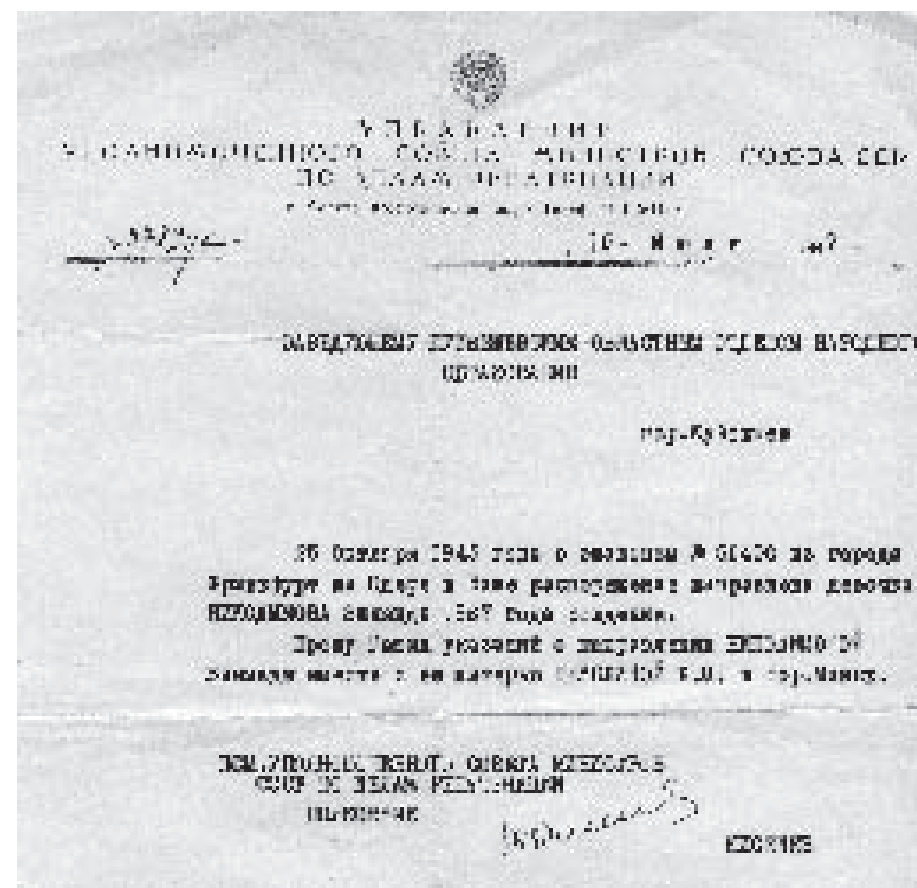
Дорога домой

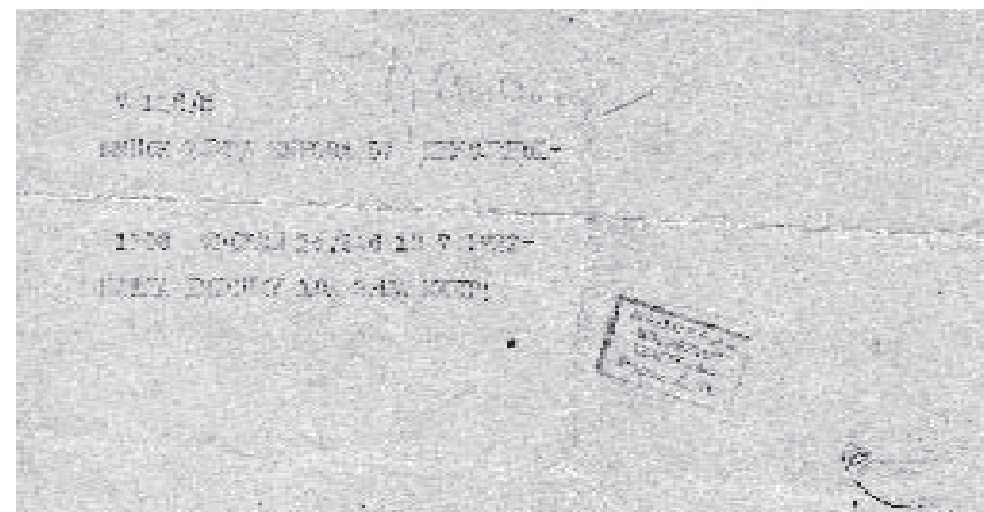
Директор детского дома «СС Гаймшуле»
фройлян Цандер Имили. Бельциг, 1945.

Воспитанники детдома с. Подсолнечное
(Зина Никодимова — второй ряд, первая справа). 1946.

Справка военной администрации. 1947.

Радостная телеграмма из Москвы в Минск. 1947.

Первая встреча в семье (мама Хася Пруслина, Зина, Валодя Шацман — первый ряд; Семен Фалович, тетя Белла Пруслина - второй ряд). Минск, 1947.

Детдомовцы Маша Миронова, Татьяна Васильевна Захарова (учитель), Лёня Гяч, Алик Цыганков, Петя Никитин, Вова Шикун, Яша Коноваленко. Подсолнечное, ноябрь 1948.

Рабочие будни

Хася Пруслина среди студентов
Белорусского театрально-художественного института. Начало 1950-х гг.

Зинаида Никодимова —
врач-ординатор 1-й клинической
больницы г. Минска. Минск, 1970.

Зинаида Никодимова — капитан
внутренней службы. Минск, 1977.

Хася Пруслина.
Минск,
кон. 1960-х гг.

25.11.72. Химфак БГУ

1. Вступление, попашки
2. О себе -
3. Минск 1941-45 - гитлер и
ранее оккупация - гитлер
и немецкая власть
 3/ Жизнь Молчан
 жизнь "семейства войны"
 рабство и жизнь в плену
 Переезда в Минск
 а) Бюрократия - это руководство
 по выдаче "внутри" гитлер
Слова Козлова и Я. Курдюков
 б) Визиты, гитлер
 в) Печать
 г) Отчеты (20)
 д) Структура - Б. Савельев
В. И. Кар. Он
и Савельев
III Савельев - Знако.
 Минск 1941-45, город Переезда
 Еще не все известно
 Выводы - наше (им. Савельев) обстоятельство

справка, выдана по делу

Тезисы выступления
Хаси Пруслиной перед студентами химического факуль-
тета БГУ. 25 ноября 1972.

Научно-популярное издание

Архив Хаси Пруслиной:
Минское гетто, антифашистское подполье,
репатриация детей из Германии

Составитель

Никодимова Зинаида Александровна

Ответственный за выпуск

Козак Кузьма Иванович

Подписано в печать 23.02.2010. Формат. 70Ч100 $\frac{1}{16}$
Бумага офсетная. Гарнитура «SchoolBookC». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11.03 Уч.-изд. л. 5.79
Тираж 200 экз. Заказ 1651.

Издатель И.П. Логвинов
ЛИ №02330/0494468 от 08.04.2009
пр-т Независимости, 19-5, 220050, г. Минск.

Отпечатано ОДО «НоваПринт».
ЛП 02330/0150476 от 25.02.2009 г.
ул. Купревича, 2, 220141, г. Минск.